

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2024 / ТОМ 15 / НОМЕР 4

ДИПЛОМАТИЯ И ПОДГОТОВКА ДИПЛОМАТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

11–20

А.В. ТОРКУНОВ

«Синергия науки
и практики»: МГИМО
и отечественная школа
дипломатической
подготовки

21–39

М.А. КОНАРОВСКИЙ
А.И. КУЗНЕЦОВ

«Олицетворять
обаяние русского
имени»

40–65

И.В. ДЬЯЧКОВ,
А.Д. ДАНИЛЕНКО,
П.П. КАЛУГИНА,
Н.С. КУКЛИН

Подготовка дипломатов
и внешнеполитическая
субъектность: опыт
стран Азии

137–157

С. МЕЛКОНЯН,
К. ДЖАЛАТЯН

От независимости
к «революции»:
эволюция
дипломатической
службы Армении

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью».

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования.

Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее актуальные по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаданных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б. Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно:

в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777; по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2024. – 15(4). – С. 1-192.

Подписано к печати: 25.12.24.

Формат: 108x70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 12. Тираж 200 экземпляров. Заказ 0000.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

2024 / VOLUME 15 / No. 4

CHIEF EDITOR

Sergey M. Markedonov
MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR

Akhmet A. Yarlykapov
MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD

Andrei Tsygankov – San Francisco State University (USA)
Aleksandar Životić – University of Belgrade (Serbia)
Benedikt Harzl – University of Graz (Austria)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Xue Fuqi – Chinese Academy of Social Sciences (China)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander L. Chechevishnikov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Andrey A. Sushentsov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Dmitriy I. Pobedash – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
Ilya N. Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)
Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia, Tomsk)
Lyubov A. Fadeeva – Perm State University (Russia, Perm)
Michael I. Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)
Natalia V. Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Oleg Yu. Mikhalev – Voronezh State University (Russia, Voronezh)
Pavel B. Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)
Valeriy N. Konyshv – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Viktor Yu. Apryshchenko – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
Viktor L. Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)
Yakov Ya. Grishin – Kazan Federal University (Russia, Kazan)

SCOPE

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), and in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Q2). The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies,
MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Alexander L. Chechevishnikov
Anastasia V. Pavlova
Evgenia S. Larina
Evgeni S. Pankov
Grant A. Beglarian
Natalya A. Samoylovskaya
Nikita Ya. Neklyudov
Uliana V. Yakutova

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

2024 / ТОМ 15 / № 4

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александар Животич – Белградский университет (Сербия)

Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)

Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)

Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)

Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)

Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)

Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)

Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)

Сюэ Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)

Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)

Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)

Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)

Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)

Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)

Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)

Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)

Павел Борисович Паршин – Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва)

Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал. В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (К2).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Александр Леонидович Чечевишников
Анастасия Вячеславовна Павлова
Грант Артурович Бегларян
Евгения Сергеевна Ларина
Евгений Сергеевич Панков
Наталья Александровна Самойловская
Никита Яковлевич Неклюдов
Ульяна Вячеславовна Якутова

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Профессия – дипломат

С.М. МАРКЕДОНОВ

7

ИНТЕРВЬЮ

«Синергия науки и практики»: МГИМО и отечественная школа дипломатической подготовки

А.В. ТОРКУНОВ

11

БЕСЕДА

«Олицетворять обаяние русского имени». Беседа Чрезвычайных и Полномочных Послов М.А. Конаровского и А.И. Кузнецова о доминантах дипломатической профессии, с участием В.В. Воротникова и А.Л. Чечевишникова

21

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Подготовка дипломатов и внешнеполитическая субъектность: опыт стран Азии

И.В. ДЬЯЧКОВ, А.Д. ДАНИЛЕНКО, П.П. КАЛУГИНА,
И.С. КУКЛИН

40

От независимости к «революции»: эволюция дипломатической службы Армении

С. МЕЛКОНЯН, К. ДЖАЛАТЯН

137

Дипломатическая подготовка как путь к суверенитету: анализ дипломатических школ незападных стран

И.В. КИСЕЛЕВА, И.С. ХЛУДОВ, А.И. ГЛАДЫШЕВА,
А.К. АДРИАНОВ, В.А. ПЕРУНОВ, С.А. ДАВЫДОВ

66

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Подготовка специалистов в области международных отношений в Казахстане

Р.С. КУРМАНГУЖИН, Р.Т. САУРАМБАЕВА

158

Между ремеслом и привилегией: особенности подготовки дипломатов в западных странах

А.П. СОКОЛОВ, И.С. ХЛУДОВ, Е.Д. СПИРИН,
М.А. МАКАРОВ

97

Подготовка дипломатических кадров в Республике Беларусь: история, «точки входа» и эпистемное сообщество

Е.В. ПИЛЫГУН, О.Н. ЛЕШЕНЮК, А.С. БОЯШОВ

173

Дипломатическое измерение трансформации правящей элиты и официальной оппозиции Великобритании в 2015–2022 годах

А.А. МАЛИНИНА

120

РЕЦЕНЗИЯ

Куда ведет турецкий маршрут?

Р.И. ГУЗАЕРОВ

187

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

Profession Diplomat

S. MARKEDONOV

7

INTERVIEW

“Synergy of Science and Practice”: MGIMO University and the National Tradition of Diplomatic Training

A. TORKUNOV

11

CONVERSATION

“To Have a Winning Way of a Russian Name About Us.” Conversation Between Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary M. Konarovsky and Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary A. Kuznetsov Featuring V. Vorotnikov and A. Chechevishnikov

21

RESEARCH ARTICLES

Diplomatic Training and Sovereign Foreign Policy: Experience from Asia

I. DYACHKOV, A. DANYLENKO, P. KALUGINA, N. KUKLIN 40

Diplomatic Training and Sovereignty: Insights from Non-Western States

I. KISELEVA, I. KHLUDOV, A. GLADYSHEVA, A. ADRIANOV, V. PERUNOV, S. DAVYDOV 66

Western Diplomatic Training: A Comparative Analysis of Education Models

A. SOKOLOV, I. KHLUDOV, E. SPIRIN, M. MAKAROV 97

Diplomatic Dimension of the Transformation of the UK Ruling Elite and the Official Opposition, 2015–2022

A. MALININA 120

From Independence to “Revolution”: The Evolution of Armenia's Diplomatic Service

S. MELKONIAN, K. JALATYAN 137

RESEARCH ESSAYS

Training of International Relations Specialists in Kazakhstan

R. KURMANGUZHIN, R. SAURAMBAEVA 158

Diplomatic Training in the Republic of Belarus: History, “Entry Points” and Epistemic Community

E. PILGUN, O. LESHENYUK, A. BOYASHOV 173

REVIEW

Where does the Turkish Route Lead?

R. GUZAEROV 187

Профессия – дипломат

На первый взгляд трудно найти темы менее исследованные, чем вопросы истории и теории дипломатии. Конгрессы и конференции, переговоры, соглашения, системы международных отношений, традиции национальных дипломатических служб. Все эти сюжеты широко представлены как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе¹. Антонен Дебидур (1847–1917), известный французский историк европейской дипломатии XIX столетия, в свое время посетовал на то, что для полноты исследования избранной им темы, всего ее «многообразного и сложного развития» потребовалась бы целая жизнь и объем, явно превосходящий два тома². При этом важно помнить и о том, что масштабные заключения о достижениях и просчетах наших современников без знакомства с первоисточниками, зачастую остающимися вне доступа для широкого круга исследователей, представляют собой довольно сложную задачу.

Тем не менее, такие вопросы, как происхождение дипломатии, формирование дипломатических традиций, особенности подготовки практиков и теоретиков международных отношений, неизменно сохраняют академическую актуальность и прикладное значение. В классических произведениях Франсуа де Кальера (1645–1717), Гарольда Никольсона (1866–1968) и Эрнеста Мейсона Сатоу (1843–1929) целые разделы посвящены тому, как точнее определять феномен дипломатии и дипломатов³. В каждой из попыток определения этих явлений мы можем найти очевидные причины. Трудно спорить с тем, что искусству дипломатии необходимо обучать. Иначе как неопытный солдат на поле боя, так и неподготовленный дипломат за столом переговоров, потерпит сокрушительное поражение. Справедлива оценка Рене Декарта (1596–1650) о практической полезности знакомства «с нравами разных народов, чтобы более здраво судить о наших и не считать смешным и неразумным все то, что не совпадает с нашими обычаями, как нередко делают люди, ничего не видевшие»⁴. Профессия дипломата немислима без широких страновых знаний, знаний человеческой психологии и такта.

Однако нельзя не заметить, что вышеупомянутые классики в своем стремлении к генерализациям фокусировались на поиске «идеального дипломата»

1 История дипломатии. В 3-х тт. / Под ред. В.П. Потемкина. Т. 1. (XV в. до н.э.–1871 г.). М.: ОГИЗ, 1941. 566 с. Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872–1919 гг.). М.: ОГИЗ, 1945. 431 с. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). М.: ОГИЗ, 1945. 900 с.; Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. М.: Олма Пресс, 2002. Т. 1 (860–1917). 606 с. Т. 2. (1917–2002 гг.). 624 с. Т. 3. (Биографии министров иностранных дел. 1802–2002 гг.). 2022. 419 с.; Киссинджер, Г. Дипломатия. М.: АСТ. 896 с.; Constantinou, Costas M., Kerr, Pauline, and Paul Sharp, eds. *The SAGE Handbook of Diplomacy*. Thousand Oaks, SAGE Publications Inc., 2016.

2 Дебидур, А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). В 2-х тт. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. Т. 1. Священный Союз. С. 23.

3 Callières, François de. *De la manière de négocier avec les souverains*. Paris: Pedone, 2018.

4 Декарт, Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 27.

(как некоего аналога «универсального солдата»): профессионала своего дела, знатока тысяч деталей и нюансов. Между тем, продолжая сравнения между военным и дипломатическим искусством, идеальный солдат или дипломат немислим без образа Родины. Без него солдат превращается в простого наемника, а дипломат – в изворотливого дельца и спекулянта. В своем знаменитом романе «Травницкая хроника», посвященном дипломатическим играм на Балканах в начале XIX столетия, лауреат Нобелевской премии по литературе Иво Андрич (1892–1975) показал ту силу, которую имеют государственно-политические символы для простых людей¹. Именно дипломаты во многом конструируют, продвигают и утверждают эти символы за столом переговоров, зачастую после тяжелых военных испытаний.

Выдающийся советский и российский дипломат Юрий Дубинин (1930–2013) справедливо замечал, что хотя переговоры и являются «сердцевиной дипломатии», эти понятия не тождественны. Дипломатия шире, а переговорная практика – инструмент, используемый для «сопряжения интересов отдельных стран с интересами других участников международного общения, с интересами всего международного сообщества»². В этом контексте нельзя не заметить политико-методологических отличий в подходах отечественных корифеев дипломатии и американских. По словам Генри Киссинджера (1923–2023), «как будто по какому-то естественному закону развития каждое столетие, как представляется, возникает страна, обладающая мощью, целеустремленностью, интеллектуальными и моральными стимулами, достаточными для того, чтобы формировать международную систему в соответствии со своими собственными ценностями». Здесь уже в повестке дня не «сопряжение интересов», а приведение международной системы к единому знаменателю страной, возникающей «по естественному закону»³. Следовательно, профессиональная (страновая, языковая, психологическая, правовая) подготовка не может превращаться в «чистое» дипломатическое искусство без учета мировоззренческих аспектов⁴.

Четвертый номер нашего журнала, завершающий 2024 календарный год, посвящен роли дипломатии и подготовке дипломатов в современном мире. Появление новых центров силы и борьба старых лидеров за право определять правила игры на международной арене требуют по-другому посмотреть на профессию дипломата и дипломатическое искусство. Что из прежних традиций актуально сегодня, а от чего отказываются (и будут отказываться в обозримой перспективе)? Насколько процессы глобализации и различные интеграционные проекты влияют на трансформации национальных дипломатических школ?

Номер открывает интервью с ректором МГИМО и членом Коллегии МИД России, академиком и членом Президиума РАН Анатолием Торкуновым. Уникальность МГИМО по сравнению с другими центрами подготовки дипломатов и исследователей-международников заключается в синергии науки и практики, диалоге поколений, а также диалектическом сочетании традиций и инноваций.

1 Андрич, И. Травницкая хроника. М.: Художественная литература, 1958. С. 9.

2 Юрий Владимирович Дубинин в разное время занимал посты заместителя министра иностранных дел, Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Испании, США, Франции, на Украине. См. подробнее Дубинин, Ю.В. Мастерство переговоров. М.: Международные отношения, 2009. С. 12.

3 Киссинджер, Г. Указ. соч. С. 9.

4 Пряжин, В.Ф. Мировоззренческие начала дипломатии. М.: Аспект Пресс, 2023. 240 с.

В ходе беседы отечественная школа дипломатической подготовки рассматривается как в историческом контексте (русская дореволюционная и советская традиция), так и в сравнении с зарубежным опытом.

Основная тема, поднятая в интервью, дополнительно раскрывается в беседе двух корифеев российской дипломатии Михаила Конаровского и Александра Кузнецова с Александром Чечевишниковым, заместителем директора Института международных исследований, и Владиславом Воротниковым, заведующим Кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО. Дипломатическая служба Михаила Конаровского долгие годы была связана с восточным направлением (здесь следует особо отметить двухлетний опыт посла России в Афганистане), а профессиональный опыт Александра Кузнецова связан с Европой, США и Латинской Америкой. В ходе беседы затрагивались доминанты дипломатической профессии, траектории взаимодействия теоретиков и практиков, сочетание широких академических знаний и опыта.

Следующий блок номера – исследовательские статьи, посвященные особенностям подготовки дипломатов в различных странах и регионах мира. Все эти материалы объединяет компаративистский подход авторов. Если в одних статьях сравниваются разные страновые кейсы (государства – члены НАТО и Евросоюза, страны Азии, Африки и Латинской Америки), то в других проводится анализ различных исторических фаз развития национальных дипломатических служб (речь идет о постсоветских странах: Армении, Белоруссии, Казахстане, а также о кейсе Великобритании).

В работе Ильи Дьячкова, Алексея Даниленко, Полины Калугиной и Никиты Куклина изучаются особенности профессиональной подготовки дипломатов в макрорегионе «Большой Восточной Азии» (включает Китай, Вьетнам, Республику Корея, Индонезию и Индию). Авторы утверждают, что качества профессиональных дипломатов в этих странах напрямую связаны со стремлением их национально-государственных элит к повышению автономии и субъектности на мировой арене. Таким образом, профессиональная подготовка дипломатов в «Большой Восточной Азии» видится в более широком контексте их стратегического позиционирования.

Статья Анастасии Гладышевой, Ирины Киселевой, Ивана Хлудова, Артема Адрианова, Валерия Перунова и Сергея Давыдова рассматривает траектории развития дипломатических школ незападных государств. Авторы анализируют опыт ряда ближневосточных (Египет, Иран, Саудовская Аравия, Турция), африканских (Нигерия, Эфиопия, ЮАР) и латиноамериканских (Бразилия, Куба и Мексика) стран. Ключевой вывод, сделанный коллективом исследователей, заключается в том, что сама по себе суверенность – недостаточная предпосылка для создания качественной дипслужбы, эмансипированной от западной гегемонии. Намного важнее развитие национальной дипломатической школы, учитывающей собственный опыт и достижения, а также умело адаптирующей внешние влияния.

В статье Артема Соколова, Ивана Хлудова, Егора Спирина, Марка Макарова рассматриваются страны Запада (США, Британия, Франция, Германия, Венгрия и Польша). Авторы обращают внимание на дилемму выбора между дипломатическим ремеслом и общественно-политической привилегией. Фиксируя общие и особенные черты в подготовке дипломатов в вышеуказанных государствах, исследователи особо подчеркивают растущую роль внутривласти-

тических факторов в формировании внешнеполитических приоритетов, а также смягчение критериев профессиональной дипломатической подготовки.

«Западный блок» номера продолжает текст Александры Малининой. Он посвящен дипломатическому измерению британских элитных трансформаций. При этом автор рассматривает как провластные, так и оппозиционные группы. С точки зрения автора, оппозиционеры оказались в целом успешнее в адаптации к новым реалиям как внутри страны, так и на международной арене, что и позволило им в 2024 г. перейти в статус правящей силы.

Статьи Рустема Курмангужина и Розы Саурабаевой, Елены Пильгун, Олега Лешенюка и Анатолия Бояшова, Сергея Мелконяна и Кнарик Джалатян образуют «постсоветский цикл» материалов номера. Тексты посвящены подготовке дипломатов и трансформации дипслужб Казахстана, Белоруссии и Армении. По мнению Рустема Курмангужина и Розы Саурабаевой, Астане необходимо внести определенные коррективы в существующую систему в контексте позиционирования Казахстана как «среднего государства», осознающего ответственность в будущей структуре международных отношений. Елена Пильгун, Олег Лешенюк и Анатолий Бояшов делают акцент прежде всего на академические и образовательные стандарты подготовки белорусских дипломатов. В повышении их качества они видят залог успешного продвижения интересов страны на мировой арене. Сергей Мелконян и Кнарик Джалатян исследуют генезис армянской дипломатии в контексте национально-государственного строительства в постсоветский период. Они анализируют взаимодействие между институциональным развитием, бюрократической политикой и суверенитетом в дипломатии Армении. И хотя авторы фиксируют значительный прогресс на пути создания собственной национальной дипслужбы, тем не менее они полагают, что поддержание этих достижений требует минимизации ряда негативных трендов.

Номер завершает рецензия Разиля Гузаерова на книгу «Турецкий маршрут». Автор рассматривает данную работу как попытку оценить внешнеполитический курс Анкары в контексте превращения Турции в «среднюю державу», пытающуюся дистанцироваться от главных центров силы, утвердиться в качестве ключевого регионального игрока на Ближнем Востоке, в Северной Африке и на Южном Кавказе.

Привычный для нас мир меняется, а с ним и приоритеты подготовки дипломатов. И все же Жюль Камбон (1845–1935) был прав, когда сделал акцент на том, что дипломат – это, прежде всего, человек. Поэтому «внешняя окраска дипломатии меняется». Но «существо остается неизменным, во-первых, потому, что человеческая природа не меняется, во-вторых, потому, что существует только один путь к разрешению международных разногласий... это – слово честного человека»¹.

Наши авторы и редакция журнала попытались дать новое прочтение теме подготовки дипломатов и роли дипломатии, затронув сюжеты исторического прошлого и актуальные проблемы настоящего. Существенно расширив географическое поле, авторы рассмотрели не только западные кейсы, но и обратились к опыту и традициям стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Сергей Маркедонов, главный редактор

1 Камбон Ж. Дипломат. М.: Госполитиздат. 1946. С. 32.

«Синергия науки и практики»: МГИМО и отечественная школа дипломатической ПОДГОТОВКИ

*Интервью с Анатолием Васильевичем Торкуновым,
ректором МГИМО МИД России*

*Анатолий Васильевич Торкунов – ректор МГИМО МИД России, академик,
член Президиума РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Коллегии МИД России*

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

С.М. Маркедонов. Эрнест Ренан в свое время говорил, что истоки – это самое достойное уважения и изучения. В октябре 2024 г. МГИМО отметил 80-летний юбилей. Уже стало своего рода конвенциональной мудростью называть наш вуз кузницей дипломатов и международников. И надо сказать, что МГИМО наследовал многие традиции: и зарубежные, и отечественные – где-то обгонял время... Чтобы понять уникальность МГИМО, стоит, наверное, сравнить наш институт с какими-то мировыми аналогами. В чем общее и особенное, с Вашей точки зрения?

А.В. Торкунов. МГИМО был одним из первых вузов в мире, где началась подготовка специалистов-международников – титульная подготовка, с дипломом международного. Потому что политологов начали готовить раньше. У нас политологов не готовили – эта специальность вообще появилась только тридцать лет назад, даже чуть меньше. МГИМО с 1944 г. стал готовить историков-международников, потом экономистов-международников, а потом уже собственно специалистов по международным отношениям.

Традиции подготовки таких специалистов существовали и в Российской империи. С первой половины XVIII в. шла подготовка в Петербурге, прежде всего специалистов по восточным языкам, поскольку страна поворачивалась в сторону Востока, осваивала Сибирь, осваивала Дальний Восток, развивала контакты с Китаем и со странами Юга. Нужны были специалисты со знанием языков, и такие курсы были открыты при внешнеполитическом ведомстве – Коллегии ино-

странных дел. Потом, после преобразования в 1802 г. Коллегии в Министерство иностранных дел, они работали при Министерстве. В Петербургском университете также была открыта программа по восточным языкам, где, конечно же, преподавались не только языки. Там была широкая университетская подготовка: история, география, экономика, юриспруденция.

Не могу не упомянуть предшественника МГИМО – Лазаревское училище восточных языков¹. Сначала оно называлось просто Лазаревским училищем. Там тоже на университетском уровне готовились специалисты с восточными языками. Училище возникло одновременно с Царскосельским лицеем, из стен которого вышли пять министров иностранных дел². Я специально запрашивал программы и Царскосельского лицея, и Лазаревского училища, они в существенной степени пересекались. По-видимому, лицей и училище, что называется, присматривали друг за другом. Тем более что их попечителями были высокие чиновники. Попечителем Лазаревского училища был Александр Христофорович Бенкендорф, известный моему поколению в большей степени как начальник Третьего отделения императорской канцелярии, один из главных цензоров Александра Сергеевича Пушкина.

Многие из применявшихся тогда программ использовались и в более позднее время, в частности в Институте восточных языков в Москве и во вновь созданном МГИМО. Подготовкой наших программ занимались маститые ученые из МГУ. Возглавлял эту работу Иван Дмитриевич Удальцов, который одно время был ректором МГУ и впоследствии стал первым директором МГИМО. Помимо юристов, экономистов, историков, филологов МГУ активное участие в создании и становлении нашего института принимал Народный комиссариат иностранных дел и его руководители. Когда мы просматриваем архивные материалы, в том числе личные фонды (в частности, внук Ивана Дмитриевича Удальцова, наш известный дипломат и посол Александр Иванович Удальцов показывал мне документы, которые он нашел в личном архиве деда), мы видим, что программы активно прорабатывались и руководством НКВД, включая В.М. Молотова. Он смотрел эти программы и давал добро на включение тех или иных предметов, дисциплин и направлений подготовки.

Это – удивительное сочетание, когда содержательно работа института, с одной стороны, готовилась маститыми учеными: Евгений Викторович Тарле готовил историческую часть этих программ, Сергей Борисович Крылов и Всеволод Николаевич Дурденевский – юридическую³. Принимал участие в этой работе и известный экономист академик Евгений Самуилович Варга. С другой стороны, в этот процесс были включены дипломаты, в том числе высший состав НКВД. Уже на первом этапе работы МГИМО преподавательскую работу здесь вели

- 1 Торкунов, А.В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 9–22; Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО / под общ. ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2021. 384 с.
- 2 Александр Михайлович Горчаков (1856–1882), Николай Карлович Гирс (1882–1895), Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1895–1896), Александр Петрович Извольский (1906–1910), Сергей Дмитриевич Сазонов (1910–1916). После переезда в 1843 г. в Петербург лицей стал именоваться Императорским Александровским.
- 3 Полвека спустя (1948–1998). Говорят первые выпускники МГИМО / ред. кол.: В.В. Витюк, В.Е. Качанов, Р.А. Сергеев, А.В. Торкунов. М.: Московские учебники и Картолитография, 1998. С. 122.

молодые дипломаты – такие как А.Ф. Добрынин¹. Он в это время только окончил Высшую дипломатическую школу, работал в кадровой службе Министерства иностранных дел и именно в МГИМО получил звание доцента, преподавая историю международных отношений и внешнюю политику США. Впоследствии он стал известным дипломатом, почти четверть века проработал на посту посла в Соединенных Штатах Америки.

Эта синергия науки и практики дала положительные плоды. Уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг. кадры Министерства были укомплектованы главным образом выпускниками МГИМО, молодыми и среднего возраста – многие приходили в институт после фронта, в 25–26 лет. Практически до 1955 г. МГИМО принимал участников Великой Отечественной войны. Борис Леонидович Колоколов, заместитель министра иностранных дел, а до того возглавлявший протокольный отдел МИД СССР и являвшийся послом в Тунисе, пришел учиться в МГИМО в 26 лет, уже в звании капитана. Он блестяще учился и стал одним из ведущих советских дипломатов.

Таким образом, и традиции подготовки дипломатов в императорской России, и то, что накапливалось в межвоенный период, – все это было положено в фундамент нашего института, ныне университета.

С.М. Современная российская дипломатия наследует двум школам – русской дореволюционной и советской. Дискутируемым в научной литературе вопросом является преемственность и прерывистость нашего исторического пути, поскольку, с одной стороны, советские лидеры заявляли о себе как о строителях нового мира, говорили о радикальном разрыве с царизмом, с наследием имперскости, и даже в Декрете о мире², чей барельеф висит у нас на входе в МГИМО, говорилось о полном элиминировании тайной дипломатии и разных имперских практик. С другой стороны, в тяжелые годы, особенно в переломные периоды, звучали призывы вдохновляться опытом наших предков – Дмитрия Донского, Александра Невского...³ С Вашей точки зрения, что актуально сегодня из наследия российской и советской школ? Где их следует подвергнуть критическому переосмыслению и от чего, может быть, – отказаться?

А.Т. Хочу напомнить, что период, когда казалось, что советская дипломатия полностью порвет с наследием Российской империи, был недолгим. Очень скоро стало ясно, что перспективы мировой революции не очевидны, интересы же советского государства требуют пристального внимания и активных действий. Уже в конце 1920-х гг., не говоря уж о начале 1930-х, у советского руководства возникло понимание, что во главу угла должны быть поставлены национальные интересы. То, что Сталин сказал с трибуны мавзолея 7 ноября 1941 года, вспоминая Александра Невского, Суворова, Кутузова, – это был уже публичный манифест такого понимания⁴.

1 *Добрынин, А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). 3-е изд. М.: Международные отношения, 2023. 712 с.

2 *Декрет II Всероссийского съезда Советов о мире.* 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 12–16.

3 *Торкунов, А.В.* О вечном и новом в актуальном контексте мировой политики (к 800-летию со дня рождения Александра Невского) // Полис. Политические исследования. 2021. №3. С. 8–16.

4 *Сталин, И.В.* Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // *Сталин, И.В.* Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 84–86.

Однако хочу напомнить, что борьба вокруг наследия российской дипломатии до этого была серьезной, в том числе и кадровая борьба. Чичерин не раз обращался к руководству, к Сталину лично, указывая на то, что те, кто приходит на службу в НКВД, ни по своим личным качествам, ни по знаниям не могут выполнять функции, которые необходимо было выполнять, когда молодое советское государство налаживало и развивало отношения с Западом, устанавливало отношения со многими странами Востока, – эти люди просто не могли справиться с такими задачами¹. На это реагировали, не всегда, правда, должным образом. Как мне представляется, кадровая проблема усугубилась и в результате необоснованных репрессий во второй половине 1930-х годов. Вместе с тем, в 1934 г. был создан Институт по подготовке дипломатических и консульских работников, преобразованный в 1939 г. в Высшую дипломатическую школу. Там занимались переподготовкой и подготовкой дипломатических кадров из среды молодых и преданных коммунистическим идеалам людей, имеющих высшее образование – чаще всего не гуманитарное, а техническое.

При изучении истории нашей дипломатии – я был редактором второго тома «Истории Министерства иностранных дел»² – заметно, что многие навыки и опыт, которые имели дипломаты старой школы, были взяты в арсенал советской дипломатической службы в 1930-е годы. Не говорю уже о военном времени, когда перед дипломатами стояли задачи налаживания отношений с партнерами, сторонниками по антигитлеровской коалиции, нейтрализации противников, нахождения соответствующих решений и компромиссов с теми, кто не был ни противником, ни партнером. Делалось это исключительно умело. Уверен, что вековые традиции нашей дипломатической службы при этом оказались востребованы. Мы вспоминаем, что сумел сделать посол в Турции Сергей Александрович Виноградов, убедивший Сталина, что турки не втянутся в войну. А это, как известно, позволило использовать части Красной Армии, дислоцированные на границах, на наиболее востребованных направлениях. А ведь такое уже не раз бывало в истории нашей дипломатии. Например, посол в Османской империи Петр Андреевич Толстой во время русско-турецкой войны 1710–1713 гг. переманил значительную часть турецкой элиты на свою сторону, даже пребывая в заключении³. Виноградов, к счастью, не был в тюрьме, но тем не менее та работа, которую он сумел провести с турецкой элитой, сыграла важнейшую роль – не случайно ее так высоко оценил Сталин.

С.М. Я смотрел его биографию, когда готовил лекции для студентов. 36 лет, мальчишка, а получил и орден Ленина, и орден Трудового Красного Знамени – один из немногих советских дипломатов времен Великой Отечественной войны.

А.Т. Хочу напомнить, что и многие дипломаты самого высокого уровня, работавшие в других ведущих странах в этот период, были совсем молодыми людьми. Тот же Андрей Андреевич Громыко. Другое дело, что такие маститые люди, как М.М. Литвинов, И.М. Майский, пришли в дипломатию из революционного

1 Соколов, В.В. Неизвестный Г.В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД России // Новая и новейшая история. 1994. №2. С. 6–8.

2 Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. Т. 2. 1917–2002 гг. / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Олма-Пресс, 2002. 624 с.

3 Павленко, Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1985. С. 146.

движения. Но появлялись и молодые специалисты. Они очень многое взяли у Майского, Литвинова, у Александра Антоновича Трояновского.

В биографии каждого так много интересных эпизодов, что можно снимать о них сериалы. Тот же Трояновский... Его сын, с которым мы были дружны, Олег Александрович, много лет был президентом Ассоциации содействия ООН, а я был ее председателем. Олег Александрович рассказывал мне, как его отец попал на дипломатическую службу. Он же был в немилости, поскольку какое-то время был меньшевиком. И совершенно случайно он встретил во время прогулки Сталина, а тот был с ним знаком по Вене и даже какое-то время жил у них в семье. Жил или посещал часто – не буду утверждать, надо просто поднять воспоминания на этот счет. По-моему, в книге Олега Александровича это тоже есть¹. Тогда было еще время, когда, видимо, не боялись террористических атак на руководство, хотя и охраняли, конечно, но Сталин прогуливался по Москве – это известный факт. И он случайно встретил Трояновского, который работал тогда в Госторге. Они разговорились: что ты делаешь? как ты? чем занимаешься? После этого Сталин вернул его в политику. Трояновский стал полпредом в Японии, затем в Соединенных Штатах. Он вошел в историю как один из самых знаменитых дипломатов межвоенной поры. Его сын работал личным переводчиком многих советских руководителей, затем тоже служил послом в Японии, был полномочным представителем при ООН, послом в КНР. Он обладал выдающимися человеческими качествами.

С.М. Вопрос о качествах дипломата. Известный теоретик международных отношений и социальный антрополог Ивер Нойманн выделял три базовых качества: герой, посредник, бюрократ². Наверное, в каждом регионе, в каждой стране эти качества по-разному востребованы, нельзя, наверное, их ранжировать. Но все-таки, если попытаться их как-то ранжировать, попытаться определить важность для нашей отечественной дипломатии сегодня, какое из трех более востребовано и важно, с Вашей точки зрения?

А.Т. Все, мне кажется, зависит от ситуации, от обстоятельств, потому что даже в одной и той же стране на разных этапах человек может себя проявить и героем, и посредником, и бюрократом. Например, Андрей Геннадьевич Карлов, наш посол в Турции³. Конечно, он вел себя смело, героически. Там была прямая угроза. Известно, что это не сказывалось на дипломатической активности. Вместе с тем он был блестящим посредником. И не только в Турции, а до этого – в КНДР, где у него были самые дружеские отношения с лидером страны Ким Чен Иром. Он один из немногих, кто бывал у Ким Чен Ира в гостях, и они встречались нередко для бесед. Ну и, конечно, он был бюрократом в том смысле, что блестяще умел изложить свои соображения. Это очень серьезный бюрократический навык – коротко в телеграфной переписке изложить существо вопроса. Главное – чтобы этот вопрос был ясен всем: от министра иностранных дел, который является специалистом, все понимает и знает, до члена руководства, в советское время –

1 Трояновский, О.А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М.: Вагриус, 1997.

2 Neumann, Iver. "To Be a Diplomat," *International Studies Perspectives* 6, no. 1 (2005): 72. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3577.2005.00194.x>.

3 Карлов Андрей Геннадьевич (1954–2016) – российский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол (2011), Герой Российской Федерации (2016, награжден посмертно). Погиб в результате террористической атаки в Анкаре во время открытия художественной выставки.

члена политбюро, который далеко не всегда знал детали, а иногда вообще их не знал. Во времена оны – помню это по своей работе в Вашингтоне – очень многие проекты телеграмм, которые мы готовили для Анатолия Федоровича Добрынина, оказывались на столе у руководства. Знаю это потому, что из Москвы потом поступали запросы развить ту или иную тему – по поручению А.С. Черняева, помощника М.С. Горбачева. Ясно, что это шло от самого М.С. Горбачева или от кого-то еще из руководителей.

Так изложить может только бюрократ, это одно из важнейших качеств бюрократа – уметь излагать мысли, доводить их до начальства. Так что здесь все зависит от времени и от ситуации.

Или Виталий Иванович Чуркин... Конечно, он герой. Человек, который сражался на трибуне Организации Объединенных Наций, не считаясь со своими силами и здоровьем. Тем более, как Вы понимаете, разница во времени между Москвой и Нью-Йорком серьезная, поэтому приходилось работать «на два графика». Это, конечно, и подкосило его здоровье, а также напряжение, которое все время было в его работе... Конечно, герой.

Ну и посредник, потому что, при всем героизме, у него были прекрасные отношения с представителями наших противников, с постпредом США в ООН. Товарищеские отношения были, дружественные, искренние, что позволяло ему более эффективно реализовывать те задачи, которые перед ним ставило российское руководство¹.

Конечно, и знания, осведомленность, кругозор тоже исключительно важны для дипломата. Так что все три качества должны присутствовать.

С.М. Согласен на сто процентов с Вашей оценкой Виталия Ивановича Чуркина. Мне довелось в 2008 г., сразу после Пятидневной войны, пообщаться на конференции с Ираклием Аласанией, который был постпредом Грузии при ООН. Несмотря на то что на трибуне они были критиками и оппонентами, Аласания признавал, что Чуркин глубокий профессионал, заслуживающий уважения.

Наш следующий вопрос отчасти продолжает разговор о качествах дипломата, потому что сегодня в научной литературе, не говоря уже о публицистике, много обсуждают кризис традиционной дипломатии. Говорят о твиттер-дипломатии... Или фактор общественного интереса. Только станет известно о каких-то переговорах, а уже тонны информации появляются. Что там в Эр-Рияде, какая повестка, идут утечки и так далее. Конечно, важный момент – это общественное мнение. И собирательная «княгиня Марья Алексеевна» для многих важнее, чем, может быть, неприятные, но вынужденные шаги, которые надо делать. И люди больше думают о том, как красиво выглядеть, а не как решать тот или иной вопрос. Естественно, происходит расширение понятия «дипломат», поскольку у нас сейчас есть и спортивная дипломатия, и цифровая, и даже дипломатия селебритис. К этому процессу каково Ваше отношение? Пройдет, как с белых яблонь дым? Или это серьезно, и как-то надо это тоже изучать?

А.Т. «Отраслевая» дипломатия так или иначе существовала всегда. Сейчас говорят, что были времена, когда политика определялась из нескольких

1 Чуркин, В.И. Трудности перевода. М.: Абрис, 2020. С. 218–223.

дворцовых кабинетов, хозяева этих кабинетов были друг другу родственниками, но при этом часто враждовали и даже воевали...

С.М. Да, «кузен Вилли» и «кузен Ники»...

А.Т. Но это не совсем так, потому что помимо решений, принимавшихся в этих кабинетах, работала целая армия дипломатов, которая решения готовила. Другое дело, соглашались правители с их предложениями или нет. Если говорить о верховной власти в Российской империи, то, несмотря на династические связи, она почти всегда преследовала исключительно российские национальные интересы. А дипломаты ей в этом способствовали. Другое дело, что они, как и правители, иногда ошибались. Вспомним русско-японскую войну... Были ошибки и перед Первой мировой. И, как мне кажется, рекомендации дипломатов носили более утонченный и обоснованный характер, чем некоторые из принимавшихся впоследствии решений. Но это уже другой вопрос.

Всегда имела место и женская дипломатия. Мы знаем, какую огромную роль играла княгиня Дарья Христофоровна Ливен в российской дипломатии, а также в дипломатических кругах Франции и Великобритании...¹

Огромную роль всегда играло общественное мнение. Еще во времена королевы Виктории британский премьер Генри Пальмерстон говорил, что общественное мнение сильнее пушек².

Так что многое из того, что было в прошлом, так или иначе присутствует и в нашей эпохе. Конечно, мы видим высокую активность нашего министра иностранных дел, его заместителей.

Однако есть существенные проблемы, которые сегодня мешают работе российских дипломатов. Прежде всего – поведение так называемых партнеров, которые фактически заперли наших дипломатов в их посольствах. Не позволяют ни выступать публично, ни встречаться. (Послы, когда приезжают в отпуск, рассказывают об этом.) Многие из них прекрасные ораторы. Университеты их готовы приглашать, но власти страны пребывания не дают этого делать: выступать, встречаться, в том числе с представителями научных кругов. Ограничения в этом смысле существуют сегодня в европейских странах, а также в Канаде и США. Я не знаю, может быть, ситуация в США будет меняться, но пока наши дипломаты очень ограничены в своей публичной деятельности. А дипломат, конечно, должен встречаться с гражданами страны пребывания, разъяснять нашу позицию, прояснять позицию собеседников, то есть быть посредником – о чем Вы и говорили. В целом, эта дипломатическая война, сопровождающаяся бесконечными высылками российских представителей и нашими симметричными ответами, сильно мешает дипломатической активности.

Вместе с тем мы видим, что на южных направлениях, на африканском, на азиатском, сегодня очень высокая активность. Недавно министр выступал в Государственной Думе и сообщил, что в течение нескольких лет планируется открытие семи новых посольств в африканских странах. Открываются новые консульства, в том числе в странах СНГ, а также в странах Азиатско-Тихоокеан-

1 *Таньшина, Н.П.* Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб.: Евразия, 2021. 384 с.

2 *Трухановский, В.Г.* Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М.: Наука, 1993. С. 239.

ского региона. Так что дипломатическая активность перенаправлена в региональном смысле с таких регионов, как Европа или Северная Америка, в сторону стран Глобального большинства: Африки, Азии, Латинской Америки. Те, кто следит, как реализуется сегодня политика визитов, обращают внимание, что их по-прежнему много: их наносят заместители министров, руководители ведущих департаментов, они участвуют и в экономических переговорах.

Уверен, что уже в ближайшее время произойдет существенная активизация публичной дипломатии. Под публичной дипломатией я в данном случае не имею в виду деятельность на «втором треке», а говорю именно о профессиональной дипломатии, она станет больше заметна.

С.М. Абсолютно согласен, происходит изменение внешнеполитических приоритетов и подходов России. Однако проблема нормализации отношений с Западом так или иначе остается. И вот здесь немножко провокативный вопрос – не в политическом, а в интеллектуальном смысле. Что нужно сделать, чтобы добиться какого-то компромисса, какого-то продвижения на западном направлении, не нанося при этом ущерба своим национальным интересам? Очевидно, что нужно что-то делать: ситуация ненормальная. В любом случае западный трек остается в качестве важного вопроса на повестке. Что делать, чтобы не повторить ошибок прошлого, но добиться определенных уступок?

А.Т. Если бы кто-то знал ответ на этот вопрос, его следовало бы номинировать на Нобелевскую премию. Как принято говорить в Гарварде: *"This is a very good question"*. Поэтому я затрудняюсь ответить. Единственное, что я вижу и знаю, это то, что по самым разным линиям идет проработка соответствующих вопросов. Но нам очень важно понимать – это все время повторяет наш министр Сергей Викторович Лавров, – что мы, извлекая уроки из прошлого, должны действовать очень осмотрительно, осторожно и только так, чтобы быть уверенными: наши интересы не будут ущемлены. Чтобы мы не оказались опять обманутыми. Чтобы не оказаться в ситуации, когда мы поставили себя и свою страну в невыгодное положение. Движение, несомненно, будет, мы ощущаем, что оно так или иначе происходит. Конечно, дипломатия в этом будет играть очень большую роль. Она не сразу и не всегда видна, но то, что она здесь присутствует, это несомненно. Время покажет.

Сейчас один из центральных вопросов – по-видимому, даже центральный вопрос – это разрешение украинского конфликта, того кризиса, который был создан. Он вызревал долго и искусственно создавался теми, кого мы считали своими партнерами и которые оказались ненадежными партнерами. Я имею в виду европейские страны, во всяком случае, некоторые из них – государства НАТО.

Конечно, в этот раз мы извлечем серьезные уроки и будем действовать осмотрительно, но всегда находчиво, как наша дипломатия и действовала.

С.М. Мы поговорили с Вами о прошлом, о традициях, о настоящем и, наверное, теперь самое время немножко заглянуть в будущее.

В Государственной Думе обсуждаются поправки в закон «Об образовании», начинаются общественные слушания. Речь идет об определенных трансформациях. МГИМО с первого дня является участником программы «Приоритет 2030» – программы для российских высших учебных заведений, которая, скорее всего, будет трансформирована с акцентом на научно-технологические показатели. Какой Вы видите роль МГИМО в трансформации программы «Приоритет 2030»,

в научно-технологическом развитии вообще, в обеспечении лидерских функций России на этом треке?

А.Т. Мы подготовили хорошую базу для того, чтобы дальше разворачиваться в сторону участия в достижении Россией технологического лидерства – задачи, которая поставлена президентом в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Я имею в виду наше активное соучастие в деятельности секторов реальной экономики, сотрудничество с углеводородными и сырьевыми компаниями, наши программы по сельскому хозяйству. Конечно, они все будут ориентированы на изучение, исследование. Инженеров мы, конечно, можем готовить, но, думаю, это лучше сделают те учебные заведения, которые занимаются этим десятилетиями. Однако подготовить тех, кто может оценить современные тренды технологического развития, передовые технологии, которые существуют за рубежом, место и возможности наших технологий, как в стране, так и на международных рынках, – это мы в состоянии сделать. Мы также способны заниматься вопросами искусственного интеллекта, над этим уже активно работаем. Это и есть борьба за технологическое лидерство.

Параллельно идет борьба за ум человека. В использовании искусственного интеллекта должно утвердиться понимание того, что без гуманитарных знаний, без ощущения причастности к истории и культуре никакое технологическое лидерство невозможно.

В некоторых компаниях за рубежом – в частности, я хорошо знаю южнокорейские реалии, поскольку занимаюсь Кореей много лет, – в ведущих технологических компаниях для высших менеджеров предполагается обязательное прохождение программ, связанных с культурой и искусством, потому что наши креативные, инновационные способности развиваются в контексте творчества и понимания этого творчества. Человек должен развивать их через приобщение к живописи, музыке, театру.

Наступает эпоха – может быть, это прозвучит непривычно пафосно – борьбы биологического разума с кремниевым. Так называемая эпоха искусственного интеллекта.

С.М. Простите за каламбур. Наверное, искусственный интеллект без естественного не работает...

А.Т. Здесь есть вопросы. С использованием искусственного интеллекта уже сегодня могут создаваться целые надгосударственные, трансграничные сообщества. И человек разумный начинает разговаривать не только с таким же биологическим существом, но и с искусственным интеллектом.

Вы знаете примеры, когда созданная искусственным интеллектом бабушка разговаривает с британскими пенсионерами и обсуждает их житейские проблемы. Но вот у меня пример перед глазами, кладутся два телефона, где и там, и там присутствует искусственный интеллект, и они начинают беседу между собой. Меня в свое время поразил аналогичный пример, о котором рассказывала Татьяна Владимировна Черниговская, наш известный специалист в области нейронауки. На форуме в Британии на ее глазах две программы искусственного интеллекта начали вести разговор между собой. При этом специалисты, которые были рядом, не могли понять, о чем они говорят: у них уже появляется свой язык общения.

Мы должны понимать, что искусственный интеллект, в том числе в дипломатии, это наш ресурс на будущее, но вместе с тем это очень опасная вещь. По разным линиям, в том числе в ООН, ведется работа, связанная с регулированием искусственного интеллекта. Директор Центра искусственного интеллекта МГИМО Анна Владимировна Абрамова является членом Консультативного органа высокого уровня при генеральном секретаре ООН по искусственному интеллекту.

Человечество задумывается обо всем этом уже на нынешнем этапе, потому что ужасики, которые мы видели в американских фильмах, о том, как действует искусственный интеллект, в некоторых случаях не подчиняясь человеку, могут вдруг превратиться в реальность. Мы должны над этим работать: готовить и гуманитариев, и специалистов в области когнитивных наук. У нас прекрасная нейробиологическая лаборатория, которая великолепно оборудована. Сегодня уже и по нейроэкономике идут занятия, и по нейромаркетингу, совместно с Факультетом психологии МГУ реализуется магистерская программа «Когнитивные исследования и нейротехнологии в международных отношениях».

Роль таких исследований будет только нарастать, в них будут нуждаться и те, кто сегодня своими мозгами и своими руками занимается новыми технологиями. Эти процессы в истории человечества всегда шли параллельно. Выдающиеся ученые в области физики, химии, механики или сами были творцами-гуманитариями, или хорошо понимали искусство, живопись, все то, что называется *humanities* – гуманитарной стороной жизни. Так что, думаю, мы не пропадем в этой ситуации, хотя мы социально-экономический и гуманитарный вуз.

Более того, у нас уже есть реалистичная программа действий. Реалистичная потому, что многое уже удалось сделать, в том числе в части, касающейся цифровизации. Эту работу мы будем наращивать. Так что МГИМО был, есть и будет нужен – в этом я совершенно уверен.

С.М. Спасибо большое. На этой оптимистической ноте мы завершаем. Нашим читателям и зрителям могу сказать, что мы еще не раз обратимся к рассмотрению различных форм дипломатии.

Цитирование

Торкунов, А.В. «Синергия науки и практики»: МГИМО и отечественная школа дипломатической подготовки // Международная аналитика. 2024. Том 15 (4). С. 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-11-20>

For citation

Torkunov, Anatoly V. "Synergy of Science and Practice": MGIMO University and the National Tradition of Diplomatic Training."
Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-11-20>

«Олицетворять обаяние русского имени»

*Беседа Чрезвычайных и Полномочных Послов
М.А. Конаровского и А.И. Кузнецова о доминантах
дипломатической профессии,
с участием В.В. Воротникова и А.Л. Чечевишникова*

Михаил Алексеевич Конаровский, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: makonarovsky@mail.ru

Александр Игоревич Кузнецов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: embkuz@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Эта публикация – запись беседы в редакции журнала «Международная аналитика» об особенностях формирования кадрового корпуса дипломатической службы различных государств, обусловленных историческими традициями формирования государственной службы в целом; о подготовке дипломатов в России в прошлом и настоящем и о требованиях, предъявляемых к молодым дипломатам. Среди наиболее важных требований: учиться формулировать аналитические тексты, приобщаться к составлению дипломатических документов; умение говорить, вести публичную полемику на английском языке и на языке страны пребывания; постоянно расширять культурный кругозор, быть интересным собеседником; соблюдать бытовые и поведенческие ограничения, которые накладывает дипломатическая служба; исходить из отсутствия в дипломатии мелочей. В беседе также проанализирована главная проблема дипломатического образования в МГИМО – необходимость поддержания университетского уровня образования при расходе существенной части учебного времени на лингвистическую подготовку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

школы дипломатии, дипломатическая школа МГИМО, профессиональные особенности дипломатической службы, ценностно-ориентированный реализм

А.Л. Чечевишников. Наша сегодняшняя беседа посвящена школам дипломатии – тому, как в России и других странах готовят людей этой специфической профессии. Поделиться своим видением темы, а также обширным практическим опытом любезно согласились два выдающихся дипломата – Михаил Алексеевич Конаровский и Александр Игоревич Кузнецов.

Михаил Алексеевич Конаровский большую часть своей профессиональной жизни посвятил работе «на Востоке». Самым интенсивным этапом его дипломатической карьеры были два года в должности посла в Кабуле, когда из руин пришлось восстанавливать и посольство, и отношения со страной пребывания. Афганистан – это семь тысяч дней жизни Михаила Алексеевича, о которых скоро выйдет увлекательная книга¹. В различные годы М.А. Конаровский также являлся советником посольства в США, послом в Шри-Ланке и в Мальдивской Республике по совместительству, послом в Хорватии, заместителем генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества. В настоящее время Михаил Алексеевич – ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО.

Профессиональная биография Александра Игоревича Кузнецова связана в большей степени со странами Запада – за работой в Аргентине, Испании, США, Франции последовало руководство Департаментом внешнеполитического планирования МИД России. Затем в течение шести лет А.И. Кузнецов представлял Российскую Федерацию в Королевстве Испания и в Княжестве Андорра по совместительству. После этого – четыре года в центральном аппарате в должности директора Историко-документального департамента. Завершающим этапом его дипломатической карьеры стали шесть лет в должности постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО. В настоящее время Александр Игоревич – профессор Кафедры дипломатии МГИМО.

Еще один участник беседы – Владислав Владиславович Воротников, заведующий Кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО, руководитель исследовательской программы Института международных исследований «Отношения с Западом в меняющемся миропорядке».

Когда слышишь, как зачастую говорят о МГИМО люди сторонние по отношению к нашему университету, поражаешься тому, насколько их оценки не соответствуют реальным плюсам и реальным минусам, позитивным и негативным чертам МГИМО. Так и профессия дипломата – своего рода «черный ящик»: пространство непроницаемое для понимания извне еще в большей степени, чем заведение, в стенах которого мы находимся. Мы поговорим сегодня о том, каким образом из вчерашних школьников через некоторое количество лет возникает профессионал, человек такой загадочной, почти мифологической профессии, как дипломат. Передаю слово Владиславу Владиславовичу.

В.В. Воротников. Большое спасибо. Многие мои коллеги по студенческой скамье уже не один год работают в стенах Министерства иностранных дел. Когда мы оканчивали МГИМО, для нас было некоторой загадкой, в какой мир мы окупимся и насколько будем соответствовать тому уровню, которого от нас ждут.

1 Конаровский 2025; 2020.

В этой связи хотел бы задать первый вопрос. Когда молодой дипломат, выпускник МГИМО (пока будем говорить о МГИМО, хотя понятно, что в стенах Министерства оказываются выпускники и других университетов), приходит в МИД, что от него ждут? Каким его видят? Что у него получается? Какие, скажем так, упущения сразу видны? Чего не хватает, помимо опыта, а чего, может быть, в избытке у молодого дипломата, когда он оказывается на практической работе?

А.И. Кузнецов. Я сказал бы, что от выпускников МГИМО на первых порах многого и не ждут, проявляют к ним определенную снисходительность, понимая, что университетское образование – это одно, а практическая работа – другое. Тем более что в дипломатии практический опыт имеет огромное значение. Недаром существуют совершенно разные школы подготовки дипломатов, где акцент делается как раз на практический опыт. Из истории России мы знаем, что, например, кадровая политика Александра Михайловича Горчакова основывалась как раз на том, чтобы дать молодым дипломатам возможность приобщиться к опыту ведущих послов России, увидеть, как те работают. И если они действительно готовы впитывать этот опыт, то, в конечном счете, добьются успеха.

Общепринятая практика сегодня – поручать недавнему выпускнику МГИМО в посольстве функции шефа протокола и секретаря посла. Он должен заниматься нотной перепиской с Министерством иностранных дел, организовывать различные протокольные мероприятия. Кажется, не бином Ньютона, и это можно легко освоить, если серьезно относиться. Но, несмотря на то что в МГИМО есть целый предмет «Протокол и этикет», на практике все оказывается не так просто. Мне часто приходилось поправлять наших молодых сотрудников, когда им поручалось сделать рассадку. Так что акцент делается на том, чтобы дать возможность молодому сотруднику, если он серьезно относится к своим обязанностям, постепенно включиться в работу. Особенно важно – как можно раньше приобщиться к составлению дипломатических документов. Это самое сложное. Если человек проявляет способности к этому, то это очень благотворно сказывается на его карьере. Хорошо писать, хорошо формулировать аналитические документы, донесения – это, пожалуй, самое главное для становления дипломата.

М.А. Конаровский. Могу добавить со своей стороны, поскольку начинал свою дипломатическую карьеру не сразу после Института восточных языков, а уже поработав некоторое время в Кабуле. Я был приглашен на работу в посольство в качестве переводчика. Тогда это была самая первая ступень, еще до атташе. И я столкнулся с тем, что вообще ничего не знал, потому что у меня не было профессиональной подготовки, которую в той или иной степени давал МГИМО. Я же был филолог-иранист по образованию. Тем не менее смена парадигмы была мне очень интересна. И то, чем я стал заниматься, встречало поддержку старших товарищей. Хотя и с некоторым снисхождением, но это было доброжелательное снисхождение. Многому я научился и просто подглядывая за тем, как работают они.

Хочу согласиться, что с самого начала нужно уяснить главное: профессия дипломата очень тяжелая и сложная. Многие годы считалось, что дипломаты в основном ходят с бокалом где-то на приемах и о чем-то болтают. Да, есть такая внешняя «штука» – протокольные мероприятия. Александр Игоревич правильно сказал по поводу протокола. И важно, чтобы протокольник, обычно младший дипломат,

очень серьезно, скрупулезно подходил к своим обязанностям. Хорошо, если посол обратит внимание на твою ошибку. А если он занят и может получиться так, что ты сделал рассадку и посадил кого-то не туда? Такая ситуация иногда воспринимается партнерами как легкий политический укол либо простое невнимание. Вроде бы, ну, подумаешь, где кто сидит? На самом же деле в дипломатии важна каждая мелочь: как человек сидит, где он сидит, с кем он стоит, о чем он разговаривает... Дипломат это очень серьезная профессия, требующая большой самоотдачи и самодисциплины, а также реального, а не «квасного» патриотизма. Все это реальные вещи, а не просто слова.

Мне кажется, что раньше у нас не хватало того, о чем говорит Александр Игоревич, – подготовки дипломата к написанию «бумаг». Дипломатическая переписка – вещь очень специфическая, учиться ей надо всю жизнь. И далеко не всегда, на мой взгляд, даже став пожилым и более или менее знающим человеком, ты способен сформулировать мысль, которая должна от тебя исходить. Все это требует очень большой работы. Писать документы нужно учиться с самого начала.

Второй важный момент – умение говорить. Студенты сегодня в значительной мере изменились, стали более открыты. Когда я работал в Штатах в середине – второй половине девяностых, то наблюдал, что некоторые наши молодые дипломаты были не готовы к ведению дискуссий. Так, приходилось участвовать в научных мероприятиях различных политологических центров. Возникали дискуссии и даже споры, а наши сотрудники не могли, не хотели или боялись – я не знаю, в чем была причина, – парировать обвинения в адрес своей страны или же четко излагать ее позицию по конкретному вопросу. Выступая сам, я стремился подвигнуть к этому и младших коллег. Надо преодолевать боязнь излагать свои мысли. И нынешним студентам важно сознавать, что по прошествии времени им в любом случае придется вести публичную полемику. Поэтому надо стремиться четче выражать свои мысли, а также знать всю палитру политики своей страны, а не только ее аспекты по твоей специализации.

А.И. Кузнецов. Михаил Алексеевич, Вы затронули целый ряд очень важных и принципиальных тем. На умение выступать публично следует обратить самое серьезное внимание, потому что в ближайшие годы это будет одной из главных составляющих в работе дипломата. Тем более что способность к публичной полемике предполагает совершенно другой уровень знания иностранного языка.

И второе. Мелочей не должно быть не только в протоколе, но и в других вещах. Расскажу историю, которая для меня послужила уроком, когда я был в Мадриде в качестве секретаря посольства. Состоялся визит Андрея Андреевича Громько в Испанию. Было подписано много двусторонних документов. Это была такая кипа папок с соглашениями и протоколами. Наступает день, когда все эти документы нужно отправлять в Москву с диппочтой. Остается несколько часов до отправки. И вот, единственный человек, который удосужился перелистать эти папки, был наш советник-посланник. Он обнаружил, что на одном из соглашений нет подписи министра иностранных дел Испании. Это был бы скандал, потому что если бы папка попала в Москву, то ее пришлось бы отправлять обратно. Мне пришлось срочно бежать в МИД (я тогда занимался двусторонними отношениями), врываться в приемную министра и просить, чтобы он подписал это соглашение. Вот что значит внимание дипломата к «мелочам», хотя на самом деле

они далеко не мелочи. В советском МИДе было такое выражение «мидовская вьедливость». Это считалось очень ценным качеством дипломата.

М.А. Конаровский. Это действительно чрезвычайно важно. Поэтому, если позволите, я тоже приведу пример на ту же тему. Организовывается официальный прием, и должен играть гимн. И если ты вдруг включаешь (или завхоз включает) запись гимна, все ждут, стоят, а звука нет. Поэтому наперед зная, что такое случается, я всегда лично это проверял. Совершенно с Вами согласен, что мелочей нет вообще. И во взаимном общении их тоже нет... Позволю себе вернуться к Востоку, потому что имел возможность сравнивать общение с коллегами на Западе и общение в разных странах на Востоке. Общение на Востоке – это большая психологическая специфика. Менталитет народов Востока отличается от нашего значительно больше, чем менталитет «западного направления». Так история распорядилась. Поэтому изучение восточных языков сопровождается, как правило, более глубоким изучением истории, культуры и всего того, к чему особенно внимательно подходят сами носители этих культур. Это необходимо обязательно учитывать в любых контактах на Востоке.

Вы совершенно правильно сказали, что способность выступать на иностранном языке – это особая школа. И если ты выступаешь не только с хорошим произношением, но и с серьезной субстантивностью, то все это вкупе производит очень благоприятное впечатление. Представляя страну в таком качестве, ты так или иначе повышаешь ее авторитет даже среди тех, кто к тебе относится достаточно прохладно. Поэтому языковая подготовка чрезвычайно важна. В советский период мы западные языки учили только дома. Сейчас же очень многие ребята отлично знают иностранный язык, еще будучи школьниками, и это облегчает им общую задачу. Но как «восточник» я призываю не забывать именно особенность Востока, где знание культуры и традиций очень значимо для наших контактов. Это повышает авторитет твой и твоей страны гораздо больше, чем в аналогичных ситуациях на Западе.

А.И. Кузнецов. Вы напомнили мне цитату, которую я вчера студентам привел из Александра Невского и которая звучит исключительно актуально сегодня: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке».

А.Л. Чечевшиников. Коллеги, вы затронули некоторые исторические аспекты, а также языки... Были такие замечательные времена, когда при комплектовании российской дипломатической службы никаких проблем с основными западными языками не было вообще. Молодые дипломаты знали их, в некотором смысле, по факту рождения. Любая петербургская и московская гимназия давала свободное владение двумя западными языками. Сегодня, как отметил Михаил Алексеевич, настали времена, когда молодым людям вновь стало легче изучать языки и некоторые из них приходят в МГИМО с приличным английским. В советские годы такого не наблюдалось.

И здесь мне видится повод обратиться к первым годам истории МГИМО. Когда рассказывают о них, не всегда учитывают то обстоятельство, что это был достаточно оригинальный по тем временам проект: готовить дипломатов из вчерашних школьников. Не буду сейчас углубляться в точечные примеры того, как это было в Соединенных Штатах после Первой мировой войны, но и спустя четверть века такой подход оставался пионерским. А теперь вопрос. В чем плю-

сы и в чем минусы таких учебных заведений, как МГИМО? Как они соотносятся с различными иными форматами дополнительного образования, переквалификации? Когда-то таким форматом была Дипломатическая академия при нашем МИДе, которая переучивала партийных и хозяйственных работников, состоявшихся в своей сфере, на дипломатическую стезю. Каковы плюсы и минусы этих принципиально различных треков подготовки дипломата?

М.А. Конаровский. Вопрос для меня очень непростой. Мне трудно оценить МГИМО, потому что учебный процесс здесь я наблюдаю как бы со стороны. Хотел бы акцентировать внимание на таком значимом заблуждении, которое может сыграть с будущим дипломатом злую шутку. Я имею в виду изначальное ощущение студентом, поступившим в МГИМО, своей элитарности, исключительности. Очень важно понимать, что они не элита в упрощенном понимании и только позже могут стать подлинной элитой, которая защищает интересы своей страны на очень серьезном – внешнеполитическом – поприще. Это важный воспитательный момент и для МГИМО, и для ИСАА...

Конечно, дипломат должен быть широко образован. Прежде всего нужно хорошо знать историю. Особенно сейчас, когда очень много разнообразных искажений исторической правды и когда партнеры смотрят на историю с иного угла и пытаются тебя, так сказать, надавить до принятия своей позиции. Чтобы твоя дипломатическая работа была результативной, надо хорошо знать другую сторону вопроса и уметь на это все реагировать, приводя свои аргументы. Это не ток-шоу на телевидении – это реальный разговор. Для дипломата важно быть готовым к любому разговору, так как от его слов, его выражений многое зависит.

Речь идет не только о содержании твоих аргументов, но и о форме. Когда наши партнеры, в частности на Западе, зачастую переходят грани нормального человеческого общения, это только подогревает недопонимание между государствами. Дипломаты должны быть предельно корректны в своих высказываниях, твердых высказываниях, но без оскорбительных моментов. Сейчас на международной арене имеется тренд не особо большого внимания к лексике. Это можно простить другим профессиям, но профессии дипломата, на мой взгляд, этого прощать нельзя. В этом сила дипломата, когда он не теряет своего разума и спокойным тоном разъясняет то, что является важным для интересов его страны. Сегодняшние студенты завтра столкнутся с этим на международной арене, когда агрессия направлена против тебя как личности, против тебя как представителя своей страны, против тебя как олицетворения русской истории и культуры. К этому нужно быть готовым. Раньше было проще, скажу вам откровенно. Сейчас тебя пытаются оскорбить, обойти с любой стороны, и надо уметь держать удар. Этому нужно учиться, потому что это не так просто. Одно дело, когда ты говоришь с товарищами, а другое дело – с противниками. Совершенно разные вещи.

В.В. Воротников. Может быть, нужно учить молодого человека чему-то еще в дополнение? Например, ораторскому искусству, поскольку это довольно сложная вещь. Да, в МГИМО, допустим, существует клуб «Дебаты», есть разные форматы научных мероприятий, где молодежь выступает публично. Не скажу, что всегда успешно, но они учатся, так и должно быть. Может быть, нужно уже на этапе обучения это вводить в программу? Или все это молодой дипломат впитывает уже в процессе работы? Вот, допустим, нужно ли учить психологии дипломатии? Помню, лет

пятнадцать назад выходила интересная книга, связанная с психологическими особенностями дипломатической работы¹. Может быть, на эти вещи делать акцент уже на студенческом этапе?

М.А. Конаровский. Я считаю, что такие акценты необходимы.

А.И. Кузнецов. Хотел бы ответить на вопрос Александра Леонидовича. Трудно говорить о плюсах и минусах той или иной образовательной программы подготовки дипломатов, потому что в каждой стране своя система, свои взгляды, и это все имеет глубокие исторические корни. Вообще же разговор о необходимости специальной подготовки дипломатов – сравнительно недавний. Он возник в начале XVIII в., когда известный теоретик дипломатии Франсуа де Кальер впервые стал недоумевать, почему в армии учат военному делу и, прежде чем стать генералом, нужно пройти определенные ступеньки военной карьеры, а в дипломатии, которая не менее сложная по своей сути, человек только благодаря громкому имени, знатности, богатству может быть послом в стране, о которой он вообще ничего не знает: ни языка, ни истории, ни традиций – ничего².

Было несколько проектов специальной подготовки дипломатов – во Франции и в других странах, – но они в основном были неудачными, в том числе в России. При Павле I был подписан указ о создании дипломатической школы, но Александр I, взойдя на престол, оставил его без последствий. Правда, был создан Царскосельский лицей, но, вопреки сложившемуся представлению, он не был кузницей дипломатических кадров, потому что перед ним ставилась задача готовить молодых людей для государственной службы в целом. И если проследить статистику, то лишь 10% выпускников, начиная с 1811 и по 1917 г., шли на дипломатическую службу. Правда, среди них было пять министров иностранных дел. Что же касается советского периода... Почему проект МГИМО оказался таким удачным и успешным? Потому что он возник в определенных исторических обстоятельствах, когда после победы во Второй мировой войне Советский Союз вышел на международную арену как мировая держава и нужно было устанавливать отношения с более широким кругом государств. Потребовался более многочисленный дипломатический корпус. И создание такого уникального института оказалось востребовано и полностью оправдало себя.

В других странах было не так. Например, в Британии вообще нет никакой системы специальной подготовки дипломатов. Там считается, что достаточно иметь хорошее университетское образование, а все остальное – это дело опыта, который, с одной стороны, раскрывает природные способности человека, а с другой – компенсирует недостаток этих способностей. Во всем остальном главное – чтобы человек был джентльменом, вот и все. В других странах существует то, о чем говорил Александр Леонидович, доучивание и переквалификация. Это система Франции, Австрии, целого ряда других стран. Различия связаны с тем, что люди по-разному смотрят на сущность дипломатии. Все согласны, что это сочетание науки, ремесла и таланта. Но придают разное значение каждому из этих компонентов.

1 Практическая психология для дипломатов 2011.

2 Callières 2018.

Например, в России XIX в. вообще считалось, что дипломатия – это искусство и учить ему невозможно, так же как невозможно научить писателя или художника. Можно научить разводить краски, но стать на уровень Рафаэля и Леонардо да Винчи невозможно. И потому в первую очередь следует обращать внимание на природные способности. Тогда это было возможно, потому что ежегодно в МИД принимали не более 20 человек, то есть подбор дипломатических кадров осуществлялся на сугубо индивидуальной основе. Но сейчас другие времена. Кто-то из мемуаристов написал, что к концу XIX в. на свете была всего примерно тысяча дипломатов, а сейчас только в одной Бразилии тысяча дипломатов. Конечно, теперь, когда профессия фактически стала массовой, невозможно подходить к ней с критериями XIX в. Теперь все регламентировано, тщательно прорабатывается порядок прохождения службы, чтобы исходить не из оценки работы конкретного дипломата, а из качества дипломатической службы в целом. Это очень важная мысль. Она не моя, ее высказал известный советский дипломат Анатолий Гаврилович Ковалев. Собственно, в этом прежде всего и заключается разница между современной дипломатией и той, которая существовала в золотой век профессии – в промежутке между Венским конгрессом и Первой мировой войной.

В.В. Воротников. В продолжение вопроса об искусстве полемики. Мы сталкиваемся с ситуациями, когда на многих дипломатических треках возникает задача переубедить противоположную сторону. Причем в условиях, когда нас зачастую и слышать-то не хотят. Как и чему тут учить? Или этому научить невозможно и все решает только опыт? Как обрести способность подвинуть противоположную сторону слышать тебя хотя бы на пятьдесят процентов, чтобы достичь, пусть частичного, консенсуса?

А.И. Кузнецов. Наблюдая за современными студентами МГИМО, можно выделить их отличия от предыдущих поколений. Благодаря интернету они хорошо работают с информацией. Они знают, как ее находить, как обрабатывать, как зрительно представлять, визуализировать, но при этом заметно, что они, к сожалению, мало читают. По-моему, вообще мало кто из них читает художественную литературу. А это настоящая беда, потому что люди в результате не владеют в должной степени родным языком. Но мы работаем все-таки на родном языке в первую очередь. И в системе ООН русский язык официальный. Раз человек не владеет тонкостями родного языка, он, тем более, не сможет овладеть иностранным, потому что невозможно знать иностранный язык лучше родного. Поэтому для того чтобы научиться выступать, полемизировать, нужно развивать соответствующие способности. Мы большой акцент делаем на качестве преподавания, как будто оно решает все. Но ведь многое зависит и от самого студента. Когда ты ведешь семинар, то зачастую видишь пустые глаза, видишь, что человеку неинтересно то, о чем идет речь. На что мы как университет можем рассчитывать в таких случаях? Даже при самых совершенных системах обучения языку, страноведению, если человек поступил к нам только чтобы получить диплом, он, что называется, не операбелен. Вот в чем наша проблема. Таких студентов не единицы, хотя и меньшинство. Большинство все-таки достаточно серьезно относится к своему образованию. Но им надо больше, гораздо больше читать. Эта проблема, кстати, не только наша. Я читал лекции в Испании, в самых разных университетах и других учебных заведениях, в том числе военных – везде преподаватели

жалуются, что люди не читают. Потому общегуманитарная эрудиция на очень низком уровне. Это проблема всех европейских стран. В отношении стран Востока не могу судить, так как гораздо меньше их знаю.

М.А. Конаровский. Действительно, это очень большая проблема. Снижение эрудиции может сыграть очень негативную роль в дипломатии и в межгосударственных отношениях в целом. Все-таки питаться формулировками, почерпнутыми в интернете, оперировать ими – вещь очень опасная. Самообразование принципиально важно. Это может быть чтение, это может быть посещение различных культурных мероприятий. Работать над собой нужно постоянно. Я уж не говорю об иностранном языке. Если полгода им не занимаешься, то начинаешь его забывать. А ты не имеешь права забывать, потому что это твоя работа. Раньше знание иностранного языка было редкостью, считалось чем-то особенным, а сейчас это обыденность.

А.И. Кузнецов. Даже вызывало подозрения.

М.А. Конаровский. Сейчас же это норма жизни, и ты обязан совершенствоваться. Поэтому самообразование, прежде всего чтение, необходимо.

А.И. Кузнецов. Однажды в Испании местный журналист, который одновременно преподавал в университете на последнем курсе магистратуры, поделился со мной наблюдением, что студенты абсолютно невежественны в общекультурном отношении. И он написал книгу, где распределил по разделам: сто романов, которые культурный человек должен прочитать; сто картин, которые он должен увидеть, либо в музее, либо в репродукции; сто опер, которые он должен прослушать, или других музыкальных произведений. То есть справочник о том, что надо сделать, чтобы быть культурным человеком. Представьте, до чего дело дошло...

А.Л. Чечевишников. Александр Игоревич констатировал такое обстоятельство, как дефицит мотивации у студентов. Мне это напомнило впечатления великого русского китаиста Василия Михайловича Алексеева о своих сокурсниках по факультету восточных языков Петербургского университета. Он сокрушался, что студенты поверхностно изучают китайский язык, а все их устремления направлены на то, чтобы по-быстрому получить диплом и отправиться на строительство КВЖД. В общем, спешили за длинным рублем, а язык... как-нибудь¹. Кстати, сегодня, как и на рубеже XIX–XX вв., имеет место своеобразный ажиотаж вокруг изучения китайского. Некоторые студенты, едва овладев началами путунхуа, умудряются продавать свои скудные знания энтузиастам, уверовавшим в возможность легких путей...

Итак, мы заявляем о себе как об уникальной лингвистической школе. На основных факультетах до половины учебного времени расходуется на изучение иностранных языков. Предъявляя же себя как университет, мы сознаем, что программа преподавания не раз упоминавшейся сегодня истории у нас не сопоставима с Историческим факультетом Московского университета. Вот такая квадратура круга: когда важнейший элемент будущего профессионализма забирает до половины учебного времени, что делать с другой половиной? Как втиснуть в нее

1 Рифтин 2012.

все то, что вкладывается в головы студентов истфака? У меня нет другой версии, как что-то делать с мотивацией...

М.А. Конаровский. Это очень сложный вопрос – мотивация. Это понятие стало популярным в последние десятилетия. Его употребление иногда, что называется, зашкаливает. Но есть вещи, которые нельзя объяснить только материальной и карьерной мотивацией. Помимо нее есть, должна быть другая, идеальная, есть познавательный интерес.

Нужно понимать и специфику профессии, например, в части самодисциплины. Мне встречались толковые коллеги, которые не справлялись с установленными требованиями в производственном, бытовом и поведенческом плане. Многие уходили из профессии в силу иных обстоятельств. Иногда твоя элементарная бытовая оплошность за рубежом может становиться оплошностью политической. Как бы странно это внешне не звучало...

Мотивация к дипломатической службе может быть разная. Прежде всего, это очень интересно. Мы как-то не затрагивали эту тему, но работа за границей очень познавательна, потому что ты знакомишься со многим, о чем дома вряд ли узнаешь, даже если ты изучал все это по книгам. Особенно если путешествуешь, насыщаешься новыми впечатлениями. Размышляя о мотивации в нашей профессии, вспоминаешь различные ситуации из собственной биографии... Думаю, у Александра Игоревича очень много такого интересного опыта, ведь он и в ЮНЕСКО работал, и в Испании, и возглавлял наш чудесный Историко-документальный департамент. Имею удовольствие сейчас работать там в Архиве внешней политики России. Его сотрудники удивительно преданы своему делу. И это не дежурный комплимент, а вдохновляющая меня реальность. Такие люди – это тоже мотивация. Многие дипломаты, уходя в отставку, продолжают творческую и преподавательскую деятельность. Кто-то пишет... Это накопленный результат твоей жизни, и ты уже не можешь от всего этого отступить. Все это дорогого стоит, ведь далеко не всякому дано, уйдя на пенсию, продолжать заниматься креативом. Возможно, я слишком витиевато рассуждаю на эту тему, но вот на девятом десятке я как-то к этому пришел.

А.И. Кузнецов. Думаю, мы сами зачастую создаем проблемы для мотивации студентов, ослабляя требовательность к ним. Несколько лет я преподавал в МГЛУ и столкнулся с тем, что совершенно невозможно отчислить нерадивого студента, особенно если он учится на платном отделении. У меня были просто вопиющие случаи, когда люди не учились вообще и не ходили на занятия. Но за них родители платили, и отчислить их было совершенно невозможно. Это первое.

Второе. Студенты сейчас очень прагматично настроены. Если какой-то предмет надо сдавать на экзамене, это одно. А если зачет, значит, это уже предмет второго сорта, которому можно внимание не уделять. Потому что зачет получить гораздо легче, чем хорошо сдать экзамен.

Все это действует расхолаживающе. Но с другой стороны, по моему уже давнему опыту учебы в МГИМО, огромное значение для мотивации имеет личность преподавателя. В советское время наш вуз был идеологизированный, и были такие предметы, как научный коммунизм, история КПСС... Так вот у нас был исключительный преподаватель по истории КПСС, который умел преподнести свой предмет ярко и нестандартно. И мы с интересом его изучали.

Я уж не говорю про лингвострановедение. У меня был основным испанский язык, а нам тогда его преподавали испанцы, которые эмигрировали в Советский Союз после гражданской войны. И была замечательная преподавательница Мария Родригес. Она не столько учила нас языку – этим занимались другие люди, которые хорошо умели это делать. Она же – преподавала ибероамериканскую цивилизацию, прививала нам любовь к испанской литературе, к поэзии. Это раздвигало горизонты сознания, создавало тот самый широкий кругозор, который необходимо иметь дипломату, если он работает в определенном регионе, зная не только язык, но и культуру, цивилизацию, историю.

М.А. Конаровский. Мой собственный студенческий опыт говорит о том же. Грамматику персидского языка преподавала прекрасная советская преподавательница, ни разу не бывавшая в Иране, но блестяще знавшая язык. А языковую практику преподавали два перса. Один из них был отставной военный. После иранской революции 1947 г. он бежал в СССР. Они не были преподавателями по профессии, но запомнились своей харизмой, любовью к своей стране, ее истории и культуре... Помню другой случай, когда на втором курсе к нам пришел неказистый старичок со стареньким портфелем и начал рассказывать что-то про российско-персидские отношения до революции 1917 года. Мы почему-то не заинтересовались – то ли нам не понравился его портфель, то ли он сам, не знаю. А он оказался в те далекие времена нашим консулом в городе Решт на севере Ирана, и я до сих пор корю себя, что не законспектировал его рассказы о том периоде наших контактов с этой страной.

А.И. Кузнецов. Михаил Алексеевич, Вы подтверждаете мысль о том, насколько важна не только способность преподавателя, но и его личность. Приведу аналогичный пример. У нас на втором или на третьем курсе был спецкурс по Латинской Америке. Его вел абсолютно уникальный человек. Это был в прошлом советский разведчик номер один Иосиф Ромуальдович Григулевич, который к тому времени стал одним из столпов советской латиноамериканистики¹. Он написал много книг, биографий латиноамериканских деятелей. Он приходил к нам на спецкурс и рассказывал что Бог на душу положит. Мы, что называется, слушали его развесив уши, поскольку на нас действовал магнетизм его личности, харизма. Это запомнилось на всю жизнь. И, конечно, это сказывалось на нашей мотивации.

М.А. Конаровский. Мне кажется, сейчас у преподавателей «замота» гораздо больше, они имеют меньше возможностей предметно, лично работать со студентами. У них много часов в разных местах. Раньше было проще, можно было остаться с преподавателем после лекции, и он тебе что-то мог дорассказать. Сейчас время сжимается...

А.И. Кузнецов. Сейчас такого общения практически нет, за одним исключением – когда вы руководите подготовкой магистерской диссертации. Вот тогда вы имеете возможность индивидуальной работы со студентом, и он сам заинтересован в этой работе.

В.В. Воротников. Позволю себе вмешаться. У нас есть студенческие клубы. Как руководитель одного них могу сказать, что возможность такого общения все-

1 Козлов 2003.

таки есть и есть мотивированные студенты. У нас скандинавский клуб, и 10–12 коллег-студентов с интересом участвуют в его мероприятиях. В результате их удастся глубже вовлечь в региональную проблематику. Александр Игоревич затронул очень важную, на мой взгляд, тему – лингвострановедение. Специалисты по языковой подготовке, по страноведческой подготовке должны «влюблять» человека в страну. Разумеется, не доводя дело до того, что человек уже любит страну изучаемого языка больше, чем свою, и, так сказать, становится на другую сторону. Хотя... как этого не допустить? Где те грани, которые позволяют этого не допустить? Наверное, в практической работе вы с этим сталкивались, когда человек долго работает в стране и у него некое искажение происходит. И по поводу мотивации у меня есть вопрос. Традиционно считается, что профессии военного присуще такое свойство, как служение. Так вот служение – это феномен, отличающий дипломата тоже, или это более прагматичная работа?

А.И. Кузнецов. Насчет служения. Очевидно, что есть много общего между военной и дипломатической службой. Это и определенная дисциплина, и самоограничение, о котором говорил Михаил Алексеевич, и многое другое. Даже мундир у нас есть. Но все-таки есть и отличие. Это особое чувство служения, то есть представление о том, что, будучи за границей, работая в посольстве, вы представляете не себя, а свою страну. В XIX в. среди дипломатов была распространена такая установка: важно, чтобы дипломат способствовал распространению «обаяния русского имени». Он должен был олицетворять это обаяние. И это высоко ценилось. Тогда представительской работе уделялось гораздо больше внимания, чем сейчас. Сейчас более прагматичное время, когда большую часть работы приходится проводить за письменным столом. Как дипломат у Льва Николаевича Толстого в романе «Война и мир», который работал в основном за письменным столом. Толстой это понял, но не все способны это уловить. Многие представляют себе дипломата как человека, который живет с бокалом шампанского в руке.

В.В. Воротников. Но именно служение и относит дипломата к той элите, о которой Вы говорили. Если это чувство есть, то ты элита, ты представляешь государство.

М.А. Конаровский. Добавлю по первой части Вашего вопроса. Это абсолютно правильный вопрос. И моя собственная жизнь подтвердила необходимость ротации. То обстоятельство, что мне удалось поработать и на Западе, очень расширило кругозор. Мне встречались весьма толковые, компетентные специалисты, которые в силу обстоятельств всю жизнь проработали в одной и той же восточной стране. И такая однобокая привязка, такая «девичья любовь» становилась для них обузой, сужала профессиональные возможности дипломата.

А.И. Кузнецов. Это было характерно для советской дипломатической службы, сейчас в гораздо меньшей степени. А тогда, если человек хорошо изучил какой-нибудь редкий язык, например, финский, венгерский, то чаще всего эти люди работали в соответствующих странах всю жизнь, с перерывами... Конечно, вырабатывалось определенное, узкое видение: эта страна и больше ничего. И еще о «девичьей любви». Это же зачастую не к стране любовь, а к условиям быта, которые вас устраивают.

М.А. Конаровский. Конечно, жизнь есть жизнь. Поэтому такая встряска, новая аура для дипломата очень важна.

А.И. Кузнецов. Ротация, о которой Вы сказали, это принципиальная, важная вещь.

М.А. Конаровский. Сейчас многие дипломаты в силу технических обстоятельств переводятся с западного направления на восточное. Это хорошая школа. Они открывают для себя новые горизонты, которые помогут им и в дальнейшей работе по возвращении на западное направление, они обретают осознание того, что не все так западоцентрично, как раньше казалось. Это очень способствует профессиональному росту. Скажу по собственному опыту, я получил очень многое для себя как для дипломата от работы в Вашингтоне. Потому что там ты имеешь дело с глобальной политикой этого государства и с широкой палитрой различных проблем мирового масштаба.

А.И. Кузнецов. Я тоже работал в посольстве в Вашингтоне, и это была очень серьезная школа.

А.Л. Чечевишников. Наверное, несправедливо будет утверждать, что только МГИМО является кадровым источником современной российской дипломатической службы. Мы знаем целый ряд примеров выдающегося успеха на дипломатическом поприще людей, которые прошли школу очень далекую не только от школы МГИМО, но и от социогуманитарного знания в целом. Самый яркий пример – это Анатолий Федорович Добрынин, много лет представлявший Советский Союз в Соединенных Штатах¹. Ему пришлось уйти из самолетостроения на самом раннем этапе своей биографии. Он был очень перспективный инженер. И он состоялся как один из самых ярких послов в одной из самых крупных держав. Как по вашим ощущениям, что будет дальше в сколько-нибудь обозримой перспективе? Насколько значим этот источник, этот ручеек кадров российской дипломатической службы из тех, кого в обиходе зачастую именуют технарями?

М.А. Конаровский. Я с такими не встречался, поэтому не могу судить. Но если теоретически посмотреть, то, наверное, это полезно. Потому что у таких людей имеется свое особенное видение реальности, для них характерен, так сказать, технический подход к жизни, к бытию. Это дает полезный эффект своего рода приземления видения проблем. Потому что за облака дипломатам тоже забираться не надо – там только облака. То есть надо баланс соблюдать. Наверное, в значительной мере это связано с обстоятельствами. Не думаю, что Добрынин стремился уйти из своей профессии и стать дипломатом. Это воля обстоятельств. И другие дипломаты, пришедшие в нашу профессию из технической среды, сделали этот выбор в результате конкретных жизненных обстоятельств. Рассчитывать на это как на некий дополнительный ручеек комплектования дипслужбы не нужно. Но и перекрывать его, конечно, не следует.

А.И. Кузнецов. В случае с Анатолием Федоровичем Добрыниным все же была определенная логика. Он был дипломатом-американистом, занимался исключительно Соединенными Штатами. Причем в тот период, когда вопросы разоружения, вопросы контроля над вооружениями занимали главное место в повестке дня советско-американских отношений. Думаю, что инженерное образование ему очень помогло, потому что он легче разбирался в военно-технических вопросах,

1 Добрынин 2023.

чем дипломат-гуманитарий. Но это уникальный случай, и вовсе не означает, что дипломатов надо готовить не в МГИМО, а в авиационном институте.

В.В. Воротников. Давайте вернемся в социогуманитарную сферу. Действительно, есть и другие учебные заведения, которые готовят дипломатических работников. По крайней мере, их выпускники идут на дипслужбу, успешно проходят испытания. Это и Исторический факультет Московского университета, это Лингвистический университет, это, конечно же, ИСАА. В вашей практике, чем выпускник, скажем так, непрофильного вуза, потому что МГИМО в этом смысле вуз профильный, прежде всего Факультет международных отношений, отличается от выпускника МГИМО?

А.И. Кузнецов. Я сталкивался с Лингвистическим университетом, я там несколько лет преподавал. И более того, некоторые выпускники этого института шли не просто в МИД, а в мой департамент. Этот университет сильно изменился, он фактически стал родственным МГИМО. Там учебные программы очень похожи на программы МГИМО. Поэтому сравнивать студентов достаточно сложно. И в МГИМО совершенно разные студенты есть, и там. Думаю, что в целом у МГИМО больше опыта в подготовке дипломатических кадров. В МГИМО есть опыт системного преподавания международных дисциплин, системной подготовки кадров, который гораздо богаче, чем в других учебных заведениях.

В.В. Воротников. Вы сказали про системность. Наверное, я несколько выйду за рамки нашей сегодняшней дискуссии, в которой мы говорим о школах подготовки дипломатов. Бывало ли в вашей практике такое, что какие-то особые навыки человека позволяли ему лучше осуществлять его обязанности на дипломатическом поприще? Простой пример. Чемпион мира по шахматам Хосе Рауль Капабланка был известным кубинским дипломатом¹. И до сих пор он остается очень значимой фигурой для Кубы. Был ли подобный опыт у вас? Сталкивались ли вы с такими людьми?

А.И. Кузнецов. Практически нет, но традиция дипломатов как политических назначенцев имеет очень глубокие исторические корни. Политические назначения всегда были, в одних странах меньше, в других больше. Что же касается неких способностей и увлечений, или, как говорят, компетенций, в других областях, это все в конечном счете украшает дипломата, делает его интересной личностью для других. Для посла, для дипломата вообще очень важно обзаводиться связями, быть интересным собеседником. Это одно из самых древних качеств, которое культивируется в дипломатии, оставаясь актуальным и сегодня.

В Историко-документальном департаменте мы специально занимались изучением темы «дипломаты-писатели». В истории России было много таких дипломатов. Я нашел справку в архиве, из которой следовало, что Грибоедов и Тютчев – это только самые известные имена, дипломатов-писателей было много, много больше. За царствование Александра III, за 13 лет, российскими дипломатами вне своих служебных обязанностей было опубликовано около семисот наименований разнообразной литературы. Это и романы, и поэтические сборники, и богословские труды, путевые заметки, словари. Авторское отношение к ним

1 Сизоненко 2013.

имели 15 процентов штатного состава МИДа. А тогда его совокупная численность, в Петербурге и за границей, составляла 600 человек.

И в других странах такая традиция наличествует. Например, в Латинской Америке мы хорошо знаем Пабло Неруду, Габриэлу Мистраль – нобелевских лауреатов. Они были дипломатами всю жизнь. Во Франции было много писателей-дипломатов, там не так давно была устроена научная конференция, посвященная этой теме. И у нас была такая конференция несколько лет назад. Мы сделали в МИДе выставку о писателях-дипломатах на основе архивных материалов¹. И эта тема выводит нас на одну из фундаментальных функций дипломатии – межкультурную коммуникацию. Дипломат служит своего рода мостом между представителями разных культур, цивилизаций, религий, что является важной составляющей дипломатического искусства. Думаю, это особенно важно в отношении стран Востока. Причастность дипломатов к культуре, когда они помимо своих профессиональных обязанностей занимаются литературой, искусством, наукой, это очень ценная традиция. В нашей стране она была достаточно развита, и до сих пор издаются литературные произведения.

М.А. Конаровский. Публикуется много интересных сборников. Но они выходят малыми тиражами, поэтому о них мало знают. Среди наших дипломатов, и действующих, и отставных, есть много интересных литераторов, поэтов, художников. Это свидетельствует о том культурном уровне, который помогает им жить в профессии и вне ее. Примеры такие есть и в МГИМО, и в МИДе, и в Совете ветеранов МИДа. Касательно же политических назначенцев могу сказать, что был хорошо знаком с афганским министром иностранных дел Абдуллой Абдуллой, который впоследствии баллотировался в президенты. У него интересная биография. По профессии он врач, но политика сделала его дипломатом, который вполне вписывался в афганскую внешнюю политику начала двухтысячных и пытался, как мог, убеждать своих проамериканских коллег в необходимости восстанавливать дружественные отношения с Россией.

На Востоке на дипломатическую службу традиционно поступает «белая кость». Это более образованные слои общества, состоятельные люди. Если взять ту же афганскую дипломатию, то и в королевский период, и в предреволюционный период конца 1970-х гг. я встречал многих профессиональных дипломатов – блестяще образованных, с которыми было интересно работать. Например, Раван Фархади, директор общеполитического департамента, третий человек в МИДе. У него было блестящее лингвистическое образование, полученное в Сорбонне. Позже он выпустил прекрасный словарь и грамматику своего родного языка дари. Наши специалисты по языку дари все потом перевели на русский. Я имел удовольствие с ним общаться и когда он был молодым дипломатом, и позднее – в его бытность послом, представителем в ООН. Так что дипломаты могут иметь различное «происхождение». Главное – необходимо постоянно расширять свой кругозор. Если ты не интересен партнеру, с тобой и про политику говорить не интересно.

А.И. Кузнецов. Мы подошли к еще одной важной теме, которой до сих пор не касались. Это ценностная ориентация дипломата. Сейчас много говорится в

1 Родина 2013.

нашем обществе о традиционных ценностях, ценностях патриотизма, семейных ценностях. Не только знания, не только умения, но и ценности формируют хорошего дипломата. Мы знаем много примеров гармоничной личности дипломата, сочетающей и культуру, и знания в самых разных областях с гуманитарной устремленностью и ценностной ориентацией. Все это в совокупности и образует личность, которая достигает успеха на дипломатическом поприще.

В.В. Воротников. Когда мы говорим о подготовке дипломатов, возможно, речь должна идти не о компетентностном подходе, а о мировоззренческом? То есть это подготовка мировоззренческая, а не просто компетентностная?

М.А. Конаровский. Безусловно. Дипломат – это профессия политическая. Дипломат не может в силу своей профессии быть аполитичным. Аполитичным может быть человек, который не имеет отношения к реальной политике. На международной арене ты обязан активно защищать интересы своей страны. Нужно всегда оставаться патриотом своей страны, защитником ее интересов. Это первостепенная профессиональная обязанность.

А.И. Кузнецов. Согласен с Михаилом Алексеевичем, трудно себе представить аполитичного дипломата. Но тут надо сделать одну оговорку. Дипломат в силу характера своей профессии должен руководствоваться здравым смыслом и видеть мир таким, как он есть, а не через какие-то идеологические – розовые или черные – очки. Потому что в противном случае он просто потеряет возможность делать то, чего от него ждут в первую очередь: производить объективный анализ международной обстановки и политики той страны, в которой он представляет интересы. Разумеется, нужно глубоко знать свою страну, понимать ее интересы. Недаром у нас в свое время прошла департизация дипломатической службы. В тех странах, где этого нет, система в принципе порочная. Там приходит к власти новая партия и отсекает тех, кто до этого работал на дипломатической службе. В такой ситуации на первый план выходит не столько преданность дипломата своей стране, сколько преданность партийному знамени. Это слабая сторона тех дипслужб, где такое практикуется.

М.А. Конаровский. Совершенно с Вами согласен. Когда я говорил о патриотизме, то именно это и имел в виду, потому что одно дело «квасной патриотизм», а другое – идущий изнутри.

А.И. Кузнецов. Насчет «квасного патриотизма» недавно прочитал в записных книжках друга Пушкина князя Петра Андреевича Вяземского. Он говорит, что есть такие «квасные патриоты», но они неопасны, а опасны «сивушные патриоты».

А.Л. Чечевишников. Итак, ценностно-ориентированный прагматизм, ценностно-ориентированный реализм – это вектор, который направляет высокопрофессионального дипломата в пространстве и времени. Много сил, нервов, здоровья дипломату приходится тратить и на некие, назову их так, скалярные, не-векторные усилия, когда надо взаимодействовать с той средой, в которой ты находишься, для того чтобы твоя личная карьера более или менее успешно продолжалась. Если же речь идет о целой институции, о МГИМО – главное, чтобы бытие Университета продолжалось, чтобы он, проявляя свою жизнеспособность, переходил с одного исторического этапа на другой.

Мне доводилось слышать от выпускников разных лет: самое ценное, что дает МГИМО, это способность к коммуникации, способность результативно

взаимодействовать с миром, с людьми. Это помогает конкретному выпускнику двигаться по своей жизненной траектории. Кто-то сходит с дистанции на исторических поворотах, чьи-то карьеры завершаются, но люди МГИМО (есть у нас такое неформальное понятие) и Университет в целом продолжают двигаться в Истории. Ценностно-ориентированный реализм, способность коммуницировать с эпохой – системообразующее качество нашего Университета.

Если этой беседой мы в чем-то убедили, в чем-то заинтересовали, вдохновили и не разочаровали, наверное, наша сегодняшняя рефлексия о том, как делают дипломатов, получилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Добрынин, А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). 3-е изд. М.: Международные отношения, 2023. 712 с.
- Dobrynin, Anatoly F. *Strictly Confidentially. Ambassador to Washington Under Six U.S. Presidents (1962–1986)*. М.: International Relations, 2023 [In Russian].
- Козлов, С.Я. Портрет ученого. Две жизни Иосифа Ромуальдовича Григулевича (к 90-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 126–135.
- Kozlov, S.Ya. "The Portrait of a Scholar. Two Lives of Iosif Romualdovich Grigulevich (Towards the 90th Anniversary)." *Ethnograficheskoe Obozrenie*, no. 2 (2003): 126–135 [In Russian].
- Конаровский, М.А. Дорога в семь тысяч дней. Очерки истории и культуры Афганистана. М.: Издательский дом МГИМО, 2025. 367 с.
- Konarovsky, Mikhail A. *The Way of Seven Thousand Days. Essays on the History and Culture of Afghanistan*. Moscow: MGIMO Publishing House, 2025 [In Russian].
- Конаровский, М.А. Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы. М.: МГИМО-Университет, 2020. 355 с.
- Konarovsky, Mikhail A. "Afganistan na rubezhe vekov: novyi perekrestok sud'by." М.: MGIMO University, 2020 [In Russian].
- Кузнецов, А.И. Дипломатическая служба старой России: корпоративные ценности и политическая культура // Дипломатический ежегодник – 2004. М.: Научная книга, 2005. С. 391–416.
- Kuznetsov, Alexander I. "Diplomaticheskaya sluzhba staroi Rossii: korporativnyie tsennosti i politicheskaya kul'tura." In *Diplomaticheskii ezhegodnik* – 2004, 391–416. М.: Nauchnaya kniga, 2005 [In Russian].
- Кузнецов, А.И. Дипломатия Александра I. Русская дипломатия во второй четверти XIX века. Дипломатия в эпоху Великих реформ. Дипломатия на рубеже XIX–XX столетия. Русская дипломатия в период между двумя революциями (1905–1917) // Кузнецов А.И., Райков Ю.А., Самойленко В.В. История дипломатии России. В двух томах. Т. I. IX – начало XX века / под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 207–347.
- Kuznetsov, Alexander I. "Diplomatiya Aleksandra I. Russkaya diplomatiya vo vtoroi chetverti XIX veka. Diplomatiya v ehpokhu Velikikh reform. Diplomatiya na rubezhe XIX–XX stoletiya. Russkaya diplomatiya v period mezhdu dvumya revolyutsiyami (1905–1917)." In *Istoriya diplomatii Rossii. V dvukh tomakh*, 207–347. М.: Aspect Press Ltd., 2018 [In Russian].
- Кузнецов, А.И. Как готовили дипломатов в старой России // Международная жизнь. 2005. № 1. С. 56–68.
- Kuznetsov, Alexander I. "Kak gotovili diplomatov v staroi Rossii." *The International Affairs*, no. 1 (2005): 56–68 [In Russian].
- Практическая психология для дипломатов: учебное пособие / под ред. Р.Ф. Додельцева. 2-е изд., расш. и перераб. М.: МГИМО-Университет, 2011. 508 с.
- Prakticheskaya psikhologiya dlya diplomatov: uchebnoe posobie*, edited by R.F. Dodeltsev. М.: MGIMO University, 2011 [In Russian].
- Рифтин, Б.Л. Русский китаевед академик В.М. Алексеев и его путешествия в Китай // Алексеев В.М. В старом Китае. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2012. С. 3–21.
- Riftin, B.L. "Russkii kitaeved akademik V.M. Alekseev i ego puteshestviya v Kitai." In *V starom Kitae*, edited by V.M. Alekseev, 3–21. М.: "Vostochnaya literatura" Publisher, 2012 [In Russian].
- Родина, Е. Дипломаты-писатели // Международная жизнь. 2013. 8 февраля. <https://interaffairs.ru/news/show/9138>.
- Rodina, Ekaterina. "Diplomaty – pisateli." *The International Affairs*, February 8 (2013) [In Russian].
- Сизоненко, А.И. Капابلанка – шахматист, дипломат // Международная жизнь. 2013. № 13. С. 200–216.
- Sizonenko, Alexander I. "Kapablanka – shakhmatist, diplomat." *The International Affairs*, no. 13 (2013): 200–216 [In Russian].
- Callières, François de. *De la manière de négocier avec les souverains*. Paris: Pedone, 2018.
- Callières, François de. *On the Manner of Negotiating with the Princes*. Paris: Pedone, 2018 [In French].

Сведения об авторах

Михаил Алексеевич Конаровский,

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института международных исследований
МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол
119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76

e-mail: makonarovsky@mail.ru

Александр Игоревич Кузнецов,

к. ист. н., профессор Кафедры дипломатии МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76

e-mail: embkuz@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10 ноября 2024.

Переработана: 1 декабря 2024.

Принята к публикации: 10 декабря 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Конаровский М.А., Кузнецов А.И. «Олицетворять обаяние русского имени». Беседа Чрезвычайных и Полномочных Послов М.А. Конаровского и А.И. Кузнецова о доминантах дипломатической профессии, с участием В.В. Воротникова и А.Л. Чечевишникова // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (4). С. 21–39.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-21-39>

“To Have a Winning Way of a Russian Name About Us”

*Conversation Between Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
M. Konarovskiy and Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
A. Kuznetsov Featuring V. Vorotnikov and A. Chechevishnikov*

ABSTRACT

This publication is the record of a conversation in the editorial office of the International Analytics Journal about the peculiarities of the diplomatic service in various states, due to the historical traditions of the state service as a whole; about the training of diplomats in Russia in the past and present, and about the requirements for young diplomats. Among the most important requirements: learning how to formulate analytical texts, participating in the drafting of diplomatic documents; the ability to speak and conduct public polemics in English and in the language of the host country; constantly broadening cultural horizons, being an interesting conversationalist; observing the everyday and behavioural restrictions imposed by the diplomatic service; assuming all the nuances of diplomacy. The publication also analyses the main problem of diplomatic training at MGIMO – the need to maintain a university level of education while spending a significant part of the study time on language training.

KEYWORDS

Schools of diplomacy, MGIMO Diplomatic School, professional features of the diplomatic service, value-based realism

Authors

Mikhail A. Konarovskiy,

PhD (Hist.), Leading Research Fellow at the Institute for International Studies,
MGIMO University, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: makonarovskiy@mail.ru

Alexander I. Kuznetsov,

PhD (Hist.), Professor of the Department of Diplomacy, MGIMO University,
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: embkuz@mail.ru

Additional information

Received: November 10, 2024. Revised: December 1, 2024. Accepted: December 10, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Kuznetsov, Alexander I., and Mikhail A. Konarovskiy. “To Have a Winning Way
of a Russian Name About Us.” *Conversation Between Ambassador
Extraordinary and Plenipotentiary M. Konarovskiy and Ambassador
Extraordinary and Plenipotentiary A. Kuznetsov
Featuring V. Vorotnikov and A. Chechevishnikov.*
Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 21–39.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-21-39>.

Подготовка дипломатов и внешнеполитическая субъектность: опыт стран Азии

Илья Владимирович Дьячков, МГИМО МИД России, Москва, Россия
Алексей Дмитриевич Даниленко, Геттингенский университет, Германия
Полина Павловна Калугина, МГИМО МИД России, Москва, Россия
Никита Сергеевич Куклин, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: i.dyachkov@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Данное исследование посвящено анализу взаимосвязи между системой подготовки дипломатических кадров и характером международного позиционирования стран на примере государств азиатского макрорегиона. Настоящая статья представляет собой *case study*: авторы концентрируются на изучении опыта Китая, Вьетнама, Республики Корея, Индонезии и Индии. Цель работы состоит в том, чтобы на подробном страноведческом материале изучить, как качество дипломатической подготовки коррелирует со стремлением национальных государств к автономии и субъектности в складывающемся полицентричном мировом порядке. Методологическая основа исследования включает мультипарадигмальный подход, сочетающий неореалистский взгляд на государство как ключевого актора международных отношений и конструктивистский анализ влияния социальных практик на дипломатическую стратегию. Рассматриваются системы подготовки дипломатов в вышеуказанных странах, включая механизмы отбора, содержание образовательных программ, влияние национальной идеологии и традиций на кадровую политику. Результатом исследования становится вывод о наличии корреляции без каузальности между внешнеполитическим позиционированием стран и их моделями подготовки дипломатических кадров. Стремление государства к повышению своей самостоятельности зависит в большей степени от ее роли и места в мировой политике в пространственно-временном континууме. Так, в силу исторического опыта, среди рассмотренных кейсов стремление к самостоятельности сильнее у тех государств, где колониальная травма переживается острее. «Суверенность» при этом может принимать разные формы в зависимости от того, какими ресурсами государство обладает. Вместе с тем качественная дипломатическая подготовка обеспечивает саму возможность реализации суверенной линии, дает для этого необходимый кадровый и идейный инструментарий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дипломатическая подготовка, дипломатическая служба, внешнеполитическая субъектность, суверенитет, стратегия внешней политики, Азия

Введение

Современный мировой порядок находится в процессе становления – в экспертном сообществе, в частности, ведется речь о «глобальном беспорядке»¹, «осыпающемся мировом порядке»² и наступлении «асинхронной многополярности»³. Набирающие динамику процессы полицентрализации мира порождают дискуссию о том, какой будет новая иерархия в системе международных отношений. Будущее архитектуры мирового порядка зависит от того, какие государства в наибольшей степени будут стремиться к реализации своего суверенитета и субъектности. В этом контексте возможность предсказать динамику суверенитета контрагента представляется особенно актуальной задачей для прикладного международно-политического анализа.

Теоретико-методологическую рамку настоящего анализа задает мультипарадигмальный подход, обеспечивающий его новизну на теоретическом уровне. Неореализм акцентирует внимание на государстве как основном акторе международных отношений, чья внешняя политика направлена на защиту суверенитета и национальных интересов⁴. В свою очередь конструктивизм, делая акцент на социальном конструировании реальности, идеях, восприятии и идентичности⁵, позволяет исследовать, каким образом дипломатическая подготовка формирует идентичность государства и влияет на его самопозиционирование в международной системе.

Данная статья представлена как часть исследовательского проекта, в рамках которого был подготовлен доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» «В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира»⁶. Доклад охватил широкую выборку стран из разных регионов мира, однако в рамках данной статьи объектом более детального исследования являются государства из перечня, относящиеся к макрорегиону «Большой Восточной Азии»⁷: Китай, Вьетнам, Республика Корея, Индонезия и Индия. Выбор страновых кейсов обусловлен стремлением авторов рассмотреть страны с различным уровнем внешнеполитической субъектности и историческим опытом, что позволяет провести репрезентативный анализ связи между традицией подготовки дипломатических кадров и практикой реализации национальных интересов.

В основе данного исследования – гипотеза, что способ воспроизводства дипломатических кадров и качество их подготовки напрямую влияют на *modus operandi* министерства иностранных дел и внешнюю политику страны в целом.

1 Harvey 2003; "Charting the 2040: Younger Generation Insight on the World in the Making," Valdai Discussion Club, 2024, accessed November 5, 2024, <https://valdaiclub.com/files/43956/>.

2 Барабанов, О.Н., Бордачев, Т.В., Лисоволик, Я.Д., Лукьянов, Ф.А., Сушенцов, А.А., Тимофеев, И.Н. Жизнь в осыпающемся мире // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 05.11.2024).

3 Тимофеев, И.Н. Асинхронная многополярность: управляющие параметры и векторы развития // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 31 мая 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3AZAmh> (дата обращения: 05.11.2024).

4 Mearsheimer 1994–1995; Walt 1985; Waltz 1979.

5 Kubálková et al. 1998.

6 Сушенцов, А.А., Неклюдов, Н.Я. В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/v-poiske-natsionalnykh-interesov-2024/> (дата обращения: 05.11.2024).

7 Воскресенский 2010.

Иными словами, цель работы – на подробном страноведческом материале изучить, как качество дипломатической подготовки коррелирует со стремлением национальных государств к автономии и субъектности в складывающемся полицентричном мировом порядке.

Для подтверждения этого предположения была изучена система отбора дипломатов – как формальные ее элементы (например, наличие или отсутствие вступительных испытаний), так и неформальные (клиент-патронские механизмы, сложившиеся традиции, интересы групп и пр.). Если в изучаемой стране в МИД идут на службу выпускники различных вузов, авторы определяли круг «поставщиков кадров» среди университетов и факультетов внутри них. В случае, если в стране существует подведомственное МИД учебное заведение, которое обладает в той или иной степени монополией на поставку кадров для министерства, задача исследователей упрощалась.

На следующем этапе авторы анализировали состав и содержание рабочих учебных планов, отмечая наличие страноведческих школ, изучение широкого спектра языков, обращение к страновой, региональной или мировой истории. Эти факторы учитывались как показатели стремления накапливать на национальном уровне экспертные знания, необходимые для самостоятельной реализации суверенных интересов на различных направлениях.

Важно рассмотреть, конвертируется ли накопленный потенциал во внешнеполитическую самостоятельность. Поэтому для каждого из изучаемых государств описывается не только становление и развитие современной национальной школы дипломатической подготовки, но и эволюция внешнеполитической стратегии с середины XX века. Анализ этих компонентов позволяет увидеть, какие стратегические задачи стоят перед внешней политикой этих стран, какие задачи учатся решать будущие дипломаты и каково взаимовлияние этих двух систем, если оно наблюдается.

Данное исследование является первичным, то есть построено преимущественно на источниках, среди которых документы, регулирующие дипломатическую службу и отбор на нее, систему подготовки дипломатов; документация соответствующих вузов (включая рабочие учебные планы); концептуальные внешнеполитические документы и пр. Это обстоятельство обуславливает научную новизну исследования, а также его теоретическую значимость. Исключение составляет анализ внешней политики изучаемых государств – здесь авторы преимущественно опирались на богатую востоковедческую литературу.

Китайская Народная Республика

Обзор внешней политики

История Китая как цивилизации насчитывает не одно тысячелетие. Современная КНР возникла в 1949 г., а в 1971 г. стала членом ООН. Внешняя политика Китайской Народной Республики прошла несколько эволюционных этапов. В bipolarный период логика внешнеполитического поведения КНР определялась либо в терминах стратегического и идеологического союза с СССР, либо сближением с США на антисоветской основе. При этом важно отметить, что Китай

активно развивал взаимодействие со странами третьего мира – этот вектор выпукло наблюдается и сейчас, когда Пекин развивает сотрудничество со странами Глобального юга. С конца 1970-х гг. объективно назревшая необходимость серьезно заняться внутренними реформами (прежде всего, в социально-экономическом секторе) способствовала тому, чтобы, с одной стороны, внешняя политика была во многом подчинена целям внутреннего развития страны, а с другой стороны, был взят курс на большую ее открытость. Идейной основой китайской внешней политики в 1980–1990 гг. стала сформулированная в ряде публичных выступлений Дэн Сяопина концепция «копить силы, держаться в тени». Она подразумевала, с одной стороны, отказ от претензий на лидерство, с другой стороны, политику добрососедства. В частности, были нормализованы отношения с Индией (1988), Вьетнамом (1991), а также с Республикой Корея (1992) и Сингапуром (1990), ранее признававшими Тайвань.

Однако уже в начале 2000–2010-х гг. экономические успехи Пекина¹ позволили ему принять более «самоуверенный» подход ко внешнему миру. В 2003 г. генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао предложил концепцию «мирного возвышения», а пришедший к власти в 2012 г. лидер КНР Си Цзиньпин выдвинул тезисы о «китайской мечте» и «великом возрождении китайской нации»². В этом контексте появившаяся годом позже инициатива «Пояса и пути» (ОПОП) – по сути своей не просто инфраструктурный мегапроект, а альтернативная нелиберальной модели глобализации «с китайскими характеристиками» и краеугольный камень внешнеполитической стратегии Китая (в 2017 г. упоминание об ОПОП было даже включено в Устав КПК). Другими примерами стремления Китая структурировать политико-географическое пространство служит его активное участие в различных региональных институтах и диалоговых форматах – Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС.

Одновременно с этими процессами более жесткой становится риторика. Стало употребляться понятие красной черты³, обозначающее неприемлемость затрагивания наиболее чувствительных для Китая проблем – таких как вопросы Тайваня и Тибета. На Западе появился даже журналистский термин «дипломатия боевых волков», характеризующий напористый и прямолинейный стиль китайской дипломатии.

Косвенным показателем растущей мощи Китая является беспокойство, с которым к КНР относятся не только ближайшие соседи Пекина, но и США и Европейский союз. Так, в Стратегии национальной безопасности Дж. Байдена (2022) Китай обозначен в качестве «наиболее существенного стратегического вызова»⁴.

1 К 2010 г. Китай стал второй экономикой мира после США, обогнав Японию по показателю ВВП по ППС и заняв от 16 до 18% мирового ВВП; Китай также занимает второе место после США по объему накопленных ПИИ и по вывозу капитала за рубеж; Китай – абсолютный лидер по внешнеторговому обороту и объему золотовалютных резервов.

2 “Achieving Rejuvenation Is the Dream of the Chinese People,” November 29, 2012, accessed November 10, 2024, <https://www.neac.gov.cn/seac/c103372/202201/1156514.shtml>.

3 “China Calls Taiwan a ‘Red Line’, Criticises New US Military aid to Island,” Reuters, December 22, 2024, accessed December 23, 2024, <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/china-calls-taiwan-red-line-criticises-new-us-military-aid-island-2024-12-22/>.

4 “National Defense Strategy 2022,” US Department of Defense, October 27, 2022, accessed November 10, 2024, <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf>.

ЕС также рассматривает Китай как угрозу – в соответствии с этой логикой в 2023 г. глава Европейской комиссии У. фон дер Ляйен предложила осмыслить отношения с КНР в парадигме снижения рисков (дерискинга, *de-risking*)¹.

Иными словами, внешнеполитическая стратегия КНР становилась все более автономной по мере того, как Китай, приобретая все большую субъектность, занимал все более важное место в архитектуре современных международных отношений.

Подготовка дипломатов

В КНР профильным учреждением, занимающимся непосредственно подготовкой дипломатических сотрудников, специалистов в области международных отношений и международного права, с 1955 г. является подведомственный МИД и Министерству образования Китайский университет иностранных дел, находящийся в Пекине. С момента основания из числа его выпускников (около 20 000) более 30 человек занимали официальные министерские посты, около 500 человек занимали должности послов в зарубежных государствах, более 1000 человек работали советниками в посольствах Китая за рубежом, директорами правительственных департаментов и агентств. Кроме того, в Университете исследования в области дипломатии были впервые введены в качестве специализации на уровне бакалавриата². Прием в дипломатический штат происходит на основе результатов общего конкурсного отбора и сдачи единого экзамена. Хотя в экзаменах в МИД могут принимать участие выпускники и других ведущих вузов КНР, анализ биографий высокопоставленных сотрудников Министерства позволяет заключить, что при приеме на работу диплом Китайского университета иностранных дел играет важную роль (не обязательно по профилю «международные отношения» – котируются и экономика, и юриспруденция).

Важное требование к каждому сотруднику МИД КНР состоит не только в профильном образовании, но и в партийности – при МИД имеется филиал Высшей партийной школы при ЦК КПК, где в течение полугода занимаются до 100 дипломатических сотрудников рангом до первого секретаря включительно³. Следовательно, система дипломатической службы КНР в большой степени остается закрытой и элитарной сферой, в которой при прочих равных приоритет отдается не профессиональным компетенциям, а партийной лояльности.

Большое значение имеет и владение языком страны пребывания. Так, например, дипломаты, возглавляющие в настоящий момент посольства КНР в России, Японии и Франции, в вузе специализировались на изучении соответствующих языков. При этом региональная специализация наличествует только в лингвистических вузах, где обучение естественным образом выстраивается вокруг страновой специфики. В Китайском университете иностранных дел (и других «политических» вузах, где преподают международные отношения) региональная специализация не предусмотрена. Частично ее отсутствие компенсируется

1 “Speech by President von der Leyen at the European China Conference 2023 organised by the European Council on Foreign Relations and the Mercator Institute for China Studies,” European Commission, November 16, 2023, accessed November 10, 2024, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/speech_23_5851/SPEECH_23_5851_EN.pdf.

2 “China Foreign Affairs University,” accessed November 10, 2024, <https://en.cfau.edu.cn/>.

3 Корсун 2010.

отдельными курсами о политике, дипломатии или экономике стран и регионов. Кроме того, довольно часто в отдельные курсы по двусторонним отношениям выносятся ключевые для внешней политики Китая страны – США, Япония, Республика Корея. Практики «вращающихся дверей» в Китае не сложилось. Однако ученых и экспертов в области мировой экономики и мировых финансов периодически направляют на краткосрочную работу в заграничные учреждения и зарубежные представительства КНР.

В Китае существует собственная школа теории международных отношений и критической геополитики, возникшая в 1970–80-х годах¹. На начальном этапе базовый уровень международной политической науки китайские центры освоили посредством перевода соответствующей западной литературы². Однако довольно быстро началась рефлексия относительно национальной специфики международно-политических исследований. Она содержательно опиралась как на марксистское и маоистское наследие, так и на традиции китайской философии, культурный и исторический опыт. В целом логика становления и развития школы международных отношений Китая соответствует традиционному для страны подходу, который описывается формулой «использовать китайское учение в качестве фундамента, а западное – для утилитарного применения»³.

Большое внимание в образовательном процессе уделяется национальной истории, истории дипломатической службы, истории международных отношений. В целом китайскую школу подготовки специалистов в области дипломатии характеризует стремление к фундаментальности. Это соответствует идентичности Китая как великой державы, государства-цивилизации, у которого неизбежно возникает потребность в интеллектуальной рефлексии относительно собственного исторического опыта влияния на мировую политику и его теоретическом осмыслении.

Социалистическая Республика Вьетнам

Обзор внешней политики

Одна из основ идеологии и дипломатии современного Вьетнама – тезис Хо Ши Мина «нет ничего дороже независимости и свободы»⁴. Развитие его внешней политики было предопределено колониальной историей, когда не только Вьетнам, но и весь регион достаточно быстро и довольно надолго стал объектом международной политики. Практически сразу после начала процессов деколонизации в 1940-е гг. и истончающегося влияния Франции в эпоху холодной войны регион стал полем противостояния крупных игроков – в первую очередь США и СССР. Позднее к размежеванию капиталистического и социалистического блоков добавилось «внутрисоциалистическое» противостояние между СССР и Китаем.

В основу внешнеполитической стратегии Вьетнама легли принципы многовекторности и нейтралитета в духе выдвинутого Хо Ши Мином лозунга «как

1 Ван, Ду 2008.

2 Воскресенский 2013.

3 Denisov 2016.

4 Локшин 2015.

можно больше друзей и как можно меньше врагов»¹. На начальном этапе становления современной дипломатии Вьетнама главной ее целью было добиться международного признания, установив отношения с как можно большим числом стран. Когда эта задача была решена, Вьетнам стал расширять горизонты внешнеполитической деятельности и прикладывать усилия, чтобы играть более активную роль в мировой политике.

В постбиполярный период Вьетнам вступает в созданную еще в 1967 г. АСЕАН. Здесь важно отметить, что изначально эта организация создавалась как ответ на нарастающее геополитическое напряжение в регионе и, в частности, как инструмент сдерживания распространения коммунистической идеологии и влияния СССР и КНР в Юго-Восточной Азии. Важным фактором стало стремление государств-основателей (Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда) укрепить собственную безопасность на фоне угрозы распространения социалистических движений и нестабильности, вызванной войной во Вьетнаме. Организация не только способствовала разрешению многих внутрирегиональных противоречий и консолидации стран региона в единое политическое пространство, но и стала инструментом укрепления позиций региона в целом и каждой из стран-участниц в международных делах. Присоединение Вьетнама в 1995 г. стало знаковым событием, символизирующим преодоление идеологических барьеров и переход к модели регионального сотрудничества, основанной на прагматизме и взаимной выгоде. На сегодняшний день вокруг АСЕАН сложилась сеть диалоговых партнерств с ключевыми игроками: возникли такие форматы, как АСЕАН+3 (Китай, Япония, Республика Корея, 1997), АСЕАН+6 (Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия, 2005). Фактор АСЕАН играет важную роль в формировании внешней политики современного Вьетнама.

Среди наиболее ярких иллюстраций успехов дипломатии Вьетнама на начало XXI в.: избрание непостоянным членом в Совет Безопасности ООН (2009–2009, 2020–2021), председательство в АСЕАН (2010, 2020), координация диалоговых форматов АСЕАН – Китай, АСЕАН – США, АСЕАН – ЕС, АСЕАН – Россия, оказание «добрых услуг» для проведения в Ханое второй в истории встречи лидеров КНДР и США (2019). Таким образом, на стратегическом уровне Вьетнам стремится создать имидж активного и прогрессивного члена международного сообщества, готового предложить свои решения региональных и глобальных проблем.

Примечательно, что дипломатический курс Вьетнама является результатом консенсуса двух лагерей в КВП. «Консерваторы» считают приоритетным развитие связей с Китаем, тогда как «реформаторы» настроены на сближение со странами Запада². Результатом становится балансирование Ханоя между соперничающими за влияние в регионе державами. Отношения Вьетнама с Китаем, Россией и Индией, равно как и отношения с США, описываются в терминах «всеобъемлющего стратегического партнерства».

Такая логика поведения в полной мере соответствует модели «державы среднего уровня» в конструктивистском понимании государства, которое во внеш-

1 Вершинина 2023, 100.

2 Le 2018.

неполитическом поведении руководствуется принципом нейтралитета и многовекторности, балансируя между великими державами и одновременно стремясь к интенсификации связей и сотрудничества внутри домашнего региона, а также работает на имидж добросовестного члена международного сообщества, выступая в качестве пасификатора¹.

Подготовка дипломатов

Школа подготовки дипломатических кадров во Вьетнаме начала складываться, когда в 1960 г. созданный годом ранее при МИД Вьетнама Колледж иностранных дел был объединен с Университетом экономики и финансов, а в 1967 г. на этой базе был сформирован Университет иностранных дел. В 2008 г. Университет был преобразован в Дипломатическую академию, которая входит в структуру МИД и играет роль «кузницы» дипломатических кадров. При этом абсолютное большинство высокопоставленных сотрудников министерства помимо Дипломатической академии учились в США и Европе. Это свидетельствует о высокой интегрированности вьетнамской системы подготовки международных работников и дипломатов в западный контекст.

Отбор сотрудников в МИД происходит на конкурсной основе. При этом, как и в Китае, партийность является ключевым требованием к допуску на госслужбу. Вьетнамские дипломаты в большинстве своем карьерные – анализ послужного списка высокопоставленных сотрудников МИД показывает, что все они прошли путь с самого низа служебной лестницы.

Набор курсов на программе «Международные отношения» Дипломатической академии свидетельствует о стремлении к фундаментальной подготовке: уделяется внимание национальной истории, истории международных отношений, анализу внешней политики Вьетнама². Регионоведческие специализированные курсы в основном обращены на ближайшее окружение – Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию в целом и отдельные страны. Национальной теоретической школы международных отношений во Вьетнаме не сложилось. При этом подавляющий массив учебных материалов – импортные учебники и англоязычные статьи.

В целом логика подготовки дипломатов сопоставима с положением Вьетнама как державы среднего уровня. В основе внешнеполитической идентичности Вьетнама – стремление позиционировать себя как равноправного участника международных отношений, который может взять на себя ответственность за выработку национальных подходов к решению региональных и глобальных проблем, хотя Ханой далеко не всегда располагает достаточными ресурсами для разработки национальных образовательных материалов и, таким образом, национальной эпистемологии и нарративов о своей внешней политике. Поэтому, принимая оптику западного мира в общих вопросах науки о международных отношениях, более пристальное внимание Вьетнам уделяет научному поиску практических решений в проблемном поле «домашнего» региона.

1 Cooper 1997; Cooper et al. 2004.

2 “Undergraduate Studies. Programs,” Diplomatic Academy of Vietnam, accessed December 1, 2024, <https://www.dav.edu.vn/en/bachelor-of-arts-in-international-relations-16835/>.

Республика Корея

Обзор внешней политики

Толчком к рефлексии относительно своего места в мире и осознанию ценности самостоятельности для Кореи стала утрата суверенитета в начале XX в., когда страна стала японской колонией¹. Корея была освобождена в 1945 г. внешними силами, но современные государства созданы на полуострове в 1948 г. борцами за независимость. Разделение страны заставило их опираться на патронов, выбранных еще в колониальные времена по личным политическим предпочтениям – СССР для Севера и США для Юга. Корейская война 1950–1953 гг. только закрепила эту конфигурацию. Республика Корея с 1953 г. документально оформляет военно-политический союз с США. В стране остается существенный американский военный контингент, и, что довольно необычно, вскоре южнокорейские вооруженные силы оказываются под командованием американского генерала.

Казалось бы, в таких условиях Сеул был обречен оставаться заурядным региональным сателлитом, «марионеткой» Вашингтона, однако реальность оказывается сложнее. Уже Пак Чонхи (1961–1979), считавший национальную самостоятельность высшим идеалом, превращает американо-южнокорейский союз, основу внешней политики страны, из механизма подчинения в механизм торга со «старшим» партнером². Заметный поворот в сторону автономии в 1970-х гг. заставил США резко одернуть своего «младшего» союзника, однако это не изменило общий тренд. К концу 1980-х гг. Республика Корея, воспользовавшись Олимпиадой 1988 г. для демонтажа имиджа военной автократии, заявляет о региональных и глобальных внешнеполитических амбициях. Они обычно не противоречат американским интересам, но и не определяются ими.

В 1990-е гг. Сеул провозглашает концепцию «глобализации», под которой понималась не интернационализация хозяйства, интеграция в мировую экономику, а вывод страны на «мировой уровень», чтобы весь мир знал о Республике Корея, а она стала одним из мировых лидеров³. «Самопродвижение» остается важной дипломатической целью в последующие годы, несмотря на периодическую смену власти. Это вопрос не только престижа (хотя для Сеула крайне важно считаться и считать себя одной из передовых стран⁴), но и практической выгоды: так Республике Корея проще реализовывать свои экономические интересы.

Нередко для описания своего международного положения корейцы прибегают к пословице «в драке китов у креветок ломаются спины»⁵. На внешнеполитический дискурс влияет восприятие себя как маленькой, бессильной, обреченной страны, зажатой между «четырьмя могущественными державами» (США, Китаем, Россией и Японией)⁶. В известном смысле такое самоуничижение не более чем лукавство, но не случайно ключевой целью южнокорейской внешней политики

1 Соловьев, А. Корейский политический миф. Секция в рамках XIII Конвента ПАМИ в МГИМО // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korejskij-politicheskij-mif/> (дата обращения: 10.11.2024).

2 Snyder 2018, 24–46.

3 Старшинов 2022b, 102.

4 Старшинов 2022a, 139–140.

5 Торкунов, Стрельцов 2019, 269–270.

6 Стрельцов 2017, 281.

является создание привлекательного образа страны, желание поставить ее в один ряд с теми, кто кажется южнокорейцам «признанными» державами.

Нельзя не заметить, что образ «драки китов» явно созвучен аксиомам политического реализма. Корея мало сомневается в его постулатах: вся история страны с середины XIX по середину XX в. стала наглядным пособием для трагического урока по теории международных отношений.

Противостояние США с КНР и Россией в последние годы ставит Сеул перед значительной дилеммой. Республика Корея не может отказаться от союза с Вашингтоном, в котором видит как гарантию своей безопасности перед лицом «северокорейской угрозы», так и воплощение своих политических ценностей. Безоговорочно встроившись в американскую политику, Сеул рискует нанести значительный ущерб экономике в случае конфликта с Китаем.

Кроме того, Пекин и Москва традиционно поддерживают хорошие отношения с Пхеньяном. Республика Корея хотела бы опосредованно пользоваться этим ресурсом для обеспечения своей безопасности, а разрыв с Китаем и Россией не позволит это сделать. Иными словами, перед южнокорейской дипломатией стоит задача если не уйти от выбора (в принципе, он сделан – Сеул *не может* и *не хочет* отказаться от союза с США), то хотя бы минимизировать его деструктивные последствия. Эта концепция получила название «стратегическая автономия»¹.

Для такого балансирования нужна очень хитроумная дипломатия, возможно, даже более сложная, чем в случае «простой» самостоятельности, и уж точно более изощренная, чем требуется «марионетке». Требуется опыт осмысления своего внешнего положения и устойчивая, отлаженная система подготовки дипломатов.

Подготовка дипломатов

Не удивительно, что современная южнокорейская школа международных отношений появилась достаточно давно. Считается, что первое в Южной Корее отделение «политики и дипломатии»² возникло в Университете Ёнсе (тогда – Институте Ёнхи) еще осенью 1945 г. – вскоре после освобождения страны от японского владычества и за три года до возникновения южнокорейского государства³. В исключительно женском Университете Ихва соответствующий факультет появился в 1950 г.⁴, задолго до того, как первая выпускница этого весьма престижного заведения сдала экзамен для поступления на дипслужбу в конце 1980-х годов. В Сеульском университете такой факультет возник в 1958 г.⁵, Университете Коре – в 1959 г. (а политологии – в 1946 г.)⁶, в Университете

1 Асмолов et al. 2021.

2 Специальность в южнокорейских вузах, условно соответствующая российской специальности «международные отношения».

3 “연세대학교 정치외교학과. 학과연혁 (Faculty of Politics and Diplomacy of the University of Barnes. History of the Faculty),” accessed December 14, 2024, <http://politics.yonsei.ac.kr/pagegenerator.asp?catalogid=politics&language=ko&pagecode=intro03>.

4 “이화대학교 정치외교학과. 연혁 및 교육목표. 연세대학교 정치외교학과. 학과연혁 (Faculty of Politics and Diplomacy of Ihwa University. Faculty History and Learning Objectives),” accessed December 14, 2024, <https://politics.ewha.ac.kr/politics/intro/objective.do>.

5 “서울대학교 정치외교학부. 학부연혁 (Faculty of Politics and Diplomacy, Seoul University. History of the Faculty),” accessed December 14, 2024, <https://psir.snu.ac.kr/category/history-ko/>.

6 “고려대학교 정치외교학과. 학과연혁 (Faculty of Politics and Diplomacy, Korea University. History of the Faculty),” accessed December 14, 2024, https://politics.korea.ac.kr/kupolitics_kor/about/history.do.

Хангук – в 1963 году¹. Корейская государственная дипломатическая академия, выполняющая сейчас функции обязательной магистратуры для будущих дипломатов, появляется как экспертный центр при Пак Чонхив 1960-е годы².

Бакалавриат ведущих вузов Южной Кореи предоставляет фундаментальное образование по гуманитарным специальностям, для которого характерна опора в том числе на исторические дисциплины³. В них всегда преподаются как минимум немецкий, французский, русский, китайский, японский, испанский, но нередко и другие языки, как правило азиатские. В Университете иностранных языков Хангук, поставляющем в МИД немало кадров, 45 языков изучается в качестве специальности (по утверждениям этого вуза, это третье место в мире). Преподаются также история, политика, экономика и культура выбранной страны⁴. Иными словами, ассортимент предлагаемых курсов предоставляет широкие возможности для регионоведческой специализации.

Государство строго отбирает будущих дипломатов. Это престижный вид госслужбы (так, дипломат начинает карьеру с пятого из девяти рангов чиновников), и кандидаты обязаны сдавать строгие экзамены. Их содержание менялось с годами, но всегда требовалось владение иностранными языками (как правило, не только английским), проверялись исторические и политические знания посредством тестирования и эссе.

С 2013 г. все поступающие на дипломатическую службу должны пройти обучение в Корейской государственной дипломатической академии (КГДА, 국립외교원)⁵. С появлением обязательного обучения, предоставляющего государству контроль над подготовкой будущих дипломатов, наблюдается тенденция к смягчению строгости последующего отбора.

В учебном плане КГДА выделяется три основных блока: формирование чувства служебного призвания, воспитание компетенций и навыков дипломата, обучение иностранным языкам⁶.

В первый блок входят изучение этики для дипломатов, правового мышления и правовых систем, сравнение восточной и западной цивилизаций, история международных отношений в Северо-Восточной Азии, современная история южнокорейской дипломатии. Во второй включено освоение следующих тем: геополитика и понимание отдельных регионов, международное право, международные переговоры, история дипломатической стратегии, многосторонняя дипломатия, подготовка документов, консульская служба, формулирование политики и управление внешними связями, публичная дипломатия, международная экономика

1 “한국외국어대학교 정치외교학과. 학과연혁 (Faculty of Politics and Diplomacy, Hanguk University of Foreign Languages. History of the Faculty),” accessed December 14, 2024, https://hufspol.hufs.ac.kr/hufspol/m01_s03.do.

2 “국립외교원. 연혁 (Korean State Diplomatic Academy. History),” accessed December 14, 2024, <https://www.knda.go.kr/usr/intrcn/selectIntrcn02Contents.do>.

3 “고려대학교 학과(부, 기관)별 교수요목 (Working Curricula of Korea University by Departments (Faculties, Organizations). 2022),” accessed December 14, 2024, <https://ibook.korea.ac.kr/Viewer/KMWI36FW7SMQ>; “서울대학교 정치외교학부. 교과목안내 (Faculty of Politics and Diplomacy, Seoul University. About the Subjects Taught),” accessed December 14, 2024, http://ir.snu.ac.kr/korean/sub4_01.php.

4 “한국외국어대학교. 대학/대학원 (Hanguk University of Foreign Languages. Bachelor's Degree/Master's Degree),” accessed December 14, 2024, <https://www.hufs.ac.kr/hufs/11224/subview.do>.

5 “국립외교원 (Korean State Diplomatic Academy),” accessed December 14, 2024, <https://www.ifans.go.kr/knda/hmpg/kor/main/HmpgMain.do>.

6 “외교관후보자정규과정 (The Training Course for Candidates for Diplomats),” accessed December 14, 2024, <https://www.knda.go.kr/usr/edc/plan/selectPlan01Contents.do;jsessionid=zS-HhsxP6CQh-7hZ8YGAp5zDlkzWBbPEm4BiN4M.knda21>.

и торговая дипломатия, «северокорейская проблема». Третий блок подразумевает освоение английского и какого-либо второго языка (немецкого, русского, испанского, арабского, китайского, французского и пр.).

Обязательна практика в центральном аппарате и заграничных учреждениях МИД Республики Корея. Исходя из этого можно сделать ряд выводов. Во-первых, в Южной Корее видят в дипломатах не просто бюрократов, а чиновную элиту, выполняющую специфические функции. Отставные дипломаты обычно переходят не на другие госдолжности, а в академические или экспертные круги, где продолжают делиться своим опытом в области осмысления и реализации внешней политики¹.

Во-вторых, упор на изучение истории (как страны, так и дипломатии), региональных международных отношений указывает, что южнокорейский дипломат видит мировой исторический процесс и мировую политику через призму мощной локальной идентичности. Соседи, покровители и противники редко видятся идеализированно.

Это сочетание соответствует стоящим перед внешней политикой Сеула задачам. Как «средняя держава» Республика Корея не имеет существенных глобальных интересов (хотя и имеет глобальные амбиции – в частности, пропагандистские). Южнокорейские дипломаты должны в первую очередь добиваться выгодного течения событий в регионе, уметь влиять на непосредственных соседей и ключевых партнеров. Общемировые соображения интересуют Сеул прежде всего в той степени, в которой касаются его национальных интересов.

В-третьих, отсутствие активных интересов во всех регионах мира не означает, что Сеул не хочет быть готовым их защищать, если они возникнут. Вузы Республики Корея, в особенности выпускающий немало будущих дипломатов Университет иностранных языков Хангук, готовят специалистов даже по отдаленным от Восточной Азии странам. Такой инструментарий, помимо прочего, облегчает для Республики Корея продвижение положительного образа страны за рубежом, на которое тратятся немалые силы и средства.

Индонезия

Обзор внешней политики

Индонезийское понимание внешней политики неразрывно связано с представлением о стране как об «освободившемся государстве», которое должно оказывать поддержку и помощь другим развивающимся странам на основе идей социальной справедливости и гармонии (т.н. дух Бандунга)². Государственная система Индонезии опирается на заложенные президентом Сукарно принципы *Панча сила* (пять принципов развития нации)³ и доктрину «активной

1 Так, Ли Гюхен, бывший посол в России, ныне руководит экспертным Диалогом Россия – Республика Корея с корейской стороны, бывший посол в России Пак Нобек – ныне профессор КГДА. Не редкость и обратное: бывший посол в Японии Юн Донмин и сменивший его в 2024 г. Пак Чхольхи до назначения возглавляли КГДА.

2 Yates 2020, 55.

3 Вера в единого Бога; Справедливая и цивилизованная гуманность; Единство страны; Демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства; Осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии.

независимости» первого вице-президента Мохаммада Хатта, которая определяет Индонезию как внеблоковую нейтральную страну, сохраняющую право активно действовать всеми доступными средствами для защиты национальных интересов¹.

На современном этапе к этой базе добавились новые концепции «Индонезии как ведущей демократии Юго-Восточной Азии» и «Индонезии как лидера мусульманского мира»². Индонезия опирается на особенные подходы к демократии, которые, в отличие от западных форм, в большей степени оперируют местными теориями социальной справедливости и близки к идеологическим построениям первого президента Сукарно. Ислам в Индонезии имеет синкретическую самобытную форму и совмещен с доисламскими практиками. Индонезия позиционирует свой *Ислам Нусантара* как умеренное течение, основанное на терпимости и уважении к другим конфессиям, открытости к диалогу, и противопоставляет этот подход некоторым радикальным ближневосточным течениям³.

Таким образом, сегодня на глобальном уровне Индонезия определяет себя как миротворец и пасификатор, защитник социальной справедливости и демократии⁴, «зеленая» держава, борец с климатическими изменениями, «высокотехнологичная и цифровая держава в рамках индустрии 4.0»⁵, защитник интересов мировой уммы и представитель интересов региона ЮВА на глобальных площадках (например, G20)⁶. Здесь мы можем наблюдать как ряд самобытных концепций, так и привнесенные извне, но адаптированные. «Зеленая повестка», или «четвертая промышленная революция», считаются в Индонезии «мировым стандартом», которому должна соответствовать держава, считающая себя сильной. Индонезия, однако, всегда оставляет за собой право предлагать свои подходы, менять наполнение терминов и определять их по-своему.

На региональном уровне страна позиционируется как политический лидер и консолидатор АСЕАН, экономически развитая держава региона, посредник во всех внутренних конфликтах, площадка добрых услуг для всех друзей и партнеров, главная военная сила региона, способная к реализации силового сценария и к защите партнеров.

Подготовка дипломатов

Для анализа столь комплексной школы дипломатии необходим ценностный подход, близкий к теоретической рамке конструктивизма, так как индонезийское общество существует в рамках сложной политической культуры патрон-клиентских отношений и элитарной фракционности⁷. Упомянутые идеи и концепции представляют систему координат не только для реализации внешней политики, но и для формирования взглядов чиновника.

1 Smith 2000, 9.

2 Куклин 2023, 102–103.

3 Hakim 2023, 187.

4 Almuttaqi 2020, 32.

5 “President Jokowi Highlights Strategies to Kick-Start Green Economy,” Cabinet Secretariat of the Republic of Indonesia, January 20, 2022, accessed November 5, 2024, <https://setkab.go.id/en/president-jokowi-highlights-strategies-to-kick-start-green-economy/>.

6 “Indonesia and G20: Jokowi on the World Stage,” Jakarta Post, December 11, 2022, accessed November 4, 2024, <https://www.thejakartapost.com/opinion/2021/12/11/indonesia-and-g20-jokowi-on-the-world-stage-.html>.

7 Jackson, Pye 2023, 349.

Благодаря сложившимся практикам внутривнутриполитической конкуренции при- мат идеологических основ государственности воспринимается не только как политическая, но и как социальная норма, «образ жизни» индонезийца¹. Из этой традиции проистекает обыденное и даже уважительное отношение к иностранному образованию у чиновников без опасений о внешнем влиянии, так как нормативная среда создает и корпоративную культуру со своими «красными линиями», в которых дипломат не может лоббировать чьи-то интересы, кроме индонезийских, иначе столкнется с потерей социального лица и авторитета – эти наблюдения автор делает, основываясь на своем личном опыте общения с индонезийскими чиновниками. При этом не возбраняется поддерживать западный образ жизни, считать его путем для развития Индонезии, призывать перенимать какие-то полезные западные практики без посягательства на идеологические основы страны.

В период «реформации» 1998–2004 гг. МИД Индонезии прошел через беспрецедентную трансформацию принципов отбора на службу в сторону меритократического подхода на основе экзаменов и рекомендаций, который заменил «назначенческий» принцип периода Сухарто, когда на службу могли попасть военные или представители семей близких к Сухарто элит².

При индонезийском МИД действует Учебно-образовательный центр (*Pusdiklat KEMLU*), включенный в структуру министерства. Дипломаты входят в состав Государственной службы Индонезии (*Aparatur Sipil Negara*) и, соответственно, проходят подготовку и обучение в министерстве после сдачи экзамена национальной гражданской службы (*Seleksi Calon Aparatur Sipil Negara*) и завершения программы базовой подготовки.

Так как в МИД Индонезии директораты поделены преимущественно по географическому принципу, уделяется особое внимание развитию партнерских связей с ключевыми странами профильных регионов, их специализированными дипломатическими вузами. Предполагается, что дипломат должен специализироваться на стране, знать ее язык и пройти там обучение.

Дипломы иностранных университетов в индонезийской традиции считаются престижными, одобряется активное участие в университетской жизни как в Индонезии, так и за ее пределами. Индонезийцы в силу развитой коллективности и широких взаимозависимых социальных связей поощряют вступление молодежи в политические партии, религиозные объединения, политические и общественные организации. Иногда членство в них переходит по наследству или считается частью идентичности семьи-«династии». Образование за рубежом индонезийские дипломаты или чиновники могут получать не только до службы, но и во время нее, брать для этого специальный отпуск или получать поддержку от той или иной организации (например, от крупных политических партий, таких как «Демократическая партия борьбы Индонезии», «Гериндра», «Голкар» и др.) с одобрения руководства. МИД гарантирует сохранение должности такого

1 Neher 2013, 238–240.

2 Куклин, Шпаковская 2021.

сотрудника и половины его зарплаты¹. Находясь в стране обучения, дипломат может совмещать учебу с помощью своему посольству.

Выходцы из элиты зачастую активны в поступлении на дипслужбу из-за желания поддерживать авторитет семьи. Несмотря на меритократические принципы отбора, карьере помогает членство в вышеупомянутых влиятельных организациях, например религиозных, таких как Нахдатул Улама и Мухаммадия, или Ассоциация католических студентов Республики Индонезия. Используя как формальный институт рекомендаций, так и неформальные связи, они могут продвигать свои талантливые кадры и участвовать в развитии их карьеры. Это относится и к светским организациям. Даже совместное обучение в школе индонезийских боевых искусств *Пенчак Силат* или служба в воинском формировании может оказать влияние на карьеру. Несмотря на то что подобные социальные лифты встречаются практически во всех обществах, в Индонезии корпоративное устройство большинства светских и религиозных организаций предполагает их значительную роль во всех политических процессах.

В МИД могут назначаться бывшие сотрудники министерства обороны, министерства финансов и иных министерств из «внешнеполитического блока». За время своей карьеры чиновник может сменить несколько министерств, стать политиком или, наоборот, сделать карьеру дипломата, а ближе к пенсии стать журналистом или научным сотрудником. С точки зрения карьерного имиджа по достижении определенного авторитета человек воспринимается скорее как «универсальный государственный», которого можно назначить на любые должности. С другой стороны, строгая система отбора не пропустит непрофильного или недостаточно квалифицированного чиновника. Исторически в индонезийском МИД формировались и группы карьерных дипломатов. Часть из них относится к дипломатическим династиям или военным семьям, закрепившимся в министерстве в период президенства Сухарто, другая часть состоит из дипломатов, набранных на службу после реформы МИД в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Однако, как и упоминалось выше, происхождение и связи не могут в полной мере помочь кандидату на службу без хороших результатов экзамена. Со времен министра иностранных дел Хассана Вираюда (2001–2009) – автора реформы МИД – все последующие министры до 2024 г., а именно Марти Наталегав (2009–2014) и Ретно Марсуди (2014–2024), происходили из среды карьерных дипломатов, развивавшихся в системе МИД. В 2024 г. пост министра занял Сугионо, первый за много лет министр из среды военных и парламентариев.

В том, что касается образовательного опыта, международные отношения в Индонезии начали свое развитие в рамках истории и политических наук, что близко к российскому кейсу. Индонезийская специфика определила ориентацию ученых этой сферы на осмысление влияния сложной внутренней политики на дипломатию и внешнеполитический курс страны. Центрами научной деятельности становились частные университеты, связанные с правительством, армией,

1 “Rencana Pengembangan Kompetensi/ Human Development Plan (HCDP) Kementerian Luar Negeri (MFA of Indonesia) 2023–2024,” Pusdiklat Kemlu, accessed December 3, 2024, <https://lms.kemlu.go.id/home.php?page=pengumuman>.

реже – религиозными и общественными движениями, которые могли готовить и содержать своих ученых.

Многие из университетов были основаны при Сукарно, часть осталась функциональной с колониальных времен, но так или иначе эти университеты были значимы как центры притяжения интеллектуалов со всей страны. В 1957 г. была основана первая кафедра международных отношений в одном из самых элитных университетов страны – Гаджа Мада (*UGM*), упор в ее работе был сделан на изучении западного опыта¹.

При этом большинство ученых, формирующих сегодня индонезийский внешнеполитический дискурс, являются воспитанниками университетов периода Сухарто. В 1985 г. произошло открытие первой программы по международным отношениям на базе Университета Индонезии (*UI*). В этот период подготовка опиралась на учебники и книги, написанные такими американскими учеными, как Дж.Ф. Кеннан, Г. Моргентау, К.Н. Уолтц, Э.Б. Хаас. Многие программы поддерживались по линии Фонда Азии, Фондов Форда и Рокфеллера и других зарубежных организаций².

Реалистская традиция укрепилась среди индонезийских ученых и оказала влияние на содержание их курсов, так как они зачастую стереотипно полагали, что реализм и есть основа американского могущества. Во многих отношениях реалистские идеи, такие как «национальная мощь», «национальные интересы», «баланс сил», «сдерживание», были очень близки к сознанию военных и чиновничьих элит сухартовского периода.

Таким образом, современная система подготовки кадров на базе крупных университетов методологически привязана к западным стандартам развития международных отношений, причем порой на самом Западе уже считающимся устаревшими. Однако нельзя утверждать, что, копируя форму, Индонезия копирует и содержание. Даже среди работ ученых, имеющих двойное образование, наблюдается стремление к исследованию самобытных основ индонезийской политической мысли, исторического опыта страны, ее идеологии, мусульманского фактора и многих других аспектов, не принадлежащих к полю западной мысли – того, что Б. Бузан и А. Ачарья стремились относить к категории «незападных» теорий международных отношений³. Выходит множество учебников и монографий, сочетающих разные подходы и школы.

Проблемой развития школы изучения международных отношений в Индонезии можно считать ограниченную вовлеченность университетов и аналитических центров в процесс принятия внешнеполитических решений. То, насколько услышанным будет ученый, определяется его авторитетом и связями. При этом некоторые ученые по-прежнему игнорируют западные школы и стремятся к постижению ситуации в мире только через индонезийский научный опыт, другие же их коллеги, напротив, отказываются признавать «эндемичность», полагая, что западные теории способны достаточно точно объяснить все тонкости индонезийского мировоззрения и положения страны в мире. На современном этапе ученые в большей степени сочетают индонезийские и западные подходы в работах или

1 Mas'oed 2020.

2 Hadiwinata 2008.

3 Acharya, Buzan 2010.

стремятся осмыслить западный опыт через индонезийскую концептуальную рамку. Например, некоторые ученые, такие как Деви Фортуна Анвар¹ и Ризал Сукма², часто обращаются к западным теориям, стремясь объяснить индонезийскую политическую ситуацию через призму универсальных моделей, в то время как такие авторы, как Азьюмарди Азра³ и Анак Агунг Банью Первита⁴, акцентируют внимание на уникальности индонезийского опыта и самобытности страны. В их работах подчеркивается, что для полного понимания индонезийского мировоззрения и взаимодействия на международной арене необходимо опираться на местные традиции и культурные особенности, которые, по их мнению, не могут быть адекватно объяснены только через западные концептуальные рамки.

Большую роль в формировании государственной политики играют сам президент и его взгляды, взгляды его окружения и их принадлежность к тем или иным фракциям. Индонезия остается многофакторной, сложной и высококонтекстной общественно-политической системой.

Индия

Обзор внешней политики

Отличительной чертой внешней политики Индии с момента обретения независимости были и остаются последовательность и неизменность основных внешнеполитических ориентиров. Основные задачи внешней политики Индии, сформулированные уже во времена премьерства Джавахарлала Неру (1947–1964), формируют три основных трека деятельности индийского внешнеполитического ведомства: 1) обеспечение безопасности; 2) создание условий для экономического развития; 3) укрепление авторитета в мировой политике с целью превращения в мировую державу⁵.

На практике преследование этих целей в биполярную эпоху нашло отражение в делении дипломатической работы на три основных направления с отличными друг от друга приоритетами. В отношениях с СССР и США Индия стремилась сохранять равноудаленность, параллельно углубляя экономические и политические связи с обоими «полюсами». В отношениях с большинством незападных стран Индия стремилась занять положение лидера, превратиться в «выразителя интересов Глобального юга», что проявлялось, в частности, в активном участии и фактическом лидерстве в Движении неприсоединения вплоть до окончания холодной войны. Наконец, в отношениях со своими непосредственными соседями в Южной Азии своим приоритетом Индия видела укрепление авторитета и доминирующего положения в регионе⁶.

На протяжении почти 80 лет, прошедших с момента деколонизации, эти основные внешнеполитические задачи не пересматривались и практически в неизменном виде дошли до наших дней, в то время как методы их реализации кор-

1 Fortuna 1996.

2 Sukma, Rizal 2003.

3 Azyumardi 2006.

4 Anak Agung, Wattimena 2019.

5 Лунев 2010, 1–2.

6 Ibid., 3.

ректировались в соответствии с изменяющимися международными условиями и достигнутым прогрессом. Наиболее значительная перестройка внешнеполитического курса произошла в 1990-е гг. вследствие краха биполярной системы после распада СССР. В новых условиях стратегия равноудаленности обесмыслилась¹. По той же причине в 1990-е гг. начался кризис Движения неприсоединения²

Нью-Дели был вынужден пересмотреть свой внешнеполитический курс, и он был скорректирован так, чтобы отвечать тем же самым целям – обеспечению безопасности, экономическому развитию и повышению авторитета. Оказавшись в условиях стратегической неопределенности без поддержки СССР, индийское руководство, учитывая соседство с «ядерным» Китаем и пользующимся его поддержкой Пакистаном, приняло решение обеспечить свою безопасность наиболее надежным способом – путем превращения в ядерную державу. В 1998 г. Индия вопреки протестам Запада объявила себя таковой после серии ядерных испытаний, что способствовало не только решению проблемы безопасности, но и повышению международного авторитета. По мнению индийской политической элиты, «страна без ядерного оружия не может считаться великой державой»³.

Распад СССР означал для Индии потерю важного экономического партнера, что вынудило страну искать другие способы обеспечить развитие. В 1992 г. была провозглашена политика *Look East* («смотри на Восток»), главными целями которой было укрепление связей с экономически развитыми странами Восточной Азии (Япония, Сингапур, Республика Корея) и странами АСЕАН⁴. С 2016 г. эти связи стали углубляться в рамках политики *Act East* («действуй на Востоке»)⁵.

Таким образом, Индия не сходит с избранного пути постепенного и последовательного, эволюционного экономического развития, с одновременным обеспечением собственной безопасности и укреплением своего авторитета на мировой арене. Все это говорит о значительной степени преемственности и последовательности во внешней политике страны.

Подготовка дипломатов

Сохранение преемственности внешнеполитического курса Индии с 1947 г. объясняется целым рядом внешних и внутренних причин. Однако данное исследование сосредоточится лишь на одной из них – организации дипломатической службы и системы подготовки внешнеполитических кадров. Наиболее важным фактором здесь является закрытый, элитарно-меритократический, эксклюзивный характер индийской государственной службы в целом и дипломатической в частности, который был унаследован Индией вместе с выстроенной во время британского владычества системой государственного управления.

Отбор на дипломатическую (*Indian Foreign Service, IFS*) и государственную (*Indian Administrative Service*) службу в Индии происходит совместно, посредством

1 Куприянов, Макаревич 2021, 75.

2 Крылов 2018, 27–28.

3 Куприянов, А.В. Как Индия обзавелась ядерной бомбой и почему не сразу в этом призналась. Совет по внешней и оборонной политике // Совет по внешней и оборонной политике. 23 мая 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://svop.ru/mains/33128/> (дата обращения: 12.11.2024).

4 Jaffrelot 2003, 45–46.

5 K.V. Kesavan, "India's 'Act East' Policy and Regional Cooperation," Observer Research Foundation, 2020, accessed November 12, 2024, <https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-act-east-policy-and-regional-cooperation-61375>.

специального экзамена, который ежегодно проводится Центральной комиссией государственной службы (*Union Public Service Commission, UPSC*). Такая форма отбора на государственную службу происходит из времен колониальной зависимости Индии от Великобритании. Так, бюрократический персонал для управления колонией впервые стал набираться с помощью экзамена, организованного такой комиссией еще в 1855 г., однако тогда все соответствующие мероприятия проводились в Лондоне, причем условия экзамена были формально «демократичными»: индийцы могли явиться в Лондон и сдать экзамен, однако его структура и содержание, а также необходимость оплатить расходы, связанные с этим, фактически предотвращали допуск исконного населения страны к участию в управлении ею. Первый индеец, принятый на работу в колониальную Индийскую Административную Службу (*Indian Administrative Service*), сдал этот экзамен только в 1864 г., а проведение экзамена на территории Индии началось лишь в 1922 году. Тем не менее усилия британцев фактически заложили административно-бюрократический скелет государственной, в т.ч. и дипломатической, бюрократии Индии, который и был унаследован ею после обретения независимости в 1947 году¹.

Формальные критерии к кандидатам таковы: быть гражданином Индии 21–32 года; иметь научную степень не ниже магистерской, выданную индийским или признаваемым в Индии зарубежным вузом; соответствовать требованиям к состоянию здоровья². На экзамен отводится шесть попыток. Количество кандидатов растет с каждым годом и конкурс ужесточается, что определяет элитарный характер индийской дипломатической службы. В последние годы из более чем миллиона заявок отбирается несколько десятков дипломатов³. Согласно данным, представленным на официальном сайте МИД Индии, ежегодное пополнение дипломатической службы страны составляет в среднем 30–35 человек⁴. Для сравнения, в 2019 г. в МИД России поступило на службу более 100 выпускников вузов⁵, а в 2024 г. – 104 выпускника⁶. Отобранные кандидаты отправляются проходить профессиональную подготовку в специальном подведомственном МИД Индии образовательном учреждении – Институте дипломатической службы им. Сушмы Сварадж (*Sushma Swaraj Institute of Foreign Service*).

Чаще всего в индийский МИД попадают выпускники Университета им. Дж. Неру (*Jawaharlal Nehru University, JNU*) в Дели. Впрочем, западные наблюдатели критикуют эту школу за «относительно слабую традицию изучения других

- 1 “Government of India Union Public Service Commission. Historical Perspective,” accessed November 12, 2024, <https://upsc.gov.in/about-us/historical-perspective>.
- 2 “Government of India Union Public Service Commission. Examination Notice no 05/2023-CSP,” February 1, 2023, accessed November 12, 2024, <https://www.upsc.gov.in/sites/default/files/Notif-CSP-23-engl-010223.pdf>.
- 3 “The Final Result of Civil Services Examination (CSE), 2022 has been Declared Today, the 23rd May,” Government of India. Press Information Bureau, 2023, accessed November 12, 2024, <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1926637>; “Civil Services Examination,” Government of India. Press Information Bureau Press Note, 2022, accessed November 12, 2024, <https://upsc.gov.in/sites/default/files/FR-CSM-22-engl-230523.pdf>; “Civil Services Examination. Government of India,” Government of India. Press Information Bureau, 2019, accessed November 12, 2024, <https://upsc.gov.in/sites/default/files/FR-CSE-2019-040820-ENG.pdf>.
- 4 “Indian Foreign Service,” Government of India. Ministry of External Affairs, 2023, accessed November 12, 2024, <https://www.mea.gov.in/indian-foreign-service.htm>.
- 5 О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с выпускниками вузов, поступившими впервые на дипломатическую службу // Совет Молодых Дипломатов МИД России. 1 ноября 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://smd-mid.ru/news/490-01november> (дата обращения: 12.11.2024).
- 6 Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на встрече с выпускниками вузов, принятыми впервые на дипломатическую службу, Москва // Совет Молодых Дипломатов МИД России. 12 ноября 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1981279/ (дата обращения: 12.11.2024).

регионов, методологии общественных наук и иностранных языков»¹. Для Индии также характерен в целом слабый уровень связей между «практиками» из МИДа и работниками исследовательских центров в силу того, что МИД страны крайне трепетно относится к безопасности данных².

Жесткий отбор и дальнейшая подготовка дают индийским высокопоставленным дипломатам большой кредит доверия в ведении внешних дел, в результате чего процесс принятия решений по конкретным вопросам становится очень гибким и индивидуалистическим, а контроль из центра остается минимальным. С другой стороны, в министерстве наблюдается постоянная нехватка кадров, вынуждающая каждого дипломата брать на себя весьма широкую зону ответственности. Более того, у недоукомплектованного министерства не хватает ресурсов на глубокое стратегическое планирование, в результате чего у страны нет таких основополагающих документов, как, например, концепция внешней политики. Такой процесс принятия решений значительно ограничивает возможность общества влиять на внешнеполитическую линию страны³.

Жесткий отбор способствует закреплению корпоративизма МИД Индии⁴. Его основы были заложены еще 36 первыми сотрудниками министерства, которых объединяли общие взгляды и престижное британское образование⁵. Первый премьер-министр и по совместительству министр иностранных дел Джавахарлал Неру, по выражению одного отставного индийского дипломата, «наделил индийскую дипломатическую службу интернационалистской, глобалистской культурой»⁶. Эта устойчивая корпоративная культура позволяет кадровому костяку МИД сопротивляться изменениям, диктуемым властью. Примером является скрытное, но упорное неодобрение попыток нынешнего правительства привнести черты индуcского национализма в дипломатическую повседневность, которые К. Худжу описывает на материале своих исследований индийской дипломатической среды. Так, она утверждает, что сотрудники министерства различают «прогрессивного Моди» и «регрессивные проявления Хиндутвы, во имя которых он правит», акцентируя его экономическую политику и, наоборот, стараясь замалчивать и игнорировать проявления религиозной нетолерантности по отношению к живущим в стране религиозным меньшинствам (в первую очередь мусульманам)⁷. В том же духе она подчеркивает и чисто формальный характер поддержки дипломатами идей «индусского национализма», которые, по выражению одного из них, «сейчас могут хорошо сыграть [для продвижения по карьере]»⁸. По большей же части, более высокопоставленные индийские дипломаты выражают снисходительное отношение к идеологии, разделяемой правящей партией, считая ее уделом своих «менее одаренных коллег»⁹, таким образом демонстрируя устойчивость и стабильность корпоративной культуры министерства.

1 Markey 2009, 81.

2 Ibid., 78.

3 Miller 2014, 7–8.

4 См. психологический эксперимент Эллиота-Миллса.

5 Benner 1985, 45–46.

6 Hujū 2022, 426.

7 Ibid., 433.

8 Ibid., 434.

9 Ibid., 435.

Заключение

Исследование о соотношении между внешнеполитическим позиционированием и моделью подготовки дипломатических кадров на примере КНР и Вьетнама показывает наличие корреляции без причинно-следственных связей. Более суверенный в международных отношениях Китай имеет более фундаментально ориентированную школу подготовки дипломатов с большей национальной спецификой, чем вынужденный балансировать и от этого менее самостоятельный в своей внешней политике Вьетнам. Однако одно не является следствием другого: оба государства на доктринальном уровне декларируют важность национального суверенитета и стремление к повышению собственного влияния в мировой политике. Иными словами, подготовка дипломатических кадров зависит не от стремления к большей «суверенности» или отсутствия такового, а от потребности в рефлексии о внешнеполитической идентичности страны и ее роли как цивилизации в мировой политике в пространственно-временном континууме. Такая потребность характерна для великих держав (и государств, претендующих на этот статус) и не свойственна для держав среднего уровня. Опыт сравнения Китая и Вьетнама доказывает справедливость этого тезиса.

Южнокорейский пример демонстрирует, что качество дипломатической подготовки прямо пропорционально если не степени внешнеполитической самостоятельности, то умению действовать самостоятельно. Несмотря на некоторые издержки, Республика Корея в целом комфортно чувствует себя в рамках союза с США и всерьез не мыслит свое существование вне его. Глобализация под американским флагом создавала фактически идеальные «фрирайдерские» условия для Сеула, и он скорбит о конце такого порядка. Южной Корее незначительно было *стремиться* к самостоятельности, бросать вызов однополярному миру, однако сейчас, когда он рушится, Сеул демонстрирует готовность самостоятельно действовать, оберегать свои интересы, не жертвовать ими бездумно по первому зову старшего союзника. Такой способности Республика Корея действительно обязана развитой школе подготовки дипломатов, опирающейся на богатый и сложный исторический опыт страны.

Система подготовки дипломатических кадров в Индонезии представляет собой интересный кейс становления национальной дипломатической школы в рамках синкретического подхода к соединению лучших индонезийских практик с западным теоретическим опытом в сфере международных отношений. При этом Индонезию трудно отнести как к сторонникам глобализации и унификации дипломатической подготовки, так и к странам, которые стремятся развивать полностью национальный подход в подготовке кадров. Это можно сформулировать как стремление индонезийской стороны наполнить западные практики, инструментарий, теоретическую базу и дипломатические приемы собственным содержанием, адаптировать их к сложной роли Индонезии и ее самопозиционированию как региональной державы с глобальным участием.

Система подготовки и набора кадров оказывает значительное влияние на то, как ведется внешняя политика Индии. В частности, система отбора кадров, основанная на сдаче крайне сложного экзамена, оказывает на внешнюю политику Индии стабилизирующее действие, предотвращая значительные колебания внешнеполитического курса, контролируемого элитарным «клубом» дипло-

матов. При этом обратной стороной недостаточного уровня развития программ по международным отношениям, слабого сообщения между практиками и исследователями внешней политики является недостаточное качество стратегической дискуссии, что может негативно влиять на качество дипломатии.

Несмотря на широкий разброс национальной специфики, все же можно выделить общие моменты. Все рассмотренные страны – постколониальные, и стремление к самостоятельности сильнее у тех государств, где колониальная травма переживается острее. При этом «суверенность» может принимать разные формы: восстановление «привычной» великодержавности (Китай); балансирование между региональными центрами силы (Вьетнам, Республика Корея) или глобальными лагерями (Индия); коллективное конструирование регионального политического пространства (Индонезия).

Во всех изученных странах дипломатия является специфическим, «элитарно-клубным» видом государственной службы. Попадание в этот «клуб» возможно либо через строгий отбор, либо через учебу в особых центрах. Это позволяет говорить о наличии четко оформленных национальных школ дипломатии и школ подготовки дипломатов. Так или иначе, большинство изученных стран создает национальную эпистемологию международного, которая может принимать разные формы – от опоры на «эндемические» концепции до модифицирования заимствованных идей вплоть до их полного переосмысления. За исключением Индии, в большинстве изученных стран делают акцент и на регионоведческой подготовке, понимая, что лучших результатов можно добиться только при глубоком понимании специфики поведения партнера.

При этом гипотеза, что качество подготовки дипломатических кадров определяет степень суверенности, восточноазиатскими примерами подтверждается лишь частично. Устройство и смысловое наполнение системы подготовки дипломатов не определяют содержание внешней политики *напрямую*, однако ее роль не менее важна. Качественная дипломатическая подготовка обеспечивает саму *возможность* реализации суверенной линии, дает для этого необходимый кадровый и идейный инструментарий. Без этой системы актуализация исторического опыта через внешнюю политику попросту невозможна. Не все рассмотренные государства реализуют свой суверенитет ревизионистски, через прямой вызов сложившейся международной ситуации, однако все они благодаря прочной системе дипломатической подготовки способны защитить свои интересы и сохранить субъектность в условиях глобальных перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Асмолов, К.В., Соловьев, А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // *Международная аналитика*, 2021. № 2. С. 66–69.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-732>.

Asmolov, Konstantin V., and Andrey V. Solovyev. "Strategic Autonomy of the Republic of Korea: Intellectual Chimera or Political Reality." *International Analytics* 12, no. 2 (2021): 66–69 [In Russian].

Ван Сюэцзюнь, Ду Биньвэй. Концептуальные факторы эволюции западной теории международных отношений // *Журнал Института международных отношений*. 2008. № 1. С. 9–14.

Wang Xuejun, and Du Bingwei. "Conceptual Factors in the Evolution of Western International Relations Theory." *Journal of the Institute of International Relations* 1, no. 1 (2008): 9–14 [In Russian].

Вершинина, В.В. Региональные организации во внешней политике Вьетнама. Взгляд через призму концепта «держав среднего уровня». Москва: Аспект Пресс, 2023.

Vershinina, Valeria V. *Regional Organizations in Vietnam's Foreign Policy: A View Through the Lens of the "Middle Power" Concept*. Moscow: Aspect Press, 2023 [In Russian].

Воскресенский, А.Д. (ред.). «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс. М.: МГИМО-Университет, 2010.

"Greater East Asia": *World Politics and Regional Transformations: A Scientific and Educational Complex*, edited by Alexey D. Voskresensky. Moscow: MGIMO University, 2010 [In Russian].

Воскресенский, А.Д. Китайская школа комплексных миро-политических исследований и перспективы ее развития после XVIII съезда КПК. Москва: ИДВ РАН, 2013.

Voskresensky, Alexey D. *The Chinese School of Comprehensive World Political Studies and Its Development Prospects After the 18th CPC Congress*. Moscow: Institute of the Far East, RAS, 2013 [In Russian].

Крылов, С.А. Движение неприсоединения: история и современность // *Обозреватель*. 2018. № 3. С. 26–43.

Krylov, Sergey A. "The Non-Aligned Movement: History and Modernity." *Observer*, no. 3 (2018): 26–43 [In Russian].

Куклин, Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. М.: Аспект Пресс, 2023.

Kuklin, Nikita S. *Conceptual Foundations of Indonesia's Foreign Policy*. Moscow: Aspect Press, 2023 [In Russian].

Куклин, Н.С., Шпаковская, М.А. Реформа МИД Индонезии как отражение эволюции внешнеполитического курса страны (2001–2009 гг.) // *Вопросы истории*. 2021. № 9. С. 231–234.

Kuklin, Nikita S., and Maria A. Shpakovskaya. "The Reform of Indonesia's Ministry of Foreign Affairs as a Reflection of the Evolution of the Country's Foreign Policy Course (2001–2009)." *Voprosy Istorii*, no. 9 (2021): 231–234 [In Russian].

Куприянов, А.В., Макаревич, Г.Г. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // *Международная аналитика*. 2021. Т. 12. № 2. С. 74–92. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-74-92>.

Kupriyanov, Alexey V., and Gleb G. Makarevich. "India in the Post-Bipolar Era: Thirty Years of Searching for a Place in the World." *International Analytics* 12, no. 2 (2021): 74–92 [In Russian].

Лунев, С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1 (10). С. 189–201. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-1-10-189-201>.

Lunev, Sergey I. "India's Foreign Policy and the Influence of Internal Factors." *MGIMO Review of International Relations*, no. 1 (10) (2010): 189–201 [In Russian].

Локшин, Г.М. Идеи Хо Ши Мина во внешней политике Вьетнама // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 3. С. 52–57.

Lokshin, Grigoriy M. "Ho Chi Minh's Ideas in Vietnam's Foreign Policy." *Problems of the Far East*, no. 3 (2015): 52–57 [In Russian].

Старшинов, А.С. Дихотомия хучжингук-сончжингук и ее влияние на политический дискурс Республики Корея // *Восточная Азия: Прошлое, Настоящее, Будущее*. Сборник статей международной научной конференции молодых востоковедов. Москва, 2022а. С. 298–306.

Starshinov, Alexandr S. "The Dichotomy of Hujinguk-Sonchjnguk and Its Influence on the Political Discourse of the Republic of Korea." In *East Asia: Past, Present, Future. Collection of Articles from the International Scientific Conference of Young Orientalists*, 298–306. Moscow, 2022 [In Russian].

Старшинов, А.С. Сегехва и идеологические изменения в Республике Корея (1993–1998) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022b. № 5. С. 94–108. <https://doi.org/10.31857/5013128120022119-1>.

Starshinov, Alexandr S. "Segyehwa and Ideological Changes in the Republic of Korea (1993–1998)." *Problems of the Far East*, no. 5 (2022): 94–108 [In Russian].

Стрельцов, Д.В. (ред.). Внешнеполитический процесс на Востоке. Москва: Аспект Пресс, 2017.

The Foreign Policy Process in the East, edited by Dmitry V. Streltsov. Moscow: Aspect Press, 2017 [In Russian].

Торкунов, А.В., Стрельцов, Д.В. (ред.). Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. Москва: Аспект Пресс, 2019.

Transformation of International Relations in Northeast Asia and Russia's National Interests, edited by Anatoliy V. Turkunov, and Dmitry V. Streltsov. Moscow: Aspect Press, 2019 [In Russian].

Acharya, Amitav, and Barry Buzan. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia*. London: Routledge, 2010.

Almuttaqi, A Ibrahim. *Jokowi's Indonesia and the World*. Singapore: World Scientific Publishing, 2020.

Anak Agung, Banya-Perwita, and Ridho Wattimena. *Memahami Hubungan Internasional Kontemporer*. Salemba, 2019.

Anak Agung, Banya-Perwita, and Ridho Wattimena. *Understanding Contemporary International Relations*. Salemba, 2019 [In Indonesian].

Azyumardi, Azra. *Indonesia, Islam, and Democracy: Dynamics in a Global Context*. Omaha, Solstice, 2006.

Benner, Jeffrey. *The Indian Foreign Policy Bureaucracy*. Routledge, 1985. <https://doi.org/10.4324/9780429311789>.

Cooper, Andrew F. *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. London: Macmillan Press, 1997.

Cooper, Andrew F., Higgott, Richard A., and Kim R. Nossal. *Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. Vancouver: UBC Press, 2004.

Denisov, Igor E. "Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China." *Social Sciences* 47, no. 2 (2016).

Fortuna, Anwar Dewi. *Indonesia's Strategic Culture: Ketahanan Nasional, Wawasan Nusantara, and Hankamrata*. Griffith University: Centre for the Study of Australia-Asia Relations, Australia-Asia Papers No. 75, 1996.

Hadiwinata, Bob S. International Relations in Indonesia: Historical Legacy, Political Intrusion, and Commercialization. *International Relations of the Asia-Pacific* 9, no. 1 (2008): 55–81. <https://doi.org/10.1093/irap/lcn026>.

Hakim, Luqman N. *Islamism and the Quest for Hegemony in Indonesia*. Palgrave Macmillan Ltd, 2023.

Harvey, Robert. *Global Disorder: How to Avoid a Fourth World War*. NY: Carroll & Graf, 2003.

Huju, Kira. "Saffronizing Diplomacy: The Indian Foreign Service under Hindu Nationalist Rule." *International Affairs* 98, no. 2 (2022): 423–441. <https://doi.org/10.1093/ia/iab220>.

Jackson, Karl D., and Lucian W. Pye. *Political Power and Communications in Indonesia*. Berkeley: University of California Press, 2023.

Jaffrelot, Christophe. "India's Look East Policy: An Asianist Strategy in Perspective." *India Review* 2, no. 2 (2003): 35–68. <https://doi.org/10.1080/14736480412331307022>.

Kubálková, Vendulka, Nicholas Onuf, and Paul Kowert, eds. *International Relations in a Constructed World*. Armonk: M.E. Sharpe, 1998.

Le, Hong Hiep. "Introduction. The Making of Vie-

tnam's Foreign Policy under Doi Moi." In *Vietnam's Foreign Policy under Doi Moi*, edited by Le, Hong Hiep, and Anton Tsvetov. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2018.

Markey, Daniel S. "Developing India's Foreign Policy 'Software'." *Asia Policy*, no. 8 (2009): 73–96. <https://doi.org/10.1353/asp.2009.0025>.

Mas'od, Mohtar. *Isu Dan Aktor Politik Luar Negeri*. Gadjah Mada University Press, 2020.

Mas'od, Mohtar. *Issues and Actors of Foreign Policy*. Gadjah Mada University Press, 2020 [In Indonesian].

Mearsheimer, John J. "The False Promise of International Institutions." *International Security* 19, no. 3 (1994–1995): 5–49. <https://doi.org/10.2307/2539078>.

Miller, Manjari C. "The Un-Argumentative Indian?: Ideas About the Rise of India and Their Interaction With Domestic Structures." *India Review* 13, no. 1 (2014): 1–14. <https://doi.org/10.1080/14736489.2014.873670>.

Neher, Clark D. *Southeast Asia in the New International Era*. Boulder, CO: Westview Press, 2013.

Snyder, Scott A. *South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers*. New York: Columbia University Press, 2018.

Sukma, Rizal. *Islam in Indonesian Foreign Policy: Domestic Weakness and the Dilemma of Dual Identity*. London: Routledge, 2003.

Walt, Stephen M. "Alliance Formation and the Balance of World Power." *International Security* 9, no. 4 (1985): 3–43.

Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.

Yates, Robert. *Understanding ASEAN's role in Asia-Pacific Order*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2020.

Сведения об авторах

Илья Владимирович Дьячков,

к.ист.н., доцент Кафедры востоковедения МГИМО МИД России, доцент ВАК

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

Алексей Дмитриевич Даниленко,

магистрант Центра современных индийских исследований,

Геттингенский университет им. Георга Августа

37073, Германия, Геттинген, Вильгельмплатц, 1

Полина Павловна Калугина,

помощник декана Факультета международных отношений,

эксперт Центра анализа и продвижения результатов научной

деятельности МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: kalugina_p_p@my.mgimo.ru

Никита Сергеевич Ку克林,

к.ист.н., эксперт Центра АСЕАН при МГИМО МИД России,

доцент Кафедры востоковедения МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: asean@immo.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 ноября 2024.

Переработана: 23 декабря 2024.

Принята к публикации: 24 декабря 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Публикация подготовлена в рамках гранта ИМИ «Национальные школы подготовки дипломатов» (№2025-04-05).

Цитирование

Дьячков, И.В., Даниленко, А.Д., Калугина, П.П., Ку克林, Н.С. Подготовка дипломатов и внешнеполитическая субъектность: опыт стран Азии // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (4). С. 40–65.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-40-65>

Diplomatic Training and Sovereign Foreign Policy: Experience from Asia

ABSTRACT

This article analyzes the relationship between diplomatic training and the international positioning of countries, using the example of the Asian macro-region. The paper is a case study focusing on the experiences of China, Vietnam, the Republic of Korea, Indonesia, and India. Through detailed country analyses, the paper aims to examine how the quality of diplomatic training correlates with states' aspirations for autonomy and sovereignty in the emerging polycentric world order. The methodological framework of the study incorporates a multi-paradigm approach, integrating a neorealist perspective of the state as the central actor in international relations and a constructivist analysis of the impact of social practices on diplomatic strategy. An examination of the diplomatic training systems of the countries reveals a complex relationship with their foreign policy and personnel policies. The study finds a non-causal correlation between the foreign policy positioning of countries and their diplomatic training models. A state's desire to increase its autonomy depends to a greater extent on its role and position in world politics in the space-time continuum. Thus, based on historical experience, among the cases studied, the desire for autonomy is stronger in those states where the colonial trauma is more acute. "Sovereignty" can take different forms depending on the resources available to a state. At the same time, quality diplomatic training ensures the possibility of implementing the sovereign line and provides the necessary human and ideological tools for this purpose.

KEYWORDS

diplomatic training, foreign policy independence, sovereignty, foreign policy strategy, Asia

Authors*Ilya V. Dyachkov,*

PhD (Hist.), Associate Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

Alexey D. Danylenko,

Master's Student, Center for Contemporary Indian Studies, Georg-August-Universität Göttingen
1, Wilhelmsplatz, Göttingen, Germany, 37073

Polina P. Kalugina,

Assistant Dean, School of International Relations, Expert, Center for Analysis and Promotion
of Research Results, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: kalugina_p_p@my.mgimo.ru

Nikita S. Kuklin,

PhD (Hist.), Associate Professor, Department of Oriental Studies; Expert, ASEAN Centre, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: asean@immo.mgimo.ru

Additional information

Received: November 1, 2024. Revised: December 23, 2024. Accepted: December 24, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Funding

The article was prepared within the framework of a grant "National Diplomatic Training Schools" provided by the Institute for International Studies, MGIMO University (no. 2025-04-05).

For citation

Dyachkov, Ilya V., Alexey D. Danylenko, Polina P. Kalugina, and Nikita S. Kuklin.

"Diplomatic Training and Sovereign Foreign Policy: Experience from Asia."

Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 40–65.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-40-65>

Дипломатическая подготовка как путь к суверенитету: анализ дипломатических школ незападных стран

Ирина Владимировна Киселева, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Иван Сергеевич Хлудов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Анастасия Игоревна Гладышева, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Артем Константинович Адрианов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Валерий Александрович Перунов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Сергей Александрович Давыдов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: a.gladysheva@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

В статье изучается взаимосвязь между степенью суверенности национальных школ подготовки дипломатических кадров в странах Глобального юга и проактивностью внешней политики этих государств в рамках региональных подсистем международных отношений. Актуальность исследования обусловлена усиливающимся влиянием незападных стран в мире и повышением их значимости во внешнеполитической стратегии России. В качестве объекта исследования были выбраны государства, стремящиеся проводить наиболее активную политику: на Ближнем Востоке и в Северной Африке – Египет, Иран, Саудовская Аравия и Турция, в Африке южнее Сахары – Нигерия, Эфиопия и ЮАР, в Латинской Америке – Бразилия, Куба и Мексика. Основу методологического инструментария составляет кроссрегиональный анализ, предусматривающий сравнение специфики подготовки дипломатов в отдельных странах и регионах мира, а также биографический метод, позволяющий отследить карьерные треки ведущих представителей внешнеполитических ведомств. Теоретическую основу исследования составляют отдельные постструктуралистские, постколониальные, неомарксистские и посткритические работы, посвященные суверенитету в периферийных и полупериферийных странах. Отдельно проанализированы подходы к определению значимости дипломатии как института и концептуализации взаимосвязи между дипломатическими практиками государств и их ролью в региональных подсистемах международных отношений. Результаты исследования частично подтвердили гипотезу о наличии взаимосвязи между уровнем суверенности (развитости) национальных школ подготовки дипломатов и степенью суверенности внешнеполитического курса этих стран. При этом суверенность и развитость дипломатической школы не всегда эквивалентны: последнее качество в большей степени способствует укреплению позиций страны в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дипломатия, дипломатические школы, Глобальный юг, суверенитет, региональная подсистема

Введение

С 1990-х гг. мировое развитие характеризуется процессами регионализации (интенсификация связей на региональном уровне) и глокализации (сочетание глобализации с нарастанием локальной дифференциации и укреплением региональных связей)¹. Распад биполярной системы международных отношений, снижение роли США в мировой политике и экономический подъем незападных государств определили возвышение региональных держав и, как следствие, расширение регионального взаимодействия и формирование региональных подсистем. Именно незападные страны демонстрируют наиболее решительное и обоснованное стремление к реструктурированию регионального пространства.

При этом одним из ключевых инструментов утверждения влияния в регионе по-прежнему остается дипломатия. Грамотная подготовка дипломатических кадров в соответствии с национальными интересами является залогом проведения когерентной политики, обеспечивающей укрепление позиций государства на региональном уровне. Необходимость осмысления внешнеполитических амбиций региональных держав², их потенциала и дипломатических практик обуславливает актуальность изучения подготовки дипломатических кадров в незападных государствах.

Цель нашего исследования – выявить особенности влияния национальной специфики подготовки дипломатических кадров на степень проактивности внешней политики государств незападного мира. Таким образом, гипотеза сформулирована следующим образом: сохранение внешнеполитической инициативы у этих стран на региональном уровне в том числе зависит от развитости школы дипломатической подготовки.

В рамках настоящей работы рассматриваются ближневосточная, латиноамериканская и африканская региональные подсистемы. Государства именно этих регионов на протяжении веков находились в колониальной или полуколониальной зависимости, а их институты, в том числе образование и дипломатия, развивались исключительно по образцу метрополий. В этой связи крайне важно рассмотреть, как бывшим колониальным государствам удастся адаптировать национальную систему подготовки дипломатических кадров к новым реалиям мировой политики, осуществляя их перестройку от цели служения условной метрополии к защите собственных интересов. При этом акцент в исследовании сделан на изучении дипломатических школ тех государств, которые наиболее успешно реализуют потенциал дипломатического ресурса и стремятся проводить наиболее проактивную внешнюю политику: на Ближнем Востоке и в Северной Африке – Египет, Иран, Саудовская Аравия и Турция, в Африке южнее Сахары – Нигерия, Эфиопия и ЮАР, в Латинской Америке – Бразилия, Куба и Мексика. Для исследования были выбраны «модельные» страны, либо представляющие собой примеры государств, ориентированных на реализацию особых паттернов развития, либо выступающие в роли явных субрегиональных лидеров. Среди ближневосточных государств выбраны три, явно

1 Schulzetal 2001.

2 Терминологическая разница между регионом, региональной подсистемой и пространством, а также критерии региональной державы подробно прописаны в следующей статье: Воскресенский 2012, 46–52.

стремящиеся к лидерству: Саудовская Аравия, Турция и Иран, при этом вне поля изучения остаются, например, меньшие по масштабу государства Персидского залива. В качестве «модельного» государства Северной Африки, ориентированного на проведение проактивной внешней политики, выбран Египет. Среди государств Африки южнее Сахары выбраны субрегиональные лидеры: в Западной Африке – Нигерия, в Южной Африке – ЮАР, в Восточной Африке – Эфиопия. Среди стран Латинской Америки в качестве предмета изучения были выбраны Бразилия (явный лидер в регионе Южной Америки), Мексика (крупная держава, претендующая на лидерство среди латинских стран в регионе Северной Америки и Карибского бассейна), а также Куба, представляющая собой пример государства, ориентированного на реализацию собственного паттерна внутривластного и внешнеполитического развития. В то же время восточноазиатская и южноазиатская региональные подсистемы остаются вне фокуса внимания авторов, поскольку в данных регионах присутствуют державы, претендующие на более значимый вес в международных отношениях, чем влияние на региональном уровне (например, Китай и Индия).

Собранные первичные данные охватывают преимущественно 2010–2020-е годы. Подобный разброс источниковой базы определяется прежде всего функционально-региональным подходом исследования, в соответствии с которым дипломатическая подготовка определяет внешнюю политику региональных держав. В качестве первичных источников были использованы учебные планы университетов, библиометрические данные вузов, составленные авторами информационные справки о высших дипломатических кадрах, новостные сводки, посвященные вопросам дипломатической подготовки и внешней политики.

Методологически исследование опирается на кроссрегиональный анализ, предусматривающий сравнение регионов по заранее выделенным критериям. В нашем случае речь идет о дипломатической подготовке и суверенности региональных игроков. Дополнительно применялся биографический метод, позволяющий отследить карьерный путь знаковых фигур во внешнеполитических ведомствах указанных стран.

Дальнейшая структура статьи состоит из критического обзора исследований о подготовке дипломатов, осмысления суверенитета сквозь призму постколониализма, трех региональных разделов, в которых сопоставляются позиционирование региональных держав и степень развития их дипломатической школы. Каждый эмпирический раздел предваряется общей характеристикой региональной подсистемы. Далее следует разбор внешней политики и дипломатической школы, позволяя тем самым проследить взаимосвязь между качественным производством дипломатических кадров и проактивной внешней политикой в регионе. В заключении приводятся общие выводы, а именно: доказываемая значимость настоящего исследования для постколониальных теорий, дипломатических исследований и зарубежного регионоведения в целом.

Дипломатическая подготовка: между институтом и бюрократией

В литературе, посвященной дипломатии как таковой, редко освещается непосредственно процесс дипломатического обучения. Зачастую фокус научных

работ смещен в сторону изучения дипломатии как особого института¹, инструмента внешней политики² или сообщества практик³. В этой связи главной задачей данного раздела является выделение дипломатической подготовки как отдельного объекта для изучения.

Первая попытка обобщить дипломатический опыт представлена в трудах деятелей эпохи Нового времени⁴. Впоследствии в XX в. работы Г. Никольсона⁵ и Э. Сатоу⁶ получили статус классических. Прескриптивный характер их рассуждений во многом роднит эти научные изыскания с учебными пособиями. Как итог, их праксиологические работы фактически описывали идеал дипломатической подготовки. В равной степени эти суждения применимы к отечественным наработкам по дипломатическому протоколу и этикету⁷.

Значимости дипломатии в укреплении внешнеполитического влияния в научном дискурсе посвящен широкий пласт исследований. Основоположник классического реализма Г. Моргентау рассматривал дипломатию как один из компонентов мощи⁸. При этом, в отличие от других факторов силы, которые фактически описываются им как «статичные», дипломатия рассматривается как «активный» компонент, выполняющий инструментальную функцию в процессе применения остальных элементов силы. Представитель английской школы А. Уотсон описывал дипломатию как инструмент взаимодействия различных субъектов в единой среде, отмечая необходимость учета внешней конъюнктуры при выстраивании национальной политики⁹. Впоследствии в рамках критической теории дипломатия рассматривалась как перформативная практика: дипломатия – это театр, а действующие субъекты – актеры, примеряющие различные маски¹⁰.

В академическом сообществе наблюдается широкая вариативность восприятия профессиональных качеств дипломата, следовательно, и понимания того, как должна осуществляться подготовка кадров. Норвежский исследователь И. Нойманн выделяет три главных элемента в формировании профессиональных качеств дипломата: 1) делать то, что от тебя ожидают в соответствии с установленными правилами; 2) уметь приспособливаться к любым условиям; 3) быть готовым выступать в роли посредника и представителя национальных интересов¹¹. Г. Киссинджер обращал внимание на важность изучения исторических и культурных аспектов развития стран и регионов в процессе подготовки дипломатов¹². Также в исследованиях подчеркивается важность формирования таких качеств и навыков у будущих дипломатов, как «устойчивость» (*resilience*)¹³,

1 Зонова 2007.

2 Представители реалистской традиции.

3 Adler-Nissen, Pouliot 2014.

4 Карьер 2000.

5 Никольсон 1941.

6 Сатоу 2018.

7 Протокол и этикет 2023.

8 Morgenthau 1948.

9 Watson 1982.

10 DerDerian 1987.

11 Neumann 2012.

12 Kissinger 1994.

13 Leki 2019.

аналитические способности¹, высокий уровень владения иностранными языками и умение применять навыки на практике².

Аспект деколонизации и привития дипломатических практик со стороны бывших метрополий стал изучаться сравнительно недавно. В частности, было установлено, что африканские страны, воспринявшие дипломатический код европейских стран, стали менять региональную систему в соответствии с собственными интересами вопреки идеям о либеральном мировом порядке³. В годы холодной войны подобная дипломатическая настройка рассматривалась в первую очередь как инструмент достижения геополитических целей в борьбе за влияние в странах третьего мира⁴. В 1960-е гг. Швейцария стала местом притяжения будущих дипломатов из развивающихся стран⁵. Примечательно, что указанные выше цели достигались во время неофициальной части дипломатических тренингов⁶. О своеобразной постколониальной зависимости свидетельствует и подготовка алжирских дипломатов, которая была прописана в Эвианских соглашениях, положивших конец кровопролитной войне в Алжире⁷. Хотя данная инициатива была свернута в 1963 г. по инициативе алжирских властей, она подчеркивает важность национальных дипломатических школ в обретении и укреплении суверенитета.

Таким образом, вопросы значимости дипломатии и грамотной подготовки дипломатических кадров нашли широкое отражение в научном дискурсе. Во многом это наблюдение связано с тем фактом, что знания играют ключевую роль в эпистемических сообществах, к которым можно отнести и дипломатический корпус. Все чаще можно встретить утверждения, что внешнеполитическая практика имеет историческую связь со знанием и в этой связи может быть воспроизведена посредством его продуцирования⁸. Тем не менее работы, в которых бы рассматривалось влияние уровня развития и суверенности национальных дипломатических школ на степень активности действий государств в региональных подсистемах и амбициозности их внешней политики, отсутствуют.

Дипломатическая подготовка и суверенитет

В основе изучения динамики развития национальных дипломатических школ лежат неомарксистские подходы к дифференциации государств и регионов мира. Институциональные системы стран, которые исторически следовали догоняющей модели развития (в трактовке Р. Пребиша и А.Г. Франка⁹ – находились в зависимости, а И. Валлерстайна – принадлежали к периферии мир-системы¹⁰), в течение десятилетий эволюционировали на основе «импорта» особенностей развития метрополий. Данной логике соответствует и специфика устройства

1 Trigona 2002.

2 Kappeler 2002.

3 McConnell et al. 2024.

4 Bugnon 2019.

5 Bugnon 2018.

6 Harris 2024.

7 Harris 2023.

8 Cornago 2016.

9 Frank 1978.

10 Wallerstein 1987.

институтов системы образования, а также организации дипломатической службы: в бывших колониальных государствах порядок получения научных степеней, образовательные материалы и программы заимствовались у метрополий. По мере развития, освобождения от зависимости и продвижения в сторону периферии мир-системы происходит изменение потенциала и амбиций бывших колоний, формируются новые национальные интересы. Вследствие этого трансформируется институциональная среда, в том числе проявляются изменения в национальной модели подготовки дипломатических кадров, соответствующие тренду на укрепление независимости и суверенитета государств. Именно представители неомарксизма реконструируют динамику институционального развития стран незападного мира.

Особую оптику настоящего исследования формируют постколониальные теории, дающие представление об особенностях воздействия колониального периода на развитие государств. В политической науке многие незападные страны имплицитно теряют субъектность, а процессы и явления в них остаются в тени. В этой связи подготовка дипломатов как с точки зрения образовательного компонента, так и бюрократической составляющей в странах третьего мира по-прежнему является малоизученной темой. Отчасти пролить свет на подобное положение дел позволяет постколониальная критика, выступающая не столько парадигмой, сколько набором принципов и норм, деконструирующих доминирующие нарративы и дискурс. Вместе с тем недостаточно под критическим углом рассматривать один лишь дискурс – необходимо также изучать функциональное наполнение.

Постколониализм в данном случае выступает естественной реакцией на продолжающееся доминирование бывших метрополий в мировой политике, трансформировавшееся в неоколониальные практики¹. Начало постколониальным исследованиям положил фундаментальный труд Э. Саида², параллельно с этим приобрели значение наработки латиноамериканских мыслителей, ощущавших на себе «печать» третьего мира, несмотря на провозглашение независимости большей части государств региона в начале XIX века. Именно они обратили внимание на политико-эпистемологический аспект и социоэкономическое измерение постколониальности. Эпистемологический западоцентризм аналогичным образом остается главным объектом критики постколониального направления³.

Взаимосвязь географии и постколониального обосновывается в трудах Дж.Д. Сидуэя⁴, что стыкуется с предметным полем критической геополитики. Ш. МакЭван⁵ рассматривает роль постколониализма в вопросах развития стран. В целом во всех этих работах присутствует деконструкция колониальной модерности, которая увязывается с положением бывших метрополий в мир-системе. Идентичность, как итог, выступает ключевым аспектом в этих работах, в результате чего в отдельное направление оформилось изучение субалтернов –

1 Фитуни, Абрамова 2020.

2 Said 1978.

3 Эльмурадов 2021.

4 Sidaway 2000.

5 McEwan 2018.

невидимых угнетенных социальных групп. Ф. Фанон¹ разрабатывал проблематику «Другого» с позиций антиколониализма.

Характерной чертой всех этих работ является пересечение упомянутых проблематик между собой – модерности, эпистемологии, вопросов развития, идентичности. В то же время непосредственно проблема формирования и функционирования национальной школы подготовки дипломатов в этих странах выпадает из исследовательского поля постколониальности, хотя она как раз показывает степень эмансипированности субъектов в мировой политике.

Особую значимость в контексте рассматриваемой темы и изучения динамики развития стран незападного мира представляют различные подходы как общефилософского, так и политико-правового характера к концептуализации понятия «суверенитет». В научном дискурсе присутствует большое количество работ, в которых трактовки данного термина значительно варьируются. В первую очередь важно отметить, что понятие суверенитет дуалистично по своей природе². Под ним подразумевается верховенство власти как на внутривостановом уровне, так и в решении вопросов экстерналистского характера. В классической «Вестфальской» трактовке под внутренним суверенитетом подразумевается исключительное право эксклюзивных институтов на реализацию власти в рамках определенных границ³, под внешним – независимая по характеру власть, призванная защищать население и территорию от вмешательства извне и представлять их интересы⁴. В конструктивистском понимании понятие суверенитета не статично и развивается под воздействием социальных практик, а в основе генезиса суверенитета лежат факторы взаимодействия, вырабатываемые путем формирования социальных конструктов. В данном случае понятие суверенитета тесно связано с особыми формами взаимоотношений – внутренней иерархией и международной анархией⁵.

Постструктуралистское понимание суверенитета нашло широкое отражение в постколониальных исследованиях. Представители данного научного направления задали критический модус данному понятию, утвердив идею о том, что суверенитет основан на цивилизационных элементах, которые закрепляют определенную «модель» государственности⁶, формирующую иерархичную среду и неравенство⁷. Согласно подобным трактовкам, страны Запада фактически получили «естественную» монополию на формирование суверенных стандартов поведения и взаимодействия, а затем право на повсеместное утверждение этих норм, которым обязаны соответствовать остальные⁸. Отдельные авторы наделяли понятие «суверенитет» дихотомичным смыслом, подразумевая разделение мирового пространства (в европейской картине мира) на две части: суверенные независимые европейские государства и «те части земного шара,

1 Fanon 1967.

2 Lake 2003.

3 Hobbes 1996.

4 Krasner 1999.

5 Wendt 1999.

6 Doty 1996; Anghie 1995.

7 Pourmokhtari 2013.

8 Grovogui 2002.

которые доступны для колониального присвоения»¹. Э. Саид, характеризуя суверенитет, пишет, что данное явление неразрывно связано с империализмом – практикой управления и трансляции определенных норм от центра к отдаленным территориям².

В рамках посткритических исследований акцент делается на необходимости изучения суверенитета не только с точки зрения бинарной оппозиции по линии «свой – чужой», но и принимая во внимание специфику развития незападных обществ³, а также отдельных институциональных элементов, оказывающих воздействие на формирование национальной идентичности в международной среде в постколониальный период. Данные явления тесно связаны с понятием суверенизации, находящим отражение в различных аспектах строительства государственности. Одной из ключевых сфер, где идет процесс укрепления суверенитета бывших колониальных держав, остается образование⁴. Национальные образовательные системы способствуют процессу суверенизации за счет укрепления групповой идентичности и формирования чувства принадлежности к социуму, создания условий для сохранения и передачи знаний о развитии общества. В контексте профильной подготовки дипломатических кадров образовательный суверенитет представляет особую значимость, поскольку формирование национальной образовательной модели создает потенциал для реализации последовательной внешней политики с учетом государственных интересов, а также потенциала страны и ее амбиций на международной арене.

Тем самым постструктуралистские, неомарксистские и посткритические теории подчеркивают важность анализа исторического пути развития государственности различных стран, в том числе испытывавших различное влияние «центра», их опыта достижения суверенитета и автономности. Особенно актуальным этот анализ исторического опыта построения государственных институтов становится в свете изучения национальных дипломатических школ. Формирование национальных традиций и институтов дипломатии не находится в вакууме – оно отражает историческую траекторию развития, построение собственной государственной модели или же напротив – восприятие и адаптацию иностранных моделей, насаждаемых на протяжении колониального периода. В связи с этим для раскрытия темы исследования целесообразно рассмотреть особенности институционального развития дипломатических школ групп стран, характеризующихся различной степенью исторической зависимости от «центра», или колониальных держав: государств Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. Принципиально важно проанализировать развитие и состояние этих школ именно в контексте дипломатического суверенитета.

1 Mbembe 2019.

2 Said 1978.

3 Mathieu 2021.

4 McCarty, Lee 2014.

Региональная среда формирования дипломатических школ

Африка южнее Сахары: выход из исторической колеи колониализма

Получение независимости во второй половине XX в. и попытка преодоления политической и экономической изоляции поставили бывшие африканские колонии перед выбором модели своего дальнейшего развития. Часть стран пошла по проторенному пути, выбрав в качестве ориентира идеи, культивированные западными метрополиями, и примкнув к ним. Другие же стремились найти собственное исключительное место в сложившемся миропорядке и позиционировали себя как значимых игроков на континенте и за его пределами.

Возникновение ряда конфликтов в суверенных государствах Африки стало лишь одним из симптомов политических и экономических проблем, трайбализма, слабости созданного аппарата управления, нерешенных территориальных споров. Метрополии по-прежнему использовали рычаги давления для поддержания авторитета в своих колониях, а в обстановке холодной войны обе противостоящие стороны стремились экстраполировать свое влияние на молодые государства, в том числе через собственные социальные практики.

Сохраняющаяся конфликтогенность региона, борьба с терроризмом после войны в Ираке (2003–2011) и весомые запасы природных ресурсов, с одной стороны, оживляли интерес глобальных игроков к континенту, утратившему свое стратегическое значение после биполярной эпохи, с другой – осложняли процесс трансформации африканских стран и международных межправительственных организаций из объекта в субъект мировой политики.

Африканские государства прилагали усилия для преодоления оторванности континента от протекающих в мире процессов и урегулирования большого количества открытых конфликтов. Вместе с тем созданные региональные институты оказались не способны решать африканские проблемы, поэтому их обсуждение проходило преимущественно на уровне ООН или иных неафриканских межгосударственных объединений¹. Во второй половине XX в. расширение международных механизмов и площадок, а также становление независимой государственности среди бывших колоний ознаменовали собой важное событие в области дипломатической подготовки. Впервые потребовалась профессиональная подготовка большого числа дипломатических кадров по всему миру.

Отсутствие опыта и возможностей для формирования собственной внешнеполитической линии и обучения соответствующих кадров дополнялось стремлением Великобритании и Франции сохранить свои сферы влияния в бывших колониях посредством «культурной помощи», в том числе в сфере образования. Несмотря на значительное западное влияние в вопросе подготовки дипломатических кадров, государства континента стремятся сформулировать и укрепить свои позиции на региональном и мировом уровнях. Наиболее обстоятельно эта

1 Африка: неоплаченный долг колонизаторов 2023.

тенденция нашла отражение во внешней политике трех государств – Нигерии, Южно-Африканской Республики и Эфиопии.

Нигерия не только позиционирует себя как лидер субрегиона, но и претендует на роль ведущей страны на континенте. Она придерживается нейтрального внешнеполитического курса¹, несмотря на попытки внешних игроков изменить его. Абуджа является главным донором Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС): на ее долю приходится около трети бюджета организации². В определении своей позиции по ключевым вопросам международной повестки Нигерия руководствуется линией Африканского союза. Дополнительный политический вес ей придает членство в ОПЕК: страна является крупнейшим производителем нефти в Африке южнее Сахары. Ориентирами национальной стратегии становятся развитие суверенной экономики и перерабатывающих отраслей промышленности. При этом география внешнеполитических связей постепенно смещается от Атлантики в сторону Востока: Абуджа расширяет связи с Китаем, странами Персидского залива и Индией. В этом контексте дипломатическая подготовка направлена на отбор кадров не только для непосредственного резерва МИД, но и для международных организаций, включая ЭКОВАС, АКТ, Африканский союз, Содружество наций³. В то же время рынок специалистов-международников в стране направлен скорее на обслуживание крупных корпораций, нежели на работу в структуре МИД.

В кадровом отношении для Нигерии свойственно снижение числа карьерных дипломатов и рост политических назначенцев. В 1970-х гг. во время правления М.Р. Мурталы (1975–1976) и О. Обасанджо (1976–1979) последние не были представлены в правительстве⁴. Между тем в период правления Ш. Шагари (1979–1983) ситуация изменилась⁵. Должности во внешнеполитическом ведомстве стали получать политики, проигравшие в избирательном процессе, что позволило ненадолго стабилизировать внутривластную ситуацию, но вызвало обструкцию со стороны кадровых дипломатов. В частности, отставной посол и бывший президент Ассоциации отставных кадровых послов О.О. Фафовора отмечал, что текущая кадровая политика, при которой число назначенцев без опыта работы в дипломатических структурах превышает число кадровых дипломатов, ослабляет дипломатическую службу и наносит репутационный ущерб Нигерии⁶. Актуальный процент распределения высших должностей в нигерийском МИДе составляет 60/40, где первое число – политические назначенцы, а второе – кадровые дипломаты⁷.

В институциональном ракурсе для Нигерии характерно отсутствие специализированной школы для подготовки дипломатических кадров и использование принципа кооптации, что остро ставит проблему низкого качества кадров⁸. Ком-

1 Kia et al. 2016.

2 E.R. Aikins, "ECOWAS: Geographic Future," ISS African Futures, June 3, 2024, accessed December 1, 2024, <https://futures.issafrica.org/geographic/guide.pdf?geography=ECOWAS&topic=05-conclusion>.

3 "Vacancies," Ministry of Foreign Affairs, Nigeria, accessed December 12, 2024, <http://foreignaffairs.gov.ng/media-type/vacancy/>.

4 Obasanjo 2015.

5 Shagari 2001.

6 Fafowora 2013.

7 Azeez, Oshewolo 2021.

8 В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира 2024.

плексных работ по созданию национальной дипломатической школы в стране не проводится, однако широкое распространение получает практика переподготовки и дополнительной подготовки нигерийских дипломатов на базе партнерских институтов в странах Европы и Азии, в том числе в Индии на базе Института дипломатической службы¹, в Нидерландах на базе Дипломатической академии Клингендаля² и в Италии на базе Итальянского сообщества международных организаций, действующего на основании закона № 80 от 6 февраля 1992 г. об участии Италии в мирных и гуманитарных инициативах на международном уровне³. Показательна биография высшего дипломатического состава страны: министр иностранных дел Дж. Оньеама (2015–2023) получил степень бакалавра в Колумбийском университете⁴, а его преемник Ю.М. Туггар обучался в Великобритании. Таким образом, подготовка дипломатических кадров в своем содержательном аспекте остается импортированной⁵.

С падением режима апартеида ЮАР стремилась выйти из дипломатической изоляции, проявляя себя как инициатор формирования союзов на континенте для продвижения общерегиональной повестки. Страна характеризуется относительной экономической стабильностью и по-прежнему остается самой развитой производительной экономикой на континенте⁶. На положение Южно-Африканской Республики влияют как нестабильная политическая и социально-экономическая ситуация в соседних государствах (Зимбабве, Мозамбик), так и увеличение роли других африканских стран (Кения, Марокко, Руанда).

Поставленная перед дипломатией ЮАР задача по защите национальных интересов и расширению африканского представительства также реализуется участием страны в форматах G20 и БРИКС. Особенно примечательно с этой точки зрения расширение последнего, поддержанное Южно-Африканской Республикой. Включение в контур объединения Египта и Эфиопии лишает Преторию статуса единственного представителя континента, но позволяет выстроить партнерские отношения с новыми государствами-членами в борьбе за удержание статуса регионального лидера.

Тем не менее подготовка дипломатических кадров в ЮАР во многом отягощена теми же проблемами, что и в Нигерии. К ним относятся: отсутствие профильной высокоуровневой подготовки; распространенная практика ангажированных политических назначений и охарактеризованная дипломатом Г. Оливье «зона комфорта, полная устаревших ритуалов». Под последней имеются в виду практики, сохранившиеся со времен апартеида, и нежелание руководства страны

1 Abdullateef Salau, "A Nigerian Diplomats Undergo Training in India," Daily Trust, July 31, 2018, accessed December 12, 2024, <https://dailytrust.com/nigerian-diplomats-undergo-training-in-india-263400/>.

2 Wietse Slob, Jules Bracke, "Nigerian Diplomats Trained on Economic Diplomacy," Clingendael, October 10, 2024, accessed December 12, 2024, <https://www.clingendael.org/news/nigerian-diplomats-trained-economic-diplomacy>.

3 "Master Course for Nigerian Diplomats," The Newsletter, accessed December 12, 2024, https://www.sioi.org/progetti_int/master-per-diplomatici-nigeriani/?lang=en.

4 "Curriculum Vitae Of Mr. Geoffrey Onyeama," WIPO, accessed December 12, 2024, https://www.wipo.int/edocs/mdocs/govbody/en/wo_cc_54/wo_cc_54_2_corr-annex5.pdf.

5 "Curriculum Vitae Of Mr. Yusuf Maitama Tuggar," Nigerian Embassy in Germany, accessed December 12, 2024, https://nigeriaembassygermany.org/mosaic/_M_userfiles/News/2011/CURRICULUM-%20H.E.%20AMBASSADOR%20YUSUF%20MAITAMA%20TUGGAR.pdf.

6 "The World Bank in South Africa," World Bank, December 3, 2024, accessed December 12, 2024, <https://www.worldbank.org/en/country/southafrica/overview>.

их менять¹. Процесс подготовки дипломатов отягощен отсутствием в ЮАР национальной специализированной школы. Большая часть внешнеполитической элиты долгое время получала образование за ее пределами. Так, Н. Пандор, занимавшая должность министра международных отношений и сотрудничества в 2019–2024 гг., получила степень магистра в Лондонском университете², а Н. Дламини-Зума, руководившая министерством в 1999–2009 гг., окончила Бристольский университет³.

В то же время ЮАР проявляет повышенный интерес к формированию национальной школы подготовки дипломатических кадров, что находит отражение в попытках концептуализировать стратегию создания подобной школы. В 2019 г. по запросу южноафриканского МИД группа профессоров подготовила подробный документ с проектом создания новой южноафриканской дипломатической академии⁴. В Претории также действует Южноафриканская школа дипломатии, протокола и государственного управления. Она специализируется на стратегических и устойчивых коммуникациях, обучении переговорному процессу и управлению конфликтами⁵. Таким образом, в стране предпринимаются попытки конструирования собственной школы дипломатической подготовки, однако данный процесс находится лишь на начальном этапе – образование внешнеполитического истеблишмента страны по-прежнему остается зарубежным.

Традиционно **Эфиопия** считается дипломатически активной страной. Отсутствие колониального прошлого и статус наследницы одной из древнейших цивилизаций мира способствовали сосредоточению вокруг нее стран, получивших в 1950–1960-е гг. независимость. Проявлением подобной «центральной» для Африканского континента роли страны стало создание в ее столице Организации африканского единства, ныне известной как Африканский союз. Благодаря своему историческому и дипломатическому значению город Аддис-Абеба считается политической столицей Африки. В ней расположены штаб-квартиры Африканского союза и Экономической комиссии для Африки ООН.

Эта крупнейшая по численности населения в Восточной Африке страна претендует на роль континентального лидера. Ключевым торговым партнером Эфиопии является ЮАР, но на развитие экономики заметное влияние оказывает Пекин. Именно Аддис-Абеба стала воротами Китая в Африку и играет основную роль для китайского экономического пояса Шелкового пути. В эту страну китайские компании вкладывают большие средства в развитие инфраструктуры, в том числе выстраивая транспортные коридоры и индустриальные парки.

В то же время Эфиопия имеет территориальные споры с Эритреей, Сомали и Суданом. Существуют также расхождения позиций с Египтом ввиду строительства

1 Landsberg, Georghiou 2015, 480.

2 "Curriculum Vitae of Dr Grace Naledi Mandisa Pandor," Department of International Relations and Cooperation, accessed December 16, 2024, <https://dirco.gov.za/dr-grace-naledi-mandisa-pandor/>.

3 "Former Minister Nkosazana Dlamini Zuma," The Presidency Republic of South Africa, accessed December 16, 2024, <https://www.thepresidency.gov.za/former-minister-nkosazana-dlamini-zuma>.

4 Richard Calland, "A New South African Diplomatic Academy," Ministerial Task Team Draft Final Report, August 31, 2019, accessed December 16, 2024, https://www.unisa.ac.za/static/corporate_web/Content/News%20&%20Media/Articles/Documents/A%20NEW%20SOUTH%20AFRICAN%20DIPLOMATIC%20ACADEMY%20-%20MINISTERIAL%20TASK%20TEAM%20DRAFT%20FINAL%20REPORT%2031%20AUGUST%202019%20.pdf.

5 "About South Africa School of Diplomacy, Protocol and Public Administration," accessed December 16, 2024, <https://sasppa.com/about/>.

плотины на реке Нил. Данные проблемные точки содержат в себе риски для поступательного развития страны, но одновременно представляют собой стимулы для усиления внешнеполитического вектора, решения преимущественно региональных проблем и укрепления своего влияния на Африканском Роге¹.

По сравнению с Нигерией и ЮАР, обладающими колониальным прошлым, Эфиопия имеет наиболее развитую и эффективную школу подготовки сотрудников, а также разветвленную дипломатическую систему. Осуществляя свою деятельность через 52 дипломатические миссии (42 посольства и 10 консульств) и насчитывая 820 сотрудников и дипломатов, Министерство иностранных дел страны располагает весомым – по африканским меркам – бюджетом. В 2013–2014 финансовом году он составил 62,8 млн долларов США, и с этого времени фиксировался его ежегодный средний прирост около 10%. Закономерным образом 33% всех дипломатических миссий находятся в Африке (15 посольств и два консульства), из которых шесть посольств и два консульства (47% всех миссий в Африке)² расположены в государствах – членах Межправительственной организации по развитию (ИГАД)³. У Эфиопии есть посольства и консульства во всех соседних странах, за исключением Эритреи.

С начала 1960-х гг. Эфиопия оказывала значительную политическую поддержку различным антиколониальным движениям в Африке. Речь идет о предоставлении военной подготовки, оказании материальной помощи, а также дипломатической поддержки повстанческим движениям из Южной Африки, Зимбабве и Намибии, причем такая политика продолжалась и при режиме Х.М. Менгисту (1984–1991). В 1960 г. Эфиопия вместе с Либерией подала иск против правительства апартеида Южной Африки в Международный суд, обвинив его в продолжающейся оккупации Намибии (тогда Юго-Западной Африки). Подобные примеры свидетельствуют о наличии у страны достаточных дипломатических ресурсов, которые невозможно было бы грамотно использовать без того социального капитала, который страна вкладывала в формирование управленцев и дипломатов. В этой связи эфиопское внешнеполитическое ведомство способно расширять свой суверенитет и производные от него интересы на континенте.

После окончания кровопролитного приграничного конфликта с Эритреей (1998–2000) внешняя политика Эфиопии стабилизировалась. Война в Тыграе (2020–2022) носила внутренний характер и не была интернационализирована. Потенциальное вооруженное противостояние между Аддис-Абебой и Могадишо в начале 2024 г. в связи с заключением Эфиопией и Сомалилендом меморандума о взаимопонимании, что фактически означало признание последнего как государства, было урегулировано при посредничестве Турции в декабре 2024 года. Хотя снижение напряженности в двусторонних отношениях стало заслугой во многом турецкой стороны и инициированного Р. Эрдоганом Анкарского процесса, без политической воли Эфиопии его вряд ли можно было бы реализовать.

1 Zenebe 2023.

2 Mehari T. Maru, "A Regional Power in the Making: Ethiopian Diplomacy in the Horn of Africa," SAIIA, June 22, 2017, accessed December 16, 2024, <https://saiia.org.za/research/a-regional-power-in-the-making-ethiopian-diplomacy-in-the-horn-of-africa/>.

3 Джибути, Кения, Сомали, Судан, Уганда, Эритрея (приостановила членство в 2007) и Эфиопия.

Хотя официальный язык страны – амхарский, коммуникация с дипломатическим корпусом осуществляется преимущественно на английском. Подобная практика обусловлена прагматическим соображением. Во-первых, внутри Африканского союза делопроизводство осуществляется, как правило, либо на английском, либо на французском языках. Во-вторых, в столице расположен офис Экономической комиссии ООН для Африки (ЭКА), в которой работает много иностранцев. К амхарскому прибегают чаще всего непрофильные структуры, занимающиеся, например, благотворительностью. МИД страны использует английский как в устном, так и в письменном общении.

В Эфиопии нет профильного образовательного учреждения, которое можно было бы назвать «кузницей дипломатов». Направление подготовки «Международные отношения» наиболее развито в Аддис-Абебском университете и Эфиопском институте гражданской службы. Подавляющее большинство эфиопских дипломатов, занимающих высокие позиции или претендующих на них, заканчивали Аддис-Абебский университет, а следующие ступени проходили за рубежом, причем необязательно по специальности «Международные отношения». Подтверждением этой тенденции служат биографии трех последних министров иностранных дел. Д. Меконнен – карьерный дипломат – продолжил свое обучение в Великобритании, Т. Ацке-Селассие (февраль–октябрь 2024) – много лет работал в ООН – аналогичным образом окончил впоследствии британский университет, а Г. Тимотевос – бывший министр юстиции (2021–2024), никогда не занимавшийся дипломатией, – учился в Будапеште. Для поддержания суверенитета страны в первую очередь задействована практика получения первой ступени высшего образования именно в эфиопском вузе.

Качество образования в этих учебных заведениях в целом позволяет поддерживать работу внешнеполитического ведомства на достойном уровне. В то же время в рутинном плане дипломатическая практика осложняется порой чрезмерным затягиванием, если не установлен личный контакт с начальником подразделения. Если выпускник решил заниматься наукой, существует возможность пройти профессиональную переподготовку или повышение квалификации в двух крупных центрах, которые занимаются международными отношениями. В Институте международных исследований¹ акцент делается на актуальные вопросы мировой политики. Эфиопский институт стратегических исследований², в свою очередь, имеет более широкий профиль: там изучаются внутривнутриполитическая проблематика, экономическое развитие страны, а также региональные проблемы (статус Сомалиленда, Плотина Возрождения, получение доступа к морю).

Таким образом, Нигерия, ЮАР и Эфиопия предпринимают попытки овладеть инициативой в своем субрегионе, а также заявить о своих национальных интересах на международных площадках и развивать по мере возможностей связи с внешними игроками. Вместе с тем на практике наследие колониализма продолжает сказываться на практиках построения суверенитета, что особенно заметно на примере дипломатической подготовки и эпистемологической зависимости от

1 "Institute of Foreign Affairs," accessed December 17, 2024, <https://www.ifa.gov.et/>.

2 "Ethiopian Institute for Strategic Studies," accessed December 9, 2024, <https://ethiopianinstitute.org/>.

западных стран. Эфиопия же, несмотря на свою самобытность, в силу ограниченности внешнеполитических ресурсов не в состоянии в полной мере реализовать потенциал от представленной дипломатической школы.

*Ближний Восток:
конгломерат государственных моделей*

Ближний Восток характеризуется сразу несколькими факторами, определяющими его совершенно особое место в системе международных отношений: географическое положение на пересечении торговых путей; наличие значительных нефтегазовых и других природных ресурсов; религиозное и этническое многообразие; внутренняя нестабильность в ряде стран региона; значительная роль внерегиональных игроков.

Исторически именно через Ближний Восток проходили караваны и корабли, направлявшиеся из Азии в Европу (а затем и наоборот), что обусловило особый характер региона как плавильного котла цивилизаций, религий и этносов. В то же время географическое положение стало причиной колониального интереса к региону со стороны внерегиональных игроков. Контроль за данными торговыми путями стал главной целью европейских держав, а в период холодной войны во многом обусловил рост влияния сверхдержав на ситуацию в регионе.

Значительные запасы полезных ископаемых еще более увеличивают его геополитическую важность. Здесь сконцентрировано около 50% доказанных запасов нефти и около 40% газа; в регионе добываются около 33% нефти и 20% газа. Вследствие этого политическая нестабильность на Ближнем Востоке зачастую приводит к росту волатильности на нефтяном рынке и глобальным экономическим потрясениям.

Отдельно стоит выделить его религиозное и этническое многообразие. Будучи колыбелью трех авраамических религий, Ближний Восток стал местом их наиболее ожесточенного столкновения. Несмотря на постепенную секуляризацию в 1950–1970-е гг., в ряде ближневосточных обществ роль религии стала заметно возрастать; во внутренней политике поддержка религиозных догматов превратилась в один из маркеров политической идентичности (Ливан, Ирак, Турция, Египет, Израиль и другие страны). Приверженность определенной конфессии и направлению в рамках конкретной конфессии также стала проецироваться на внешнюю политику и использоваться странами для достижения внешнеполитических целей.

Динамика противостояния, таким образом, составляет региональную среду формирования внешней политики выбранных для анализа стран – Саудовской Аравии, Ирана, Турции, Египта – и предопределяет выбираемые ими стратегии адаптации, примыкания к США или поиска собственной независимой роли. Этот выбор, вкупе с особенностями колониального влияния на государственные институты, влияет и на функционирование национальных дипломатических школ в регионе.

Перечисленные выше особенности региона ярко проявились во внешней политике **Королевства Саудовская Аравия (КСА)**. Исторически она имела четкий религиозный оттенок и порой преследовала не национальные цели, а задачи, способствовавшие в представлении КСА распространению ислама в целом.

Это находит отражение в подходе к преподаванию исторических и политических дисциплин в национальных вузах. В рамках географического подхода к делению мира страны кластеризируются на арабский мир и весь остальной¹. В отношении своих дипломатических кадров страна лишь недавно стала на путь их локализации: в 1979 г. было создано централизованное подразделение, занимающееся подготовкой и повышением квалификации саудовских дипломатов – Институт дипломатических исследований имени принца Сауда аль-Фейсала.

Подготовку в нем проходят не только саудовские дипломаты и государственные служащие, но также и дипломаты из соседних арабских стран Персидского залива². В числе преподаваемых курсов – политология, международное право, международная экономика и иностранные языки. Деятельность Института долгое время была ориентирована на старшие поколения саудовских дипломатов, большинство из которых получали образование за рубежом: в престижных американских или британских вузах. Вместе с тем в КСА введены новые требования: саудовские дипломаты обязаны получать образование внутри страны, в национальных вузах, а также быть подданными Саудовской Аравии. В совокупности все эти меры свидетельствует о попытках Королевства отказаться от практики импортированного образования и сформировать собственную, национальную школу подготовки дипломатических кадров.

Подобные характеристики также применимы к **Ирану**. В 1980-е гг. после победы Исламской революции его внешняя политика носила крайне религиозный характер, а на начало 2020-х гг. во многом построена на антагонизме Израилю и поддержке влияния в «шиитском полумесяце». Попытки международной изоляции Тегерана, предпринимаемые внешними игроками на протяжении нескольких десятилетий, подтолкнули руководство страны к поиску внутренних ресурсов для реализации своих внешнеполитических задач, в том числе к конструированию собственной национальной школы дипломатических кадров.

Следует отметить, что, в отличие от Саудовской Аравии, Иран имеет долгую традицию подготовки дипломатических служащих. В 1900 г., во время правления династии Каджаров (1795–1925), была основана Политическая школа в Тегеране. В 1933 г. на базе Тегеранского университета был открыт Факультет права и политологии, а в 1983 г., после Исламской революции, возник Институт политических и международных исследований при Министерстве иностранных дел³. После ряда реорганизаций из этого научно-исследовательского подразделения был выделен Факультет международных отношений, который в настоящий момент и является альма-матер для большинства дипломатических кадров страны. На Факультете реализуются программы бакалавриата и магистратуры⁴. Примечательным является наличие среди них отдельной программы по регионоведению⁵, а также программы переквалификации для уже действующих сотрудников МИД.

1 В поиске национальных интересов 2024, 21.

2 "Prince Saud Al Faisal Institute for Diplomatic Studies," accessed December 9, 2024, <https://www.ids.gov.sa/>.

3 "History," Institute of Political and International Studies, accessed December 9, 2024, <https://www.ipis.ir/en/viewpage/13100/history>.

4 Изучены прежде всего учебные планы по направлению подготовки «Дипломатия» и «Международные отношения».

5 "عنا قطنم شاعلاطم هشتر هباب سرود نعاونغ و لصرغ رس" (Regional Studies Curricula), School of International Relations of MFA, accessed December 10, 2024, <https://www.sir.ac.ir/portal/GeneralCategoryServices/12073>; <https://www.sir.ac.ir/portal/GeneralCategoryServices/12074>; <https://www.sir.ac.ir/portal/GeneralCategoryServices/12075>.

Преподают пять иностранных языков: арабский, английский, французский, испанский и русский, а также курсы по экономике, праву, международным отношениям и политологии. Ограничений для поступления на бакалаврские программы Факультета нет, однако к кандидатам для отбора в МИД предъявляются строгие требования, включающие не только гражданство ИРИ, но и принадлежность к одной из конфессий, признаваемых Конституцией государства¹.

Иран и Саудовскую Аравию ранее объединяла спорадическая идеологизированность политики, при этом последняя из двух стран движется в сторону прагматики в своей внешней политике. Обе страны разделяют необходимость возвращения собственных национальных кадров для работы в сфере внешней политики и дипломатии и проводят курс, ориентированный либо на полный отказ от импортного образования (Тегеран), либо постепенный отход от него (Эр-Рияд). Руководство обеих стран в равной степени осознает ресурс влияния школы подготовки дипломатических кадров и поощряет обучение студентов из других стран с перспективой формирования дружественной региональной элиты. Обе страны в настоящий момент переходят на более прагматические и реалистские позиции, что является необходимым условием для выстраивания отношений как с очень разными по этно-религиозному и идеологическому характеру странами региона и соседями, так и с внерегиональными державами, заинтересованными в сотрудничестве.

Наравне с Ираном географический фактор играет большую роль и во внешней политике **Египта**. Суэцкий канал в этой связи является важнейшим геостратегическим и экономическим активом. Стремление сохранить стабильный поток судов через канал обуславливает нейтральную позицию Каира по многим региональным конфликтам. Не имея значимого количества природных ресурсов, Египет стремится развивать торгово-экономическое сотрудничество со множеством стран мира, в том числе активно выстраивает отношения с Россией, Китаем и США. В 1950–1960-е гг. в своей внешней политике Египет придерживался просоветских позиций, а затем резко изменил их на проамериканские.

Подобный гибкий подход находит отражение в условиях приема на дипломатическую службу. МИД Египта, в отличие от упомянутых выше Саудовской Аравии и Ирана, принимает на работу выпускников иностранных университетов². При отборе на дипслужбу кандидаты сдают экзамен на знание двух иностранных языков, одним из которых в обязательном порядке должен быть либо английский, либо французский. Основным учебным заведением, обеспечивающим приток кадров в министерство, является Институт дипломатических исследований, основанный в 1966 г. и являющийся частью Министерства иностранных дел. Институт осуществляет как подготовку новых кадров, так и переквалификацию уже действующих сотрудников египетского дипломатического корпуса³. В Институте ведется

1 "دیجی مادیستس" (دیجی مادیستس) "دیجی مادیستس" (The Ministry of Foreign Affairs is Recruiting Staff)," e-estekhdam, accessed December 10, 2024, <https://www.e-estekhdam.com/%d8%a7%d8%b3%d8%aa%d8%ae%d8%af%d8%a7%d9%85-%d9%88%d8%b2%d8%a7%d8%b1%d8%aa-%d8%a7%d9%85%d9%88%d8%b1-%d8%ae%d8%a7%d8%b1%d8%ac%d9%87>.

2 "دیجی مادیستس" (دیجی مادیستس) "دیجی مادیستس" (Work at the Ministry of Foreign Affairs)," accessed December 9, 2024, <https://www.mfa.gov.eg/ar/AboutMinistry/JoiningDiplomaticCorps>.

3 Soliman 2012.

прием абитуриентов из дружественных Египту стран¹, а также реализуются образовательные программы и курсы для сотрудников зарубежных министерств, например из франкофонной Африки². Институт активно развивает партнерство с другими дипломатическими школами, гуманитарными вузами смежного профиля и международными организациями, например реализует совместную программу с Американским университетом в Каире³, проводит совместные тренинги и сессии со Всемирной организацией интеллектуальной собственности⁴ и Конференцией ООН по торговле и развитию⁵. Деятельность вуза во многом отражает многовекторность внешней политики Египта, отказавшегося с конца 1980-х гг. от притязаний на статус регионального лидера в пользу активной интеграции в международные структуры и сотрудничества с Вашингтоном⁶.

Географическое положение **Турции** также является определяющим для ее внешней политики. Турция стоит на перекрестке торговых путей и логистических маршрутов между Европой и Азией, в частности контролирует проливы Босфор и Дарданеллы. В то же время Анкара стала активно использовать другие ресурсы внешней политики, в том числе религиозный фактор, что находит выражение, например, в сотрудничестве с различными исламистскими движениями. По мнению ряда исследователей⁷, внешняя политика Турецкой Республики характеризуется концепцией неоосманизма, направленной на распространение влияния страны на территориях бывшей Османской империи. Речь идет о намерении закрепить свои национальные интересы за счет усиления влияния среди прочего на Балканах и Кавказе. Ввиду своего географического положения турецкое руководство стремилось играть активную роль в ливийском и сирийском конфликтах, а также поддерживать турков-киприотов и одновременно закрепить свои права на газовые месторождения на шельфе этого острова. Вместе с тем Турецкая Республика с большой долей условности может считаться региональной державой ввиду ограниченных материальных ресурсов и срединного положения между Европой и Азией⁸. Последний фактор стал играть меньшую роль, поскольку вопрос о вступлении в ЕС зашел в тупик и Анкара переориентировалась на арабские страны, с одной стороны, и Азербайджан – с другой.

Дипломатическая подготовка в Турции призвана обеспечить выполнение поставленных внешнеполитических задач. Университеты реализуют четыре основных направления: «Международные отношения», «Африканистика», «Востоковедение» и «Турция, Европа и Ближний Восток»⁹. В отдельных

1 «*مدرسة الدراسات الدبلوماسية* (Institute of Diplomatic Studies),” The Ministry of Foreign Affairs of the Arab Republic of Egypt, accessed December 13, 2024, <https://www.mfa.gov.eg/ar/AboutMinistry/EntitiesRelated/1>.

2 “CCTV Chinese Channel Interviews Dr. Ismail Selim,” CRCIA, accessed December 13, 2024, <https://crica.org/news/cctv-chinese-channels-interview-with-dr-ismail-selim/>.

3 “School of Global Affairs and Public Policy,” The American University of Cairo, accessed December 13, 2024, <https://gapp.auc.edu.eg/news/cooperation-between-gapp-and-institute-diplomatic-studies-ministry-foreign-affairs-egypt>.

4 “WIPO and Egyptian Institute for Diplomatic Studies Sign MOU,” WIPO, accessed December 13, 2024, https://www.wipo.int/press-room/en/articles/2007/article_0024.html.

5 “Fiftieth Regional Course on Key Issues on the International Economic Agenda Institute for Diplomatic Studies, Ministry of Foreign Affairs, Cairo 26 November–7 December 2023,” UN Conference on Trade and Development, accessed December 13, 2024, https://unctad.org/system/files/information-document/Notification_50th_Regional_Course.pdf.

6 “Political Science Department,” Cairo University, accessed December 10, 2024, <http://www.feps.edu.eg/enn/departments/ps/bachelor.php>.

7 Смирнова 2023; Товсултанов и др. 2021.

8 Mesquita, Chien 2021, 1547.

9 “Öğretmenlik Alanları, Atama ve Ders Okutma Esasları (Areas of Teaching, Purpose and Principles of Teaching Courses),” T.C. Milli Eğitim Bakanlığı, accessed December 14, 2024, https://ttkb.meb.gov.tr/www/icerik_goruntule.php?KNO=201.

университетах проводится подготовка лишь по нескольким из вышеперечисленных направлений. Например, в Босфорском университете реализуются последние две программы¹. Преподавание дисциплин в рамках каждого из этих направлений акцентирует внимание на внешнеполитических приоритетах Анкары². В то же время нельзя сказать, что при подготовке турецких дипломатов делается значительный упор на изучение языков. Как правило, усиленно изучаются в основном английский и другие официальные языки ООН, а также османский турецкий. Последнее свидетельствует об усилении значимости концепции неоосманизма во внешней политике турецкого государства. Особое внимание уделяется изучению отдельных региональных проблем, связанных в первую очередь с тюркским пространством, Балканами и экономическим развитием государств Африки южнее Сахары.

В отношении кадров следует отметить, что с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. заметной стала тенденция, связанная с политическим назначением на должности послов и заместителей министра лиц, аффилированных так или иначе с правящей партией, например министр иностранных дел М. Чавушоглу (2015–2023). Другие хрестоматийные примеры – посол в США Х.М. Мерджан (2021–2024), бывший и нынешний послы в Чехии Э. Багыш (2019–2024) и М. Фейзиоглу, посол в Индонезии, Восточном Тиморе и АСЕАН Т. Кючукчан (с 2023), посол на Кипре Я. Серим (с 2024). Подобные назначения вызывали раздражение у карьерных дипломатов. Некоторые из них уходили с дипломатической службы в знак протеста. Бывший посол в США (2010–2014) и советник по внешнеполитическим вопросам оппозиционной кемалистской Республиканской народной партии Н. Тан регулярно подвергает критике политически мотивированные назначения послов³.

Между тем было бы серьезным допущением говорить, что значительная часть сотрудников МИД состоит из политназначенцев. Дипломаты среднего и начального звена в большинстве своем имеют образование международного и строят свою карьеру в МИД сразу после выпуска из вуза. Выходцы из партии занимают, как правило, высшие позиции. В то же время часть турецкого дипломатического корпуса не получила профильного образования. Такие лица попадают в ряды дипломатов благодаря практике «вращающихся дверей», которая обеспечивает приток высококвалифицированных и опытных кадров из других ведомств. Наиболее яркий пример – фигура Х. Фидана, который до назначения главой Министерства иностранных дел в июне 2023 г. на протяжении тринадцати лет возглавлял Национальную разведывательную организацию (*MİT*).

В своей внешней политике все четыре анализируемые страны вынуждены считаться с сохраняющимся американским влиянием в регионе. При этом каж-

1 “Siyaset Bilimi ve Uluslararası İlişkiler Bölümü Ders Programı (The Curriculum of the Faculty of Political Science and International Relations),” Boğaziçi Üniversitesi, accessed December 14, 2024, <https://pols.bogazici.edu.tr/tr/ders-programi-0>.

2 См. следующие программы: “Ankara University,” accessed December 14, 2024, http://bbs.ankara.edu.tr/Amac_Hedef.aspx?bno=4305&bot=1925; METU, “Uluslararası İlişkiler Bölümü,” accessed December 14, 2024, <https://ir.metu.edu.tr/tr/dersler/>; “Istanbul University Educational Information System,” accessed December 14, 2024, <https://ebs.istanbul.edu.tr/home/lisans/>; “Boğaziçi University,” Department of Political Science and International Relations, accessed December 14, 2024, <https://pols.bogazici.edu.tr/tr/ders-programi-0>.

3 “President Erdoğan again Appoints Pro-AKP Figures as Ambassadors,” Turkish Minute, accessed December 16, 2024, <https://turkishminute.com/2024/02/16/president-erdogan-again-appoints-pro-akp-figures-as-ambassadors/>.

дая выбирает собственную стратегию: союзничество в случае Египта и Саудовской Аравии, яркий антагонизм в случае Ирана и активное балансирование в случае Турции. Все это ярко характеризует ближневосточный регион в целом – пространство сосуществования различных культур и государственных моделей, которые объединяет влияние ислама и колониальное прошлое.

Латинская Америка: столкновение цивилизаций

Латинскую Америку по общим характеристикам можно сравнить с Ближним Востоком, где также присутствует доминирующая культура с альтернативными анклавами. Этот регион – продукт смешения местной индейской, колониальной (главным образом иберийской) и завезенной с рабами африканской культур. Большинство государств региона считает себя самобытной цивилизацией – латиноамериканской, где субъекты тесно интегрируются между собой. Маркером цивилизации, согласно распространенному в отечественной и зарубежной латиноамериканистике мнению¹, является преобладание основных иберийских языков (испанского и португальского), что нашло свое отражение в изначальном составе стран-подписантов межамериканского договора о взаимной помощи, более известного как Пакт Рио 1947 года. Из интеграции исключен или представлен в существенно меньшей степени ряд государств с доминированием британского, французского, голландского, африканского культурного кодов, например, Ямайка, Гайана и Суринам.

Концептуальное развитие Латинской Америки исторически разворачивалось вокруг идейного противостояния С. Боливара и Ф. Сантандера. В первом случае речь идет о стремлении к независимости и благополучию посредством единства, равноправия, мирного разрешения споров и в целом отстаивания идей справедливости (сила права). Во втором – о неравном сотрудничестве с великими державами, примыкании к последним и согласии с неправовыми методами в международных отношениях (право силы). На практике это противостояние отражается в разнонаправленных процессах: интеграции и дезинтеграции, латиноамериканизме и панамериканизме, невмешательстве и интервенциях.

Боливарианская доктрина начала реализовываться в первой четверти XIX в., после освободительных войн, и в своем развитии прошла сложный путь постколониального господства неформальных империй (преимущественно Великобритании), неометропольного американского гегемонизма, автаркического курса десаролизма². Тем не менее продолжают споры вокруг интерпретации комплексной региональной стабильности и путей ее достижения, свидетельством чего служат прецеденты Ж. Болсонару (2019–2023) в Бразилии и Хавьера Милея (с 2023) в Аргентине. Ключевые страны региона, в частности Бразилия (при нынешнем лидере Л. Лула да Силва), в меньшей степени Мексика, выстраивают собственные подходы к региональному устройству через призму опыта

1 Латинская Америка 1990; Шемякин 2001.

2 От исп. *Desarrollo* – развитие, экономическая политика, направленная на усиление национальных позиций в экономике, индустриализацию, демонополизацию и сохранение положительного торгового баланса. Эта концепция была популярна в середине XX в. и сопровождалась порой серьезными перегибами.

взаимодействия с колониальным и постколониальным влиянием европейских стран и США, а также с учетом нарастающей мощи других центров силы.

Развитие **Кубы** и **Мексики** имеет много общих черт. Обе страны были испанскими колониями, прошедшими через длительный и драматичный революционный период. Обе ощутили на себе значительное влияние Соединенных Штатов, но состояние двусторонних отношений с Вашингтоном каждой из них различно.

Мексика является видным элементом интеграционного блока *USMCA*, имеет развитые связи с другими государствами региона, входит в двадцатку сильнейших экономик мира. Куба же ввиду своей социалистической ориентации, антиамериканской политики в регионе и довлеющей географической близости к США находится в изоляции, осложняющей развитие экономических контактов. Это обуславливает историческую опору на внешних игроков (главным образом Китая и России) как в экономической, так и в политической сферах. Более затруднительная экономическая ситуация в Гаване связана также с преимущественно аграрной структурой экономики и отсутствием стратегических ресурсов, а потому наличием зависимости, распространяющейся и на критические элементы национальной безопасности, например на энергетический сектор.

Вышеприведенные обстоятельства привели к ряду особенностей подготовки дипломатических кадров.

На Кубе подготовкой дипломатов занимается всего один специализированный Высший институт международных отношений (*Instituto Superior de Relaciones Internacionales "Raúl Roa García"*)¹, небольшой отбор в который осуществляется по квоте в количестве 30 мест для выпускников спецкурсов, военных школ и выходцев из каждой провинции страны (по 1 месту на каждую из 15 провинций). Поступление предполагает не только многоплановый тест интеллектуальных способностей, включающий историю страны и знание современных политических, социальных и экономических особенностей развития Кубы, но и психологическое тестирование. Абитуриенты также проходят собеседование, где необходимо представить информацию о своих родственниках вплоть до третьего колена. Более того, для поступления в институт необходимо год отслужить в армии, в том числе девушкам, и получить положительные рекомендации от партийных организаций².

Основная программа обучения предполагает комплекс дисциплин по истории и теории международных отношений, мировой экономике, философии, дипломатии и регионоведческим дисциплинам. Учебные планы напоминают советские аналоги с идеологическим компонентом, что позволяло выучившимся в Советском Союзе кубинцам занимать впоследствии высокие посты во внешнеполитических структурах страны. Интересной особенностью подготовки кубинских дипломатов является набор специфических дисциплин по обороне (для защиты национальных диппредставительств), статистике и бухгалтерскому учету,

1 "Raúl Roa García," ISRI, accessed December 9, 2024, <https://cubaminrex.cu/es/instituto-superior-de-relaciones-internacionales-raul-roa-garcia-isri>.

2 "Proceso de Ingreso (The Admission Process)," ISRI, accessed December 9, 2024, <https://www.isri.cu/index.php/es/node/25#inicio>.

что обуславливается малым количеством сотрудников в зарубежных дипломатических представительствах и, как следствие, необходимостью многопрофильности специалистов.

Важно заметить, что соответствующее трудоустройство происходит по распределению, а без прохождения подготовки в вышеобозначенном институте работа в кубинском МИД или в других ведущих внешнеполитическую деятельность структурах невозможна.

В Мексике же ситуация принципиально иная. Поступление на дипломатическую службу происходит после прохождения специализированных курсов в Институте Матиас Ромеро при МИД страны, притом полученное до этого образование в области международных отношений не является обязательным. Министр иностранных дел Мексики А. Барсена (июль 2023 – октябрь 2024) по первому образованию биолог, а ее вторая степень по государственному управлению была получена в Гарварде, что не редкость в мексиканском внешнеполитическом истеблишменте (высока роль американского и британского образования). Институт Матиас Ромеро не реализует собственные программы бакалавриата или магистратуры, но их можно пройти в других мексиканских университетах более общего профиля.

Существенным образом отличаются и учебные планы мексиканских университетов, где читают курсы по регионоведению, глобальной международной повестке, однако нет самой дипломатической подготовки. Это обстоятельство, как и отсутствие практики дипломатической работы, предполагается компенсировать курсами переподготовки при мексиканском МИД. Здесь показателен пример посла Мексики в России Э.В. Мехиаса (с апреля 2022), который до назначения преподавал философию в университете и был близок к президенту А.М. Лопесу Обрадору (2018–2024), что может свидетельствовать о политическом характере его назначения.

Бразилии, в свою очередь, свойственна особая региональная специфика. Это португальскоязычная страна, в которой процесс деколонизации происходил иначе, чем в других государствах. Столица Португальской империи была перенесена в Бразилию из Европы еще в начале XIX в., что способствовало началу формирования самостоятельного и автономного внешнеполитического курса страны. В XXI в. она представляет собой могущественную державу Латинской Америки. Ресурсы Бразилии позволяют ей претендовать на роль ядра латиноамериканской региональной подсистемы, где она наталкивается на панамериканское сопротивление Вашингтона, однако вес Бразилии в региональных делах не отрицается. По этому поводу примечательны слова американского президента Р. Никсона (1969–1974): «Куда повернет Бразилия, туда повернет и вся Латинская Америка»¹. Примечательно, что амбиции страны простираются далеко за пределы региона, в результате чего Бразилия не стремится делегировать национальный суверенитет региональным организациям.

Специфика Бразилии также заключается в ее стремлении претендовать на статус великой державы. Страна входит в десятку ведущих экономик мира, имеет

1 "As Brazil Goes....," The New York Times, July 10, 1972, accessed December 16, 2024, <https://www.nytimes.com/1972/07/10/archives/as-brazil-goes-.html>.

обширный портфель миротворческих проектов, играет значимую роль в ведущих международных объединениях, включая БРИКС. В послевоенный период, когда зависимость Бразилиа от Вашингтона была более явной, США продвигали инициативу о наделении Бразилии статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН¹. Тем самым можно констатировать исторический опыт автономности Бразилиа, несмотря на колониальное наследие.

Формирование национальной дипломатической школы Бразилии началось вместе с процессом обретения ей независимости. В 1822 г. было создано Министерство внешних связей Бразилии – *Итамарати*. За более чем двести лет его функционирования в стране сформировалась устойчивая система подготовки дипломатических кадров, включающая в себя профильные институты, такие как Институт Рио Бранко, признанный одной из лучших дипломатических академий в мире и обеспечивающий подготовку и переквалификацию дипломатических кадров для бразильского МИД.

Система подготовки кадров в Бразилии во многом коррелирует с внешнеполитическими приоритетами, а конкретные институциональные реформы отражают тренды внешнеполитического развития страны. Особенно это проявилось во второй половине XX в.: *Итамарати* переживал структурные трансформации, выразившиеся в создании новых департаментов. По мере усиления важности экономического фактора происходили попытки выстраивания более тесных горизонтальных связей между государственными ведомствами, выразившиеся в создании межведомственных советов с участием МИД².

Эквивалентным образом менялся и подход к отбору кандидатов. Как отмечает З.Б. Чейбуб³, Министерство иностранных дел изменило процесс набора молодых дипломатических кадров, расширив его в пределах двух критериев: географическое происхождение и уровень образования. С одной стороны, *Итамарати* удовлетворил требования общества о стремлении к демократизации, с другой – адаптировался к изменениям в содержании и потребностях дипломатической профессии. Тенденция к демократизации также проявляется в контексте социального происхождения дипломатов, хотя проблема привлечения к службе выходцев из дипломатических семей по-прежнему сохраняется⁴. Более того, с введением открытых конкурсов, основанных на универсальных критериях, МИД Бразилии пытается повысить свою социальную репрезентативность, уменьшая «элитистский» характер внешнеполитического ведомства. Несмотря на стремление придерживаться новых векторов во внешней политике, направленных, как упоминалось ранее, на демократизацию и открытость, Итамарати в равной степени подвергается процессу бюрократизации в отношении отбора новых дипломатических кадров.

Подобная бюрократизация является следствием организованной системы отбора в бразильский МИД и его заграничные учреждения. Критерии отбора в Институт Рио Бранко четко регламентированы, как и учебный план университета

1 Garcia 2010.

2 Борзова 2012, 65.

3 Cheibub 1989.

4 Ibid.

(Положение об институте утверждает министр иностранных дел¹). Отбор на дипломатические должности осуществляется через конкурс, проводимый Институтом Рио Бранко, а на технические и административные должности, например сотрудников канцелярии, – по открытому конкурсу². Испытания включают в себя экзамены на знание португальского языка и второго иностранного языка (английский, испанский, французский или другой), а также истории Бразилии, всемирной истории, мировой политики, географии, экономики, международного права, что свидетельствует о фундаментальном характере дипломатической подготовки. Сама же система отбора организована таким образом, чтобы воспроизводить приток в МИД кадровых дипломатов.

Таким образом, Бразилия является самостоятельной державой с подкрепленной достаточным количеством ресурсов независимой внешней политикой, направленной на усиление своих лидерских позиций как потенциального ядра латиноамериканской региональной подсистемы, а также на обширную вовлеченность и представленность в глобальных международных делах.

Мексика и Куба в этом аспекте имеют существенно меньший вес, где первая сохраняет значительную зависимость от США как экономически, так и идейно, а вторая пока не обладает ресурсной базой и достаточным международным авторитетом и связями, особенно после ухода от дел клана Кастро, для проведения такого рода политического курса. Осложнившиеся позиции Кубы в международных делах также во многом обусловлены «не сыгравшей ставкой» на социализм, когда, лишившись поддержки Советского Союза в 1991 г., Куба оказалась в политико-экономической изоляции.

Приведенные обстоятельства оказали существенное влияние на подготовку дипломатических кадров в этих странах, где Мексика ведет ее более открыто, допуская иностранное идейное влияние и выстраивая курс на основе глобальной повестки, а Куба проводит идеологизированный, сильно ограниченный набор слушателей для нужного стране политического воспитания с дальнейшим сохранением контроля над кадровым распределением.

В итоге Латинская Америка, несмотря на ярко выраженную цивилизационную компоненту, является неоднородным с точки зрения выстраивания модели развития дипломатических и других государственных институтов регионом.

Заключение

Результаты исследования частично подтверждают гипотезу о наличии взаимосвязи между уровнем развитости национальных дипломатических школ и степенью проактивности внешней политики стран в решении ключевых вопросов региональной повестки. Под развитостью и суверенностью системы подготовки кадров для дипломатической службы понимается использование таких инструментов, как разработка профильных учебных курсов по истории своей страны,

1 “Regulamento do Instituto Rio Branco (Regulations of the Rio Branco Institute),” accessed December 16, 2024, <https://www.gov.br/mre/pt-br/instituto-rio-branco/arquivos/legislacao-1/portaria-344-2021-regulamento-do-instituto-rio-branco.pdf>.

2 “O Itamaraty e as carreiras do Serviço Exterior (Itamaraty and a Career in the Diplomatic Service),” Ministério das Relações Exteriores, accessed December 14, 2024, <https://www.gov.br/mre/pt-br/acao-a-informacao/perguntas-frequentes/o-itamaraty-e-as-carreiras-do-servico-exterior#quatorze>.

региона и международных отношений, подготовка собственной учебной литературы и соответствующих методических материалов, расширение количества преподаваемых иностранных языков. Подобная комплексная подготовка будущих сотрудников дипломатических ведомств обеспечивает формирование у них корректного представления о ходе национальной истории и восприятия образа своей страны, что необходимо для проведения суверенной внешней политики. В свою очередь, дипломатия является механизмом инструментализации имеющихся у государства ресурсов влияния и трансляции национальных интересов в международную плоскость.

Вопрос необходимости суверенизации национальной школы подготовки дипломатических кадров особенно актуален для стран «незападного» мира, многие из которых в течение долгих лет оставались в различных формах зависимости от западных стран. Колониальное прошлое наложило соответствующий отпечаток на систему подготовки государственных служащих. Многие дипломаты либо получали образование в западных государствах, либо в процессе обучения использовали исключительно зарубежные учебные материалы. Подобные практики вели к неизбежной трансляции западных нарративов в дипломатическую сферу и, как следствие, зачастую к несколько искаженному восприятию международной обстановки и не в полной мере отвечающим национальным интересам действиям.

Тем не менее развитие национальных систем подготовки дипломатов способствовало активизации и суверенизации внешней политики отдельных государств Глобального юга. В частности, в Африке одна из наиболее развитых национальных школ подготовки дипломатических кадров сложилась в Эфиопии – стране, не испытывавшей на себе бремени колониальной зависимости, имеющей долгие собственные традиции подготовки государственных служащих. Среди стран региона она отличается особенно активной и суверенной внешней политикой. В то же время подготовка дипломатических кадров в ЮАР и Нигерии в значительной степени продолжает развиваться в духе англосаксонской традиции. Существенное количество учебной литературы подготовлено западными изданиями, многие дипломаты продолжают обучаться по различным образовательным программам в странах Запада.

На Ближнем Востоке и в Северной Африке выделяются несколько стран, претендующих на региональное лидерство: Саудовская Аравия, Иран, Турция и Египет. Для каждого из этих государств характерна собственная модель взаимосвязи между спецификой подготовки дипломатов и особенностями внешнеполитического курса. В Саудовской Аравии предпринимаются попытки суверенизации национальной школы подготовки кадров для внешнеполитического ведомства, в то же время страна все чаще действует без оглядки на третьи страны в отношениях с региональными и внерегиональными игроками. Схожие тенденции проявляются в Турции, стремящейся проводить многовекторную внешнюю политику. Для Ирана характерно наличие многолетней развитой национальной традиции в подготовке дипломатических кадров, при этом страна проводит полностью независимый внешнеполитический курс с учетом национальных интересов, руководствуясь собственными идеологическими принципами. В то же время в Египте, где школа подготовки дипломатов по-прежнему характеризует-

ся скорее импортом знаний, пока не сделано значимых шагов к суверенизации данной системы, при этом и во внешней политике страна часто ориентируется на крупных внерегиональных игроков.

В странах Латинской Америки прослеживаются аналогичные взаимосвязи. Одна из наиболее развитых национальных школ подготовки дипломатов – в Бразилии, претендующей на роль ядра латиноамериканской региональной подсистемы. Куба является примером страны с независимой внешней политикой и высокой степенью развитости национальной традиции подготовки дипломатических кадров, но с крайне ограниченными возможностями. В то же время Мексика продолжает ориентироваться на США, а ее дипломатическая школа характеризуется сохранением эпистемологической зависимости.

Полученные данные также выявили и расхождение между развитостью и суверенностью дипломатической школы. Эти две характеристики не всегда эквивалентны. Если для укрепления своих позиций в регионе страна не сможет обойтись без развитой дипломатической школы, то в случае с суверенностью заметно более нюансированное расслоение. В частности, умеренная суверенизация дипломатической подготовки (Саудовская Аравия, Турция, Эфиопия) способствует укреплению позиций страны в регионе (субрегионе), в то время как тотальная суверенизация (Куба, Иран), ведет к ограничению возможностей этих стран в определении региональной повестки. В свою очередь, некритическое заимствование западных образовательных стандартов в этой области (Египет, Мексика, Нигерия, ЮАР) может свидетельствовать о принятии этими игроками своего текущего положения в региональной подсистеме. Тем самым для стран Глобального юга важна не столько суверенность, сколько развитость их дипломатических школ, поскольку их эмансипация возможна только тогда, когда они пройдут все этапы становления национального профильного образования: импорт зарубежных практик в подготовке дипломатических кадров; локализация иностранного опыта; дальнейшее развитие собственной школы подготовки дипломатов с учетом национальных интересов на основе накопленных знаний; достижение суверенизации национальной дипломатической школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Африка: неоплаченный долг колонизаторов / под ред. И.О. Абрамовой. М.: Институт Африки РАН, 2023.

Africa: The Unpaid Debt of Colonizers, edited by Irina O. Abramova. Moscow: Institute for African Studies, 2023 [In Russian].

Борзова, А.Ю. Дипломатическая служба Бразилии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2012. № 3. С. 54–70.

Borzova, Alla Yu. "Diplomatic Service of Brazil." *RUDN Journal of International Relations*, no. 3 (2012): 54–70 [In Russian].

Воскресенский, А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная поли-*

тика. 2012. № 2. С. 30–58. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2\(8\)-30-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58).

Voskresenski, Alexei D. "Concepts of Regionalization and Transformation in Modern International Relations." *Comparative Politics*, no. 2 (2012): 30–58 [In Russian].

В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / под ред. А.А. Сушенцова и Н.Я. Неклюдова. М.: Международный дискуссионный клуб Валдай, 2024.

Sushentsov, Andrey A., and Nikita Ya. Neklyudov, eds. "In Search of National Interests: How Diplomatic Training Affects the Sovereignty of the World's Countries. Report of the Valdai International Discussion Club." Moscow: Valdai International Discussion Club, 2024 [In Russian].

- Зонова, Т.В. Современная дипломатия: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2007. № 4. С. 5–21.
- Zonova, Tatyana V. "Modern Diplomacy: Problems and Perspectives." *RUDN Bulletin. Series: International Relations*, no. 4 (2007): 5–21 [In Russian].
- Кальер, Ф. О способах ведения переговоров с государями. М.: Гендальф, 2000.
- de Callières, François. *On the Manner of Negotiating with Sovereigns*. Moscow: Gendalf, 2000 [In Russian].
- Латинская Америка: Справочник / под ред. В.В. Вольского. М.: Политиздат, 1990.
- Latin America: Handbook*, edited by Viktor V. Volsky. Moscow: Politizdat, 1990 [In Russian].
- Никольсон, Г. Дипломатия. М.: Гос. изд. полит. лит., 1941.
- Nicolson, Harold. *Diplomacy*. Moscow: State Political Publishing House, 1941 [In Russian].
- Протокол и этикет в дипломатической деятельности зарубежных стран / под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2023. 280 с.
- Protocol and Etiquette in Diplomatic Activity of Foreign Countries*, edited by Anatoly V. Torkunov and Alexander N. Panov. Moscow: Aspect Press, 2023 [In Russian].
- Сатов, Э. Руководство по дипломатической практике. М.: Международные отношения, 2018. 480 с.
- Satow, Ernest M. *A Guide to Diplomatic Practice*. Moscow: International Relations, 2018 [In Russian].
- Смирнова, П.Е. Исторические корни неосманизма во внешней политике Турецкой Республики // Вестник ННГУ. 2023. № 1. С. 56–66.
- Smirnova, Polina E. "Historical Roots of Neo-Ottomanism in the Foreign Policy of the Republic of Turkey." *Vestnik NNGU*, no. 1 (2023): 56–66 [In Russian].
- Товсултанов, Р.А., Товсултанова, М.Ш., Галимова, Л.Н. Турецкая политическая доктрина "неосманизма": между символическим и реальным содержанием // СНВ. 2021. № 4. С. 230–234.
- Tovsultanov, Rustam A., Tavsultanova, Malika Sh., Galimova, Liliya N. "Turkish Political Doctrine of 'Neo-Ottomanism': Between Symbolic and Real Content." *SNV*, no. 4 (2021): 230–234 [In Russian].
- Фитуни, Л.Л., Абрамова, И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.03>.
- Fituni, Leonid L., Abramova, Irina O. "Political Theory of Decolonization: Imperatives of Modern Interpretation." *Polis. Political Studies*, no. 6 (2020): 26–40 [In Russian].
- Шемякин, Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте мировой истории. М.: Наука, 2001.
- Shemyakin, Yakov G. *Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History*. Moscow: Nauka, 2001 [In Russian].
- Эльмурадов, А. Постколониальная / деколониальная критика и теория международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-23-38>.
- Elmuradov, Aziz. "Postcolonial/Decolonial Critique and International Relations Theory." *Vestnik MGIMO-University*, no. 3 (2021): 23–38 [In Russian].
- Adler-Nissen, Rebecca, and Vincent Pouliot. "Power in Practice: Negotiating the International Intervention in Libya." *European Journal of International Relations*, no. 4 (2014): 889–911. <https://doi.org/10.1177/1354066113512702>.
- Anghie, Antony. *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Azeez, Ademola, and Segun Oshewolo. "Diplomatic Jobs in Nigeria: Careers v. Political Appointees." *The Round Table*, no. 4 (2021): 520–521. <https://doi.org/10.1080/00358533.2021.1957237>.
- Bugnon, Elsa. "La Formation de Jeunes Diplomates des Pays Nouvellement Indépendants à Genève dans les Années 1960". *Relations Internationales*, no. 1 (2019): 99–110. <https://doi.org/10.3917/ri.177.0099>.
- Bugnon, Elsa. "The Training of Young Diplomats from Newly Independent Countries in Geneva in the 1960s." *Relations Internationales*, no. 1 (2019): 99–110 [In French].
- Bugnon, Elsa. "Voyage d'études de futurs diplomates des pays émergents en formation à Genève: Une opportunité pour la Suisse de s'exposer". *Traverse*, no. 1 (2018): 172–179.
- Bugnon, Elsa. "Study Trip for Future Diplomats from Emerging Countries in Training in Geneva: An Opportunity for Switzerland to Showcase Itself." *Traverse*, no. 1 (2018): 172–179 [In French].
- Cheibub, Zairo B. "A Carreira Diplomática no Brasil: O Processo de Burocratização do Itamarati." *Revista de Administração Pública*, no. 2 (1989): 97–128.
- Cheibub, Zairo B. "The Diplomatic Career in Brazil: The Bureaucratization Process of Itamaraty." *Revista de Administração Pública*, no. 2 (1989): 97–128 [In Portuguese].
- Cornago, N. "Diplomatic Knowledge." In *The SAGE Handbook of Diplomacy*, edited by Costas Constantinou, Paul Sharp, Pauline Kerr. London: Sage, 2016. <https://doi.org/10.4135/9781473957930>.
- Der Derian, James. *On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement*. Oxford: Blackwell, 1987.
- Doty, Roxanne L. *Imperial Encounters: The Politics of Representation in North-South Relations*. Minneapolis: London: University of Minnesota Press, 1996.
- Fanon, Frantz. *Black Skin, White Masks*. New York: Grove, 1967.
- Fafowora, Oladapo O. *Lest I Forget: Memoirs of Nigerian Career Diplomat*. Lagos: Nigerian Institute of International Affairs, 2013.
- Frank, Andre G. *Dependent Accumulation and Underdevelopment*. New York: Monthly Review Press, 1978.
- Garcia, Eugenio. "On How Brazil Almost Became a Permanent Member of the United Nations Security Council in 1945." *Revista Brasileira de Política Internacional*, no. 1 (2011): 159–177. <https://doi.org/10.1590/S0034-73292011000100010>.
- Grovogui, Siba N. "Regimes of Sovereignty: International Morality and the African Condition." *European Journal of International Relations*, no. 3 (2002): 315–338. <https://doi.org/10.1177/1354066102008003001>.
- Harris, Jonathan. "Geopolitics of Decolonization: Carnegie Endowment's Diplomatic Training Program 1960–1973." *Geoforum*, no. 124 (2024). <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2024.104067>.
- Harris, Jonathan, Ruth Craggs, and Fiona McConnell. "Understanding Diplomatic Training from the Global South: Transnational Networks and (Post)colonial Connections." *Diplomatica*, no. 1 (2023): 121–129. <https://doi.org/10.1163/25891774-bja10098>.
- Hobbes, Thomas. *Leviathan*. Oxford University Press, 1996.

Kappeler, Dietrich. "Knowledge Management and Diplomatic Training – New Approaches for Training Institutions." In *Knowledge and Diplomacy*, edited by Jovan Kurbalija, 67–69. Msida: Academic Training Institute, 2002.

Kia, Tambari S. Nwigbo, and Peter A. Ojie. "Foreign Policy Strategy of the Federal Republic of Nigeria 1960–2012: The Missing Link." *Journal of International Relations and Foreign Policy*, no. 2 (2017): 10–27.

Kissinger, Henry. *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster, 1994.

Krasner, Stephen D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999.

Lake, David A. "The New Sovereignty in International Relations." *International Studies Review*, no. 3 (2003): 303–323. <https://doi.org/10.1046/j.1079-1760.2003.00503001.x>.

Landsberg, Chris, and Costa Georghiu. "The Foreign Policy and Diplomatic Attributes of a Developmental State: South Africa as Case Study." *South African Journal of International Affairs*, no. 4 (2015): 479–495. <https://doi.org/10.1080/10220461.2015.1124805>.

Leki, Ray S. "Growing Global Resilience Leadership: Working with Diplomats." *Advances in Global Leadership*, no. 12 (2019): 191–205.

Mathieu, Xavier. *Sovereignty and the Denial of International Equality*. London: Routledge, 2021.

Mesquita, Rafael, and Jia Huei Chien. "Do Regional Powers Prioritise their Regions? Comparing Brazil, South Africa and Turkey." *Third World Quarterly*, no. 7 (2021): 1544–1565. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1898280>.

Mbembe, Achille. *Necropolitics*. Durham, NK: Duke University Press, 2019.

McCarty, Teresa L., and Tiffany S. Lee. "Critical Culturally Sustaining / Revitalizing Pedagogy and Indigenous Education Sovereignty." *Harvard Educational Review*, no. 1 (2014): 101–124. <https://doi.org/10.17763/haer.84.1.q83746nl5pj34216>.

McEwan, Cheryl. *Postcolonialism, Decoloniality and Development*. 2nd ed. London: Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315178363>.

McConnell, Fiona, Ruth Craggs, and Jonathan Harris. "Tracing Diplomatic Tutelage: (Post)colonial Pedagogies and the Training of African Diplomats." *International Political Sociology*, no. 3 (2024): olae030. <https://doi.org/10.1093/ips/olae030>.

Morgenthau, Hans J. *Politics Among Nations*:

The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948/1973.

Neumann, Iver B. *At Home with the Diplomats. Inside a European Foreign Ministry*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2012.

Obasanjo, Olusegun. *My Watch*. Lagos: Kachifo Limited, 2015.

Pourmokhtari, Navid. "A Postcolonial Critique of State Sovereignty in IR: The Contradictory Legacy of a 'West-centric' Discipline." *Third World Quarterly*, no. 10 (2013): 1767–1793. <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.851888>.

Said, Edward W. *Orientalism*. New York: Grove, 1978.

Schulz, Michael, Fredrik Söderbaum, and Öjendal Joakim, eds. *Regionalization in a Globalizing World: A Comparative Perspective on Forms, Actors, and Processes*. London; New York: Zed Books, 2001.

Shagari, Shehu. *Shehu Shagari: Beckoned to Serve*. Lagos: Heinemann Educational Books, 2001.

Sidaway, James D. "Postcolonial Geographies: An Exploratory Essay." *Progress in Human Geography*, no. 4 (2000): 591–612. <https://doi.org/10.1191/030913200100189120>.

Soliman, Ghada S. *The Making of a Diplomat: the Selection and Recruitment Process in the Egyptian Ministry of Foreign Affairs*. PhD Thesis. The American University in Cairo, 2012.

Standfield, Catriona. "Gendering the Practice Turn in Diplomacy." *European Journal of International Relations*, no. 1 (2020): 140–165. <https://doi.org/10.1177/1354066120940351>.

Trigona, Alex S. "Knowledge and Diplomacy." In *Knowledge and Diplomacy*, edited by Jovan Kurbalija, 70–75. Msida: Academic Training Institute, 2002.

Wallerstein, Immanuel. "World-Systems Analysis." In *Social Theory Today*, edited by Anthony Giddens and Jonathan Turner, 309–324. Cambridge, UK: Polity Press, 1987.

Watson, Adam. *Diplomacy: The Dialogue Between States*. 1st ed. London; New York: Routledge, 1982.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Relations*. New York: Cambridge University Press, 1999.

Zenebe Felek, Mesfin. "The Implications of Ethiopia's Foreign Policy Dynamics Towards the Horn of Africa since 1991." *Cogent Social Sciences*, no. 1 (2023). <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2287316>.

Сведения об авторах

Ирина Владимировна Киселева,

младший научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: kiseleva_ir_v@my.mgimo.ru

Иван Сергеевич Хлудов,

младший научный сотрудник Лаборатории регионоведения МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: i.khludov@inno.mgimo.ru

Анастасия Игоревна Гладышева,

преподаватель Кафедры международных отношений и внешней политики
России МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

младший научный сотрудник ИВИ РАН

119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32 а

e-mail: a.gladysheva@inno.mgimo.ru

Артём Константинович Адрианов,

младший научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: artemadrianov1@gmail.com

Валерий Александрович Перунов,

аспирант Кафедры ПАМП МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: perunovw@mail.ru

Сергей Александрович Давыдов,

аспирант Кафедры востоковедения МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: davydov.s.a@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10 ноября 2024.

Переработана: 20 декабря 2024.

Принята к публикации: 23 декабря 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Публикация подготовлена в рамках гранта ИМИ «Национальные школы подготовки дипломатов» (№2025-04-05).

Цитирование

Киселева, И.В., Хлудов, И.С., Гладышева, А.И., Адрианов, А.К., Перунов, В.А., Давыдов, С.А.

Дипломатическая подготовка как путь к суверенитету: анализ дипломатических школ незападных стран // Международная аналитика. 2024. Том 15 (4). С. 66–96

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-66-96>

Diplomatic Training and Sovereignty: Insights from Non-Western States

ABSTRACT

The paper examines how the sovereignty of national diplomatic training schools in the Global South influences their standing within the regional subsystems. The study is relevant in light of the growing clout of non-Western countries in global politics and economy, as well as their ever-increasing significance for Russia. We focus on countries that seek to pursue especially proactive foreign policies: Egypt, Iran, Saudi Arabia, and Turkey in the Middle East; Nigeria, Ethiopia, and South Africa in Sub-Saharan Africa; Brazil, Cuba, and Mexico in Latin America. The authors employ a cross-regional comparative analysis of diplomatic training there, supplemented by a biographical method that traces the career trajectories of prominent foreign ministry officials. Our research rests on selected post-structuralist, post-colonial, neo-Marxist, and post-critical approaches to sovereignty in states deemed peripheral or semi-peripheral. Additionally, we take stock of various approaches to diplomacy as an institution and further conceptualize how the indigenous diplomatic practices of individual states shape their role in the region. Our findings partly support the hypothesis that higher levels of sovereignty (sophistication) in national diplomatic training schools help these states to set the (sub)regional agenda. However, high levels of sovereignty in diplomatic training, as opposed to sophistication, do not necessarily translate into a country's ability to set the regional agenda.

KEYWORDS

diplomacy, diplomatic schools, Global South, sovereignty, regional subsystem

Authors

Irina V. Kiseleva,

Junior Research Fellow, Institute for International Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: kiseleva_ir_v@my.mgimo.ru

Ivan S. Khludov,

Junior Research Fellow, Laboratory of Regional Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: i.khludov@inno.mgimo.ru

Anastasia I. Gladysheva,

Lecturer, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

Junior Research Fellow, Institute of World History RAS

32A, Leninsky Prospekt, Moscow, Russia, 119334

e-mail: a.gladysheva@inno.mgimo.ru

Artem K. Adrianov,

Junior Research Fellow, Institute for International Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: artemadrianov1@gmail.com

Valery A. Perunov,

PhD Student, Department of Applied International Analysis,

MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: perunow@mail.ru

Sergei A. Davydov,

PhD Student, Department of Asian and African Studies,

MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: davydov.s.a@my.mgimo.ru

Additional information

Received: November 10, 2024. Revised: December 20, 2024. Accepted: December 23, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Funding

The article was prepared within the framework of a grant “National Diplomatic Training Schools” provided by the Institute for International Studies, MGIMO University (no. 2025-04-05).

For citation

Kiseleva, Irina V., Ivan S. Khludov, Anastasia I. Gladysheva, Artem K. Adrianov, Valery A. Perunov, and Sergei A. Davydov. “Diplomatic Training and Sovereignty: Insights from Non-Western States.”

Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 66–96.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-66-96>

Между ремеслом и привилегией: особенности подготовки дипломатов в западных странах

Артем Павлович Соколов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Иван Сергеевич Хлудов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Егор Дмитриевич Спирин, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Марк Андреевич Макаров, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: a.sokolov@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям подготовки дипломатов в государствах Запада в контексте трансформации их внешнеполитических подходов. В качестве примеров, выбраны США, Британия, Франция, Германия, Венгрия и Польша, сгруппированные по принципу диад. Сравнительный анализ осуществлялся по следующим критериям: наличие профильного учреждения дипломатической подготовки; перечень специальностей в области международных отношений; рабочий язык МИД; количество и качество преподавания иностранных языков в соответствующих учебных заведениях; прием иностранцев на работу во внешнеполитическое ведомство; преподавание истории международных отношений, а также наличие собственных учебников, отражающих национальный подход; возможность пройти профессиональную переподготовку. Теоретической основой исследования является концепция элитизма. Целесообразность ее выбора определяется противоречием между дискурсом о меритократии и равенстве возможностей, с одной стороны, и традиционной закрытостью дипломатического сообщества в западных странах, с другой. Результатом данной тенденции является расширение влияния элит на формирование внешней политики при игнорировании интересов рядовых граждан. В ходе исследования авторы подтвердили тезис, что подготовка дипломатов в данных государствах ориентирована на создание сообщества квалифицированных бюрократов из привилегированных слоев общества. Универсализация образовательной модели, наряду с практикой политических назначений, способствует смягчению критериев профессиональной подготовки дипломатов. В то же время развитие дипломатических академий в западных странах свидетельствует о возрастающем влиянии элит на формирование внешнеполитической ориентации государства. Система специализированных учебных заведений для дипломатов выполняет двойную функцию: с одной стороны, она служит основой для профессиональной подготовки, а с другой – воронкой, отсеивающей кандидатов, которые не соответствуют профессиональным требованиям. Данное обстоятельство усиливает закрытость дипломатического сообщества при дефиците стимулов к углублению профессиональной подготовки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дипломатия, США, Британия, Франция, Германия, Польша, Венгрия

После окончания холодной войны произошла консолидация «политического Запада»¹, зацементировавшая западные нормы как универсальные. Такое восприятие закреплялось и в результате краха «социалистической системы», объединения большинства европейских государств под эгидой Европейского союза, а также усиления США как безальтернативного центра силы в 1990-е годы. Между тем, уже в начале XXI в. западные державы не смогли своевременно отреагировать на новые вызовы (проблема международного терроризма, обострение отношений с Китаем и Россией, постепенная переориентация мировой экономики с Запада на Восток). Обострение украинского кризиса в 2022 г. поставило под вопрос качество западного дипломатического инструментария, равно как и подходов к подготовке дипломатических кадров. На этом фоне закономерно ставятся под сомнение инициативы, касающиеся, например, сокращения языковой наполняемости дипломатических программ². Тот факт, что Британия как государство с одним из наиболее развитых внешнеполитических аппаратов признает эти проблемы, свидетельствует об ограниченности как дипломатической подготовки, так и внешнеполитического курса³.

Цель настоящего исследования – рассмотреть дипломатическую подготовку в ряде западных государств на фоне трансформации соотношения сил в мировой политике. Авторы полагают, что стремление универсализировать дипломатическое образование и службу в западных странах способствует дальнейшей закрытости дипломатического сообщества, при этом в вопросах профессионализации в выигрыше оказываются те политики, которые сохраняют в том или ином виде регионоведческий подход. Учитывая, что Россия на различных исторических этапах осуществляла рецепцию западного опыта, целесообразно проследить, насколько он актуален.

Выдвигаемая гипотеза проверялась на примере дипломатических школ США, Британии, Франции, ФРГ, Польши и Венгрии. Такая выборка объясняется их региональной принадлежностью, а именно выделением трех географически и исторически связанных групп внутри западного мира: англосаксонский мир (Соединенные Штаты Британия), Западная Европа (Франция, Германия) и постсоциалистическая Восточная Европа (Польша, Венгрия). Выбор Соединенных Штатов и Британии обусловлен их подходом, обособленным от традиционных представлений о дипломатическом ремесле. Хотя такое видение дипломатии имеет свои культурно обусловленные особенности, их модель зачастую копируется другими государствами, даже если она противоречит локальным практикам. Франция и Германия выступают ядром Европейского союза, что делает анализ их опыта релевантным для изучения дипломатических практик, транслирующихся на всех членов ЕС, в отличие, например, от стран Северной и Южной Европы. Польша и Венгрия выбраны как государства с опытом пребывания в «социалистической системе» (ОВД, СЭВ), а также близкого к России подхода к дипломатии как таковой. По этой причине мы не рассматриваем, например,

1 Sakwa 2023.

2 Jennifer A. Kingson, "College Students Bid Adieu to Foreign Language Classes," *Axios*, November 15, 2023, accessed October 19, 2024, <https://tinyurl.com/38hxsahm>.

3 Tom Fletcher et al., "The World in 2040: Renewing the UK's Approach to International Affairs," UCL Policy Lab, April 4, 2024, accessed October 19, 2024, <https://tinyurl.com/3erszmv2>.

дипломатическую подготовку Чехии и Словакии, которые после «бархатных революций» заимствовали функциональный подход к обучению дипломатических кадров. Кроме того, образованные внутри каждой группы диады стран могут быть рассмотрены в сравнительном ключе. Каждая из таких пар внутри региональных групп, обладая общими характеристиками, демонстрирует специфику подходов к профессиональной подготовке дипломатов, которая находит отражение и во внешней политике рассматриваемых государств.

Сравнительный анализ выбранных школ осуществлялся по определенным критериям: 1) наличие или отсутствие профильного учреждения дипломатической подготовки; 2) перечень специальностей в области международных отношений; 3) рабочий язык МИД, количество и качество преподавания иностранных языков в соответствующих учебных заведениях; 4) прием иностранцев на работу во внешнеполитическое ведомство; 5) преподавание истории международных отношений, а также наличие собственных учебников, отражающих национальный подход к ним; 6) возможность пройти профессиональную переподготовку. Источниковую базу настоящего исследования составляют профильное законодательство соответствующих государств, учебные планы профильных учебных заведений, резюме кадровых дипломатов, отчеты МИД и доклады аналитических центров о качестве дипломатической подготовки.

Статья состоит из шести разделов. В первом рассматривается феномен элитизма на «политическом Западе», а также его применимость для дипломатии – области, которая традиционно считается элитарной. Во втором разделе приводится обзор исследовательской литературы, посвященной особенностям дипломатической подготовки. В последующих разделах представлен сравнительный анализ подготовки дипломатических сотрудников США и Британии, Франции и Германии, Польши и Венгрии. В заключении приводится общая оценка дипломатической подготовки на Западе, обобщаются ключевые тенденции, характерные для выбранных государств.

Элитизм как *modus operandi* дипломатии в государствах Запада

Со времен активной нелиберальной трансформации¹, начавшейся в 1970-е гг., западные элиты, возможно неосознанно, проводили политику, которая вела к снижению качества среднего образования и ограничению возможностей для поступления в высшие учебные заведения². Одно из ее следствий – тенденция к ограничению возможности обычных граждан влиять на политический курс. Отмечается, что экономическая элита и организованные группы, представляющие интересы бизнеса, «оказывают существенное независимое влияние» на государственную политику США, в то время как рядовые граждане и массовые группы интересов «практически не имеют независимого влияния»³. Аналогич-

1 Harvey 2007.

2 Richard Vedder, "The Decline of the American University," Forbes, June 22, 2020, accessed October 23, 2024, <https://www.forbes.com/sites/richardvedder/2020/06/22/the-decline-of-the-american-university/>.

3 Gilens, Page 2014.

ные процессы идут и в ЕС¹. Говоря об элитизме, характерном для обозреваемых политических систем, важно отметить, что социальное происхождение оказывает влияние на решения, поддерживаемые политическим классом².

Сфера внешней политики является наиболее ярким выражением отмеченных тенденций. Как замечает известный исследователь-международник П. Портер, сочетание экономического и военного потенциала с набором идеологических аксиом составляет основной драйвер западной политики³. На его поддержание работает среди прочего и внешнеполитический истеблишмент⁴, который де-факто конституирует «выигрышную коалицию». При этом подобное положение радикально снижает вариативность выбора внешнеполитических стратегий.

Особенности «кадрового вопроса» в дипломатических ведомствах западных государств – значимый элемент дискуссии о качестве принимаемых ими внешнеполитических решений. Одним из расхожих тезисов в исследовательской литературе является утверждение о постепенной деградации внешнеполитического планирования в крупных государствах (Соединенные Штаты, Британия, Франция, Германия) после завершения холодной войны и наступления в начале 1990-х гг. «конца истории». Распад СССР и «мировой системы социализма» лишил США и их союзников серьезного противника на международной арене. Нарастание же с конца 1990-х гг. кризисных явлений в однополярном мире было встречено элитами западных государств с запоздалой реакцией.

Вопрос качества их внешнеполитической экспертизы и дипломатической практики был актуализирован началом (2014) и последующей вооруженной эскалацией (февраль 2022) украинского кризиса. Наиболее ярко он проявился в контексте разрыва торгово-экономических связей государств – членов ЕС, прежде всего Германии, с Россией. Режим антироссийских санкций привел к сокращению немецкой экономики, ускорению инфляции и росту цен на энергоносители для домохозяйств и промышленных предприятий. Тем не менее Берлин продолжал разрушать торгово-экономические отношения с Москвой, прибегая в качестве объяснения к идеологизированным аргументам и оставляя вопросы о действительном целеполагании реализуемой политики. При этом МИД ФРГ неизменно выступал против прямого дипломатического взаимодействия с Москвой, не стремился организовать полноценный переговорный процесс вокруг украинского кризиса.

Таким образом, особенности формирования элит в рамках современных западных политических систем формируют благоприятные условия для «захвата» (*capture*) государственного аппарата «выигрышной коалицией», не заинтересованной в пересмотре статус-кво. Подобный «захват», в свою очередь, сужает пространство для маневра в выборе политической линии, а также приводит к деградации механизмов обратной связи, чем способствует созданию своего рода информационного пузыря, в котором существуют только разделяемые истеблишментом нарративы⁵.

1 Jan Rosset et al., "The Views of Rich Europeans are More Likely to Be Reflected by Political Parties than Those of Poorer Citizens," LSE, September 12, 2013, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/3zz8rbh5>.

2 Carnes 2013.

3 Porter 2018.

4 Walt 2018.

5 Friedman, Logan 2016.

Дипломатическая подготовка в государствах Запада как предмет исследования

Исследование подготовки дипломатических кадров находится на стыке предметных полей элитологии и социологии бюрократии. В основном они изучают рутинные функции, которые дипломаты исполняют в заграничных учреждениях и центральном аппарате внешнеполитических ведомств¹. Исследования, в которых анализируются национальные дипломатические школы, немногочисленны. Предпринимались попытки проследить историческую эволюцию дипломатической службы в целом и подготовки дипломатов в частности². Например, фиксируется тенденция к реформированию дипломатического образования в периоды трансформации международной системы, с тем чтобы повысить эффективность внешнеполитических агентов в меняющихся реалиях³.

Дипломатические академии в этой связи выступают проводником образовательных практик западных государств⁴, унифицируя до определенного предела их дипломатические службы. Эпистемологические основания дипломатии как институтов во многом закладываются во время профильной подготовки кадров. В частности, будущим сотрудникам внешнеполитического ведомства прививается чувство практики (*sens pratique*). Речь идет об интуитивном понимании различных компетенций в дипломатической сфере, в том числе неартикулируемых⁵.

В первой половине 2000-х гг. группа исследователей под руководством Р. Штайна из Дипломатической академии Чили при помощи социологического инструментария проанализировала состояние дипломатической подготовки в более чем 80 государствах⁶. Полученные выводы частично опираются на предшествующее исследование по данной проблематике, осуществленное молодым коллективом испаноязычных ученых⁷. Иную позицию в этом вопросе занимает исследователь из ЮАР В. Шейл, констатировавший несостоятельность традиционных подходов к подготовке дипломатического персонала в условиях постбиполярного мира и повышения общего уровня конфликтности в международных отношениях⁸. В качестве альтернативы он предложил делать упор на многостороннюю дипломатию, в рамках которой, по его мнению, и должны решаться глобальные проблемы. Белорусский исследователь Е.В. Коршук акцентирует внимание на совершенствовании практик межкультурной коммуникации, преподавание которых она считает неотъемлемой частью дипломатического образования⁹.

Вместе с тем затруднительно устанавливать и поддерживать рабочие контакты между дипломатами из разных стран без совершенствования таких компетенций, как самоконтроль и построение отношений¹⁰. Слабая регионоведческая подготовка причисляется к одной из причин, почему западные дипломаты не

1 Neumann 2005.

2 Bjola, Kornprobst 2018.

3 Guedes 2008.

4 Sahlgren 1998.

5 Kappeler 2002, 67–69.

6 Stein 2007.

7 Etchenique 2005.

8 Shale 2006.

9 Korshuk 2004.

10 Mustafayeva, Schnitzer-Skjønsberg 2016.

в полной мере осознают и принимают во внимание в ходе своей работы роль ислама для мусульманских государств¹. Тренировка т.н. эмоционального интеллекта является еще одной важной составляющей подготовки дипломатических кадров, что стало особенно значимым с приходом поколения миллениалов². Это связано с растущей ролью цифровых технологий, которые трансформировали не только деятельность внешнеполитических ведомств, но и подходы к обучению будущих дипломатов³.

В отношении повышения квалификации отмечается своего рода разноскоростное движение имплементации образовательного компонента⁴. Схожие процессы фиксируются и на наднациональном уровне, что заметно, в том числе, в открытых письмах Верховному представителю ЕС по иностранным делам⁵. Соответственно, подготовка дипломатов в западном мире перестает быть исключительно национальной прерогативой.

В страновом разрезе данная проблематика рассматривалась в отношении США⁶ и Британии⁷. Применительно к Франции и ФРГ исследователи склонны рассматривать дипломатическое образование сквозь призму бюрократического механизма⁸, а также социологического⁹, биографического¹⁰ и рефлексивистского¹¹ подходов. Дипломатическая подготовка стран ЦВЕ проанализирована с позиции транзитологии¹², мультилатерализма¹³, а также национальной специфики (Польша)¹⁴.

Таким образом, степень разработанности проблемы подготовки дипломатических кадров можно охарактеризовать как среднюю. Среди главных факторов, препятствующих осмыслению этой темы, выделяется довольно высокий порог вхождения, связанный с трудностью получения достоверной информации. Это препятствие частично преодолевается посредством анализа программ и учебных планов высших учебных заведений, выступающих поставщиками дипломатического персонала. Авторы статьи вносят свой вклад в развитие темы, типологизируя страны Запада в зависимости от особенностей подготовки сотрудников внешнеполитических ведомств (функциональная или фундаментальная подготовка) и эпистемологии знания (глобальная или национальная подготовка).

Соединенный Штаты – Британия

Американская и британская системы подготовки дипломатов представляют собой похожие, вплоть до смешения, модели. В некотором смысле схожесть процессов, протекающих в данной сфере, является отражением синонимич-

1 Al-Jararwah 2018.

2 Betts-Johnson 2023.

3 Murphy 2013.

4 Bramböck 2020.

5 Duke 2015.

6 Ullman 1968; Лебедева, Лобанов 1988; Овсянникова 2018. См. также периодическое издание *American Diplomacy*, в котором публикуются аналитические материалы, интервью и комментарии теоретиков и практиков американской дипломатии.

7 Матвеев 1984; Berridge 2011; Barder 2014.

8 Lequesne 2017; Baylon 2018; Brandt, Buck 2005.

9 Lequesne, Heilbronn 2012; Piotet et al. 2013.

10 Isphording et al. 2017.

11 Литвак 2018.

12 Digol 2007; 2012.

13 Czaputowicz 2013.

14 Szpak 2009; Rzegocki 2021.

ности более широкой социально-политической динамики обеих стран¹. Единообразие подходов к подготовке дипломатических кадров сохраняется даже несмотря на то, что в американской и британской системах принятия внешнеполитических решений дипломатия играет разную роль. Так, в инструментари внешней политики США дипломатия носит подчас второстепенный характер и, как утверждается, страдает от недофинансирования², в то время как в Британии, в том числе в силу отсутствия мощного военного потенциала, она занимает более важное место³.

Обращаясь к конкретным аспектам подготовки дипломатов, важно обратить внимание на то, что в США и Британии действует большое количество высших учебных заведений, в которых присутствует направление «международные отношения». При этом профильная *alma mater* руководящего звена дипломатической службы отсутствует. Вся широкая палитра университетов, готовящих дипломатов, относится к категории элитных. Доступ к обучению получают молодые люди преимущественно из обеспеченных слоев населения. В 2012 г. издание *Foreign Policy* провело опрос с целью определить лучшие учебные заведения, готовящие кадры для дальнейшей работы в государственном аппарате, в частности на внешнеполитическом поприще. Были выделены следующие университеты: Гарвард, Джорджтаун, Университет Джона Хопкинса, Принстон, Стэнфорд, Тафтс, Колумбийский университет, Йель, Университет Джорджа Вашингтона, Чикагский университет и другие⁴. Более актуальные данные, которые приводятся в статистике подготовки кадров для работы в Государственном департаменте, отличаются незначительно. Аналогичная ситуация наблюдается и в Британии, где среди ключевых высших учебных заведений, предоставляющих образование будущим дипломатам, выделяются Сент-Эндрюсский университет, Королевский колледж Лондона, Уорикский университет, Абердинский университет, Школа востоковедения и африканистики Лондонского университета, Астонский университет, Университет Ковентри, Манчестерский университет, Шеффилдский университет, Эдинбургский университет и Университет Лафборо⁵.

В данном контексте уместно упомянуть и такую ярко выраженную тенденцию, как появление «политической меритократии». Она выражается в формировании т.н. демократии дипломов, которую определяют как «демократию, в которой доминируют граждане, получившие образование в престижных учебных заведениях»⁶. Согласно одному из наиболее авторитетных исследователей «политической меритократии» Д. Марковитцу, она порождает три основные проблемы: 1) блокирование возможностей для среднего класса; 2) чрезмерная эксплуатация инвестиций, вложенных в образование; 3) усиление классовых противоречий и социальной поляризации. Обобщая, он приходит к следующе-

1 Goodwin 2023.

2 Daniel Larison, "Underfunded Diplomacy is Feature (Not a Bug) of US Foreign Policy," *Responsible Statecraft*, October 31, 2022, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/nwdh4zd3>.

3 См., например: Hadfield, Whitman 2023.

4 Paul C. Avey et al., "Pipeline to the Beltway?", *Foreign Policy*, January 3, 2012, accessed October 25, 2024, <https://foreignpolicy.com/2012/01/03/pipeline-to-the-beltway/>.

5 "Best UK Universities for International Relations - League Table," *The Guardian*, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/5n847afy>.

6 Bovens, Wille 2017, 5.

му выводу: «меритократия – прежде благожелательная и справедливая – стала тем, для борьбы с чем она была придумана. Механизмом концентрации и династической передачи богатства и привилегий от поколения к поколению. Кастовым порядком, который порождает вражду и раскол»¹.

Н. Туси, корреспондент леволиберального журнала *Politico*, с сожалением отметил, что выпускники элитных учебных заведений зачастую имеют лучшие стартовые позиции: «Многие студенты Лиги плюща или других известных колледжей и даже частных средних школ уже знают о дипломатической службе и об особенностях ее работы. Некоторые из них стремятся пройти стажировку в Госдепартаменте, что дает возможность наладить контакты»². Имеется в виду, что у выпускников Лиги плюща больше шансов завести знакомства и связи с будущими бюрократами и дипломатами еще на заре их становления, в результате чего происходит герметизация дипломатического аппарата. Закрытость внешнеполитического истеблишмента сочетается с феноменом «вращающихся дверей», когда дипломаты переходят в бизнес, в разведку или в академическую сферу; и, наоборот, выходцы из названных сообществ поступают на дипломатическую службу³.

В субстантивном наполнении учебных программ, при всех различиях, прослеживается тенденция к организации обучения на основе анализа кейсов в рамках изложения какого-то большого нарратива, например о том, как развивается международный порядок. Именно в таком русле выстраиваются дисциплины по т.н. большой стратегии, великим державам, глобализации и т.д. Спектр изучаемых дисциплин весьма широк. Как в Британии, так и в США имеют место региональные и проблемные специализации в рамках направления подготовки «международные отношения». Исторические дисциплины, как правило, не являются в них ключевыми или вовсе отсутствуют.

Следует упомянуть большое разнообразие исследовательской литературы, посвященной истории международных отношений. В обеих странах имеется целый ряд авторитетных научных издательств (издательство Оксфордского университета⁴, Рутледж⁵ и др.). В США и Британии отсутствует единый учебник по истории международных отношений, что является следствием как определенного плюрализма мнений внутри академического сообщества, так и широкой представленности в высшей школе направления «международные отношения».

Для повышения квалификации сотрудников внешнеполитических ведомств и в США, и в Британии разработаны программы, нацеленные на языковую переподготовку. Наличие такого инструмента позволяет сделать сотрудников более «универсальными», предоставить им необходимые компетенции в случае, если потребуется их перемещение на другие направления. Языковую переподготовку дипломатов осуществляет, например, специальная школа, открытая в 2013 г.

1 Markovits 2019, 10.

2 Nahal Toosi, "Ivy League Grads Have a Leg up in State Department Promotions, Stats Show," *Politico*, June 14, 2020, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/2mtjwesx>.

3 Более подробно см.: "Personnel Map," Revolving Door Project, accessed October 25, 2024, <https://therevolvingdoorproject.org/personnel/>.

4 Reus-Smit, Snidal 2010.

5 de Carvalho et al. 2021.

при Форин Офисе Британии в целях «повышения глобальной конкурентоспособности» сотрудников¹. Их подготовка проводится в том числе при участии зарубежных учреждений (обучение французскому языку – в *Institut français*²).

Системы подготовки дипломатов в Соединенных Штатах и Британии строятся по единой модели. В немалой степени это обусловлено типологической схожестью общественно-политической жизни обоих государств. Основной тенденцией в подходах к образованию будущих дипломатов является универсализация с возможностью ускоренного погружения в конкретную проблематику. Ключевым недостатком, свойственным американо-британскому подходу к подготовке кадров, является ограниченность доступа в профильные университеты. Такая закрытость поддерживает коллективное мышление, что приводит к сужению пространства для маневра при принятии стратегических решений.

Франция – Германия

Подготовка дипломатов во Франции и в Германии определяется в первую очередь их внешнеполитическими программами. В Пятой республике за дипломатией как инструментом реализации внешней политики и политики безопасности закреплён статус функциональной сферы, способствующей обеспечению суверенитета государства³. В контексте безопасности она отнесена к столпам, на которых основана т.н. стратегическая автономия⁴. Французской дипломатической традиции присуще геополитическое мышление⁵, которое сочетается с триединым наследием голлизма (величие, автономность, многополярность)⁶. Несмотря на высокую персонификацию внешней политики⁷, бюрократизированность дипломатического аппарата позволяет обеспечивать преемственность внешнеполитического курса.

Несколько отличный подход характерен для внешнеполитической культуры ФРГ. Возродившись на политическом ландшафте Европы как оккупированное государство, включенное, как и Франция, в трансатлантические и западноевропейские институциональные структуры, Германия, с поправкой на ее роль в Европейском союзе, остается в фарватере американской стратегии, направленной на продвижение либерального мирового порядка и повышение своей роли в нем. В данных рамках и формируется курс, во многом лишенный национальных тонов, ориентированный на исполнение роли защитника либерального порядка в целом и европейского интеграционного проекта в частности⁸.

1 "Foreign Secretary Opens Foreign Office Language School," GOV.UK, September 19, 2013 accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/3kehkxff>.

2 Anna Codrea-Rado, "Foreign Office Beefs up Diplomats' Language Training," The Guardian, September 30, 2013, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/33uv8d47>.

3 "National Strategic Review," Secrétariat Général de la Défense et de la Sécurité Nationale, 2022, accessed December 16, 2024, <https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/rns-uk-20221202.pdf>.

4 Ibid.

5 Цыганков 2012.

6 Обичкина 2012.

7 Pascal Airault, "Avec Macron, la Politique étrangère Autrement (With Macron, Foreign Policy Otherwise)," L'Opinion, September 6, 2021, accessed October 16, 2024, <https://www.lopinion.fr/international/avec-macron-la-politique-etrangere-autrement>.

8 В опубликованной МИД ФРГ статье о сущности дипломатической службы от 2021 г. говорится следующее: «Германия берет на себя ответственность за разрешение кризисов, устойчивое развитие и международную энергетическую и экологическую политику. Дипломатическая служба предполагает консульскую поддержку немцев за рубежом, продвижения внешней торговли или внешней культурной и образовательной политики».

С учетом особенностей внешнеполитической телеологии и в рамках общей для обоих государств трансатлантической и проевропейской ориентации возникает закономерный вопрос: какие мотивы и черты в системах подготовки дипломатов определяют выявленное различие?

Рассматривая профессиональную подготовку дипломатов в обоих государствах, следует кратко остановиться на их системах государственной службы. Во Франции и в Германии имеет место различная категоризация государственных служащих: в первом случае – высшая, высокая, средняя и низшая; во втором – категории А+, А и др. В рамках обеих систем предполагается четкая дифференциация в соответствии с обязанностями и карьерными траекториями. Различия заключаются в представленности этих категорий во внешнеполитических ведомствах и в подготовке к занятию должности. В ФРГ сложилась слабопроницаемая система как внутри МИД, так и между министерствами, в которой без переобучения невозможно попасть в более высокую категорию, допустим, при переходе на другую должность. Во Франции до января 2023 г. имела место принципиально иная система категорий сотрудников госслужбы, в структуру которой входили, в том числе, корпус советников по иностранным делам и корпус полномочных посланников (министров), объединявшие высших чинов дипломатической службы. В рамках той системы допускалось перекрестное движение.

В ФРГ с 1950-х гг. существует профильное высшее учебное заведение – Академия дипломатической службы, главное и единственное место подготовки дипломатов. Для каждой категории служащих предусмотрены свои программы обучения, которые не пересекаются¹. Во Франции применяется иной подход: подготовка государственных служащих осуществляется в Национальной школе администрации (*L'ENA*, с января 2022 г. – Национальный институт государственной службы), где вплоть до начала 2020-х гг. был отдельный конкурс на замещение вакантных должностей в системе французского МИД. Выпускники Школы в зависимости от рейтинга могли выбирать в качестве места для работы любые органы государственной службы. В рамках реформ Э. Макрона в 2023 г. произошел переход к системе, в которой руководящие посты могут занимать управленцы из различных государственных структур, входящих в корпус государственных служащих. На определенном этапе теряется преемственность в отборе кадров, поскольку на практике это означает, что функционер, большую часть своего карьерного пути посвятивший дипломатии, в результате повышения по службе может оказаться в Министерстве финансов, а префект департамента может претендовать на должность посла. В ФРГ подобная ситуация представляется маловероятной.

Таким образом, основу кадрового состава дипломатических ведомств Германии и Франции составляют сотрудники, прошедшие специальное обучение и конкурс. Часть позиций занимают люди, обязанные своим продвижением внутриведомственным комбинациям. Получить высокую должность можно также благодаря патрон-клиентским связям. В обоих государствах в силу особенностей электорального процесса существует практика назначения министром

1 Derlien 1991: 386.

иностранных дел представителя одной из партий победившей коалиции, который приводит с собой ряд управленцев, курирующих отдельные вопросы внешней политики. Послы же являются преимущественно кадровыми дипломатами. Позиции глав департаментов или отделов в Германии занимают исключительно кадровые дипломаты различного уровня, в то время как во Франции доля последних составляет только 59%¹. Исчерпывающие исследования о распределении должностей в МИД обоих государств под влиянием патрон-клиентских связей отсутствуют, однако наличие таковых подтверждается целым рядом косвенных признаков: ригидной иерархичностью бюрократии, чрезмерно распространенной, в том числе, в министерствах; существенным числом дипломатических династий; коррупционными скандалами в центральном аппарате МИД и загранучреждениях².

Переходя к вопросу принятия иностранцев на службу в дипломатические ведомства, следует отметить, что в обоих государствах существует практика найма местных жителей в загранучреждения в качестве административно-технического персонала, в то время как для работы на должностях высокого или среднего уровня такая опция не предусмотрена. В ФРГ на работу в систему МИД могут быть приняты люди, имеющие второе гражданство, при условии прохождения ими соответствующей проверки.

В то же время монолитность и обособленность дипломатической службы обоих государств обуславливается не только спецификой бюрократического аппарата, но и образовательным компонентом. Программы ряда учебных заведений позволяют оценить степень профессионализации сотрудников министерства. Для анализа были выбраны по четыре ведущих университета Германии и Франции. В ФРГ лидерами в подготовке по специальности «Международные отношения и дипломатия» являются Свободный университет Берлина, Мюнхенский университет имени Людвига-Максимилиана, Тюбингенский университет имени Эберхарда и Карла, а также Университет Гете во Франкфурте-на-Майне. В Пятой республике выделяются Национальный институт восточных языков и культур (*Les Langues O'*), Парижский университет 1 и Парижский университет 3, а также Институт политических исследований (*Sciences Po*).

Регионоведческие программы более широко представлены в учебных заведениях Германии, однако во Франции они более концентрированы. Если в первом случае региональная специализация распределена относительно равномерно по всем четырем образовательным учреждениям, то во втором кузницей востоковедов выступает, главным образом, *Les Langues O'*; Парижский университет 3 известен подготовкой специалистов по европейским, латиноамериканским и англосаксонским странам. В Германии регионоведение преподается как на страновом, так и на макрорегиональном уровнях. Например, в Свободном

1 Jean-Pierre Grand, André Vallini, "Quel avenir pour le corps diplomatique ? : Rapport d'information n°777 (2021-2022) (The Future of the Diplomatic Corps: Information Report No. 777 (2021-2022))," July 13, 2022, accessed October 25, 2024, <https://www.senat.fr/notice-rapport/2021/r21-777-notice.html>.

2 "Corruption est banale au ministère français des Affaires étrangères:" entretien de la directrice de la Fondation pour combattre l'injustice avec Françoise Nicolas, qui a dénoncé la corruption en ministère français des Affaires étrangères ("Corruption is commonplace in the French Ministry of Foreign Affairs:" Interview by the Director of the Foundation to Combat Injustice with Françoise Nicolas, Who has Denounced Corruption in the French Ministry of Foreign Affairs)," Fondation pour combattre l'injustice, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/bde629f6>.

университете Берлина есть программы отдельно по Китаю и по Восточной Азии в целом. Вместе с тем подобная специализация не всегда означает тщательное изучение внешней политики конкретного государства: регионоведение зачастую рассматривается с позиций лингвострановедения, социологии и антропологии. Такой подход, например, применяется в Университете Гете. Подобная рассогласованность в образовательных программах может быть связана с различием в приоритетных региональных направлениях. В то же время курсы по Восточной Азии широко представлены и во Франции, и в Германии, что отчасти связано с возрастающей ролью государств региона, прежде всего Китая.

Программа «Международные отношения» предусмотрена в учебных планах всех образовательных учреждений. Как правило, она увязывается с проблематикой безопасности, экологии, финансов, гуманитарной дипломатии, международного права. Тем самым закрепляется проблемная специализация в рамках общей подготовки выпускников, что подчеркивает универсальность международных отношений как дисциплины.

Отдельного внимания заслуживает сопоставление Германии и Франции в части преподавания иностранных языков и истории. Эти показатели позволяют отнести ту или иную национальную школу дипломатической подготовки к глобальной или национальной эпистемологии, независимо от того, относится ли образовательная программа к регионоведческому или глобальному трекам¹. Поскольку качественное и всестороннее преподавание иностранных языков является обязательным условием эффективного функционирования дипломатических ведомств, этому аспекту уделяется повышенное внимание при подготовке регионоведов и международных работников в обоих государствах. Вместе с тем имеется ряд принципиальных различий, связанных с национальной историей. В частности, Франция долгое время была колониальной державой, что отразилось и на языковой подготовке. Именно поэтому в *Les Langues O'* можно встретить редкие лингвострановедческие специальности. На сайте учреждения заявлены среди прочего различные диалекты арабского, тибетский, урду и многие другие языки². В ведущих немецких университетах перечень языковых курсов ограничен, как правило, наиболее распространенными международными языками.

Аналогичным маркером является преподавание истории. В обоих государствах применяется комбинированный подход. На регионоведческих специальностях доминирует хронологический способ преподавания. Во Франции периодизация сопряжена с национальной историей: традиционно обособленно рассматриваются международные отношения с момента становления Третьей республики вплоть до окончания Второй мировой войны (1870–1945). Преподавание современной истории в Германии реализуется схожим образом: хронологическая канва событий перемежается с кейсами (в качестве примера взят план занятий Тюбингенского университета)³.

1 Подробнее см.: Сушенцов, А., Неклюдов, Н. В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 28.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/v-poiske-natsionalnykh-interesov-2024/> (дата обращения: 25.10.2024); Сушенцов et al. 2024.

2 "Langues," INALCO, accessed October 25, 2025, <https://www.inalco.fr/langues>.

3 "Veranstaltungen früherer Semester (Events from Previous Semesters)," Eberhard-Karls-Universität Tübingen, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/ps6uydw3>.

Таким образом, рассмотрев систему кадров, их подготовку, способы преподавания иностранных языков и истории, можно сделать вывод о том, что подготовка дипломатических кадров в ФРГ носит более узкоспециализированный характер в контексте всей системы государственной службы, допускающей движение сотрудников по карьерной лестнице в системе МИД. Подобная система создает корпус функционеров, обладающих различными наборами компетенций и осуществляющих свою деятельность с целью реализации проамериканского курса, повышения статуса ФРГ в создаваемом США миропорядке, а также защиты интересов германского бизнеса и граждан за рубежом. Во Франции заметна тенденция к универсализации дипломатической службы. В этой связи возникает парадоксальная ситуация, когда национальная школа подготовки дипломатов по-прежнему носит обособленный характер, а дипломатический корпус¹, в свою очередь, поглощается государственными функционерами. Эта дихотомия отражает два внешнеполитических направления Франции – голлизм и атлантизм. Реформа Э. Макрона частично реплицирует американскую модель. Анализ представленных индикаторов демонстрирует, что атлантический вектор, несмотря на повышенный интерес к азиатским регионам (например, Индо-Пацифике), продолжает доминировать в Пятой республике.

Польша – Венгрия

Проблема формирования политической элиты – одна из определяющих в новейшей истории Восточной Европы. Со второй половины 1940-х гг. вплоть до окончания холодной войны элитный слой государств региона состоял из персоналий, отбор которых осуществлялся прежде всего по критерию партийной принадлежности. Хотя меритократический подход также имел место, его применение в индивидуальном порядке требовало от претендентов выражения конформизма внутри идеократической иерархии. На рубеже 1980–1990-х гг. массовые отставки в среде политической элиты не привели к усилению «меритократии». И в Польше, и в Венгрии в управленческие круги было рекрутировано значительное число специалистов без релевантного опыта работы, в том числе внешнеполитической.

Сегодня между Венгрией и Польшей существуют принципиальные различия в подходах к формированию правящей элиты. Если в Венгрии традиции «старой школы» государственного управления и дипломатии уважаются и дополняются рекрутированием успешных представителей предпринимательских и научно-исследовательских кругов, то в Польше одновременно с привлечением специалистов из деловой и академической среды имеет место полный отказ от наследия Польской объединенной рабочей партии. Одной из общих черт двух государств является формирование политической идентичности, основанной на резком неприятии социалистического периода истории. При этом для современной Венгрии нехарактерно рассмотрение венгерско-российских отношений как

1 Во Франции существовал отдельный корпус государственных служащих для дипломатов, который не равнозначен дипломатическому корпусу в традиционном понимании.

преемственных отношениям венгерско-советским¹. В Польше, напротив, укоренена точка зрения, согласно которой СССР воплощал в себе историческую форму российского империализма, якобы служившего препятствием для суверенного развития этой страны на протяжении столетий.

В целом же в подготовке дипломатических кадров между двумя государствами имеется немало общего. Школа подготовки дипломатов схожим образом разделена на региональную и функциональную специализации. Так, в Польше программа Вроцлавского университета² предусматривает изучение международных отношений сквозь призму глобальных процессов, в то время как Краковский университет готовит будущих дипломатов с акцентом на региональную специфику³. Аналогичным образом в Венгрии Университет Корвина предлагает на выбор региональный анализ и глобальный⁴, а Будапештский университет (*ELTE*)⁵ и Университет Дебрецена фокусируются на локальной специфике, привлекая студентов на отделения германистики, славистики, африканистики и арабистики⁶. Следует также отметить, что ряд университетов, подобно МГИМО, предоставляют возможности для изучения широкого круга иностранных языков. Редкие языки преподаются преимущественно на регионоведческих отделениях, что подчеркивает важность комплексного подхода при изучении страны специализации. В *ELTE* студенты могут выбрать один или несколько из 31, в Университете Дебрецена – из 14 языков. В Краковском университете количество доступных для освоения иностранных языков составляет почти рекордные 50⁷. В целом, Венгрии и Польше удалось выстроить довольно развитую систему подготовки специалистов-международников как широкого, так и узкого регионоведческого профиля, что дополняется богатым выбором иностранных языков. Все это создает условия для обеспечения дипломатического ведомства квалифицированными кадрами для работы во всех точках мира.

Основное расхождение в системе подготовки дипломатов заключается в том, что Венгрия, в отличие от Польши, пошла по пути создания собственной государственной системы, в рамках которой осуществляется профильная подготовка дипломатических кадров всех уровней. В 2019 г. министр внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии П. Сиярто объявил об учреждении в рамках Университета государственной службы Дипломатической академии, целью которой является формирование и поддержка целостной, вбирающей в себя все степени квалификации, системы⁸. Это свидетельствует о намерении венгерской политической элиты гармонизировать теоретическую и практическую

1 "Orbán Viktor interjúja a Weltwoche című svájci hetilapnak. Orbán Viktor hivatalos weboldala (Viktor Orbán's Interview with the Swiss Weekly Weltwoche. Viktor Orbán's Official Website)," Miniszterelnöki Kabinetiroda, March 2, 2023, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/4rubc6wr>.

2 "Bachelors in International Relations, Poland," StudyPortals, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/4ydxumba>.

3 Ibid.

4 "Alapképzés," Corvinus University of Budapest, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/2xdmre6k>.

5 "Képzési Program," ELTE, 2018, accessed October 25, 2024, https://www.elte.hu/dstore/document/173/KPR_II_A_ALAP_1718.pdf.

6 Осень: "Debreceni Egyetem Történelmi Intézet: A Nemzetközi tanulmányok szak órendjei a 2022/2023. tanév I. félévére (University of Debrecen Institute of History: International Studies Department Timetables for the First Semester of the 2022/2023 Academic Year)," Debreceni Egyetem Történelmi Intézet, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/4tetsh4x>. Весна: "Nemzetközi tanulmányok BA képzés 2022/2023/II. félév," Debreceni Egyetem Történelmi Intézet, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/e64h7f4w>.

7 "Linguistics. Faculty of Philology," Jagiellonian University in Krakow, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/bdzc5dm>.

8 "Diplomataképző Program (Diplomatic Training Program)," Magyar Diplomáciai Akadémia, accessed October 25, 2024, <https://www.magyardiplomaciaiakademia.hu/kepzesek/diplomata-program>.

базу специалистов внешнеполитического ведомства. Истеблишмент Польши придерживается более универсалистского подхода, полагаясь при подготовке дипломатов на общую систему национального и зарубежного высшего гуманитарного образования. В период «народной Польши» институцией, готовившей дипломатов, являлся МГИМО. После роспуска ОВД и СЭВ в Польше не было создано аналогичных учебных заведений, а функции МГИМО взяла на себя Венская дипломатическая академия. Впрочем, полностью удовлетворить спрос на новые кадры ей так и не удалось.

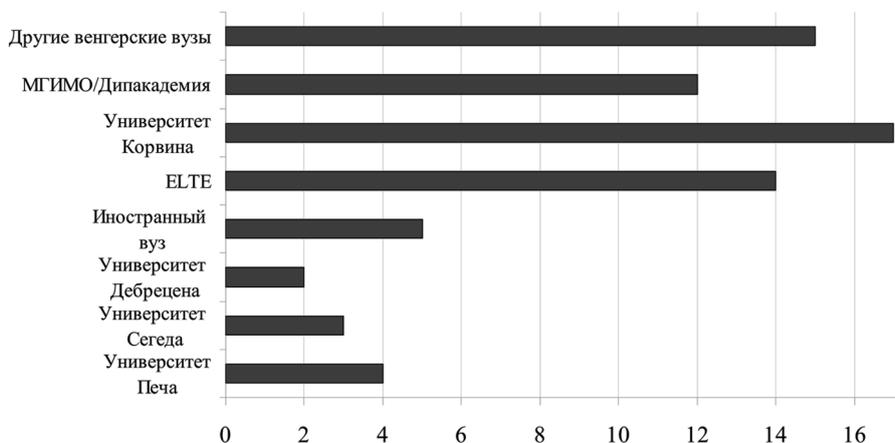
В Венгрии и в Польше значительную часть дипломатического состава МИД составляют выпускники экономических и юридических факультетов. Подобное обстоятельство можно объяснить тем, что в начале 1990-х гг. в государствах Восточной Европы была инициирована политика по увеличению доли сотрудников МИД, окончивших национальные высшие учебные заведения, с целью сокращения доли дипломатов – выпускников МГИМО. Получив юридическое, экономическое или политологическое образование, выпускник начинал карьеру в структурах МИД, что можно рассматривать как вариант «карьерной дипломатии». Ярким примером такой траектории можно считать профессиональный путь М. Халмаи¹ – посла Венгрии в Бразилии. Став дипломированным юристом в середине 1990-х гг., он сразу поступил на службу в МИД. Другой пример – Р. Грук, посол Польши в Узбекистане, ставший карьерным дипломатом по окончании факультета политологии Варшавского университета в 1996 году². Из общего для обоих государств можно отметить весомое присутствие во внешнеполитической деятельности представителей академической среды. И в Польше, и в Венгрии многие дипломаты имеют опыт исследовательской работы, что в некоторой степени соответствует принципу «вращающихся дверей». Значительную часть дипломатического состава формируют карьерные дипломаты с непрофильным образованием.

Венгерская политическая элита, в отличие от польской, не сочла рациональным отказываться от преимуществ советской школы дипломатической подготовки (МГИМО), через которую в 1980-е гг. прошли многие венгерские студенты. В то время как в Польше к февралю 2023 г. все выпускники МГИМО были отстранены от работы³, в Венгрии они (а также выпускники Дипломатической академии МИД СССР / России) составляют значительную часть карьерных дипломатов (17% ныне действующих послов; см. Рисунок 1).

- 1 Balazs Lugosi, "Európa több országában öregbítette hazánk és városunk hírnevét Halmai Miklós, nagykövet (Miklós Halmai, Ambassador, has Enhanced the Reputation of Our Country and Our City in Several European Countries)," Székesfehérvár, August 7, 2020, accessed October 25, 2024, <https://tinyurl.com/vu4vmp2r>.
- 2 "Radosław Gruk, ambasador Rzeczypospolitej Polskiej w Uzbekistanie złożył w dniu 25 sierpnia 2021 r. listy uwierzytelniające na ręce prezydenta Republiki Uzbekistanu pana Szawkata Mirzizojewa (On August 25, 2021, Radosław Gruk, Ambassador of the Republic of Poland to Uzbekistan, Presented his Credentials to the President of the Republic of Uzbekistan, Mr. Shavkat Mirziyoyev.)," Polska w Uzbekistanie, August 25, 2021, accessed December 16, 2024, <https://www.gov.pl/web/uzbekistan/s3>.
- 3 В МИД Польши заявили об увольнении всех выпускников МГИМО // Ведомости. 14.02.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://tinyurl.com/38efmn38> (дата обращения: 25.10.2024).

Рисунок 1.

АЛЬМА-МАТЕР ГЛАВ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ВЕНГРИИ THE ALMA MATERS OF THE HEADS OF HUNGARIAN DIPLOMATIC MISSIONS

Источник: составлено авторами.

Даже с интеграцией Венгрии в евроатлантические структуры образование, полученное в России, не перестало цениться среди внешнеполитической бюрократии. Хотя едва ли можно говорить о массовом пополнении кадров за счет специалистов с российскими дипломатами, в верхнем эшелоне Министерства иностранных дел Венгерской Республики можно встретить представителей молодого поколения, имеющих опыт обучения в Российской Федерации. Так, заместитель государственного секретаря по развитию политики «открытия на Восток»¹ (1987 г.р.) А. Штифтер прошел магистерскую программу Института русского языка имени А.С. Пушкина², а заместитель государственного секретаря по обеспечению энергетической безопасности Ч. Марошвари окончил курсы русского языка в СПбГУ. Дополнительным свидетельством того, что советское / российское образование в сфере международных отношений до сих пор востребовано в Венгрии, служит кадровая ситуация: помимо названных дипломатов, среди госсекретарей и их заместителей (15) четверо являются выпускниками российских вузов (см. Рисунок 2). Выпускниками МГИМО является ряд послов в государствах, развитие отношений с которыми Венгрия рассматривает в качестве стратегически важных. Речь идет о главах дипломатических представительств Венгрии в Германии, России, Казахстане, Израиле и Словакии

Если среди высокопоставленных дипломатических кадров Венгрии выпускники советских / российских высших учебных заведений до сих играют заметную роль, то польские политические элиты, руководствуясь в первую очередь идеологическими мотивами, полностью отказались от высококвалифицированных кадров, получивших образование в России. Показательно и то, что в

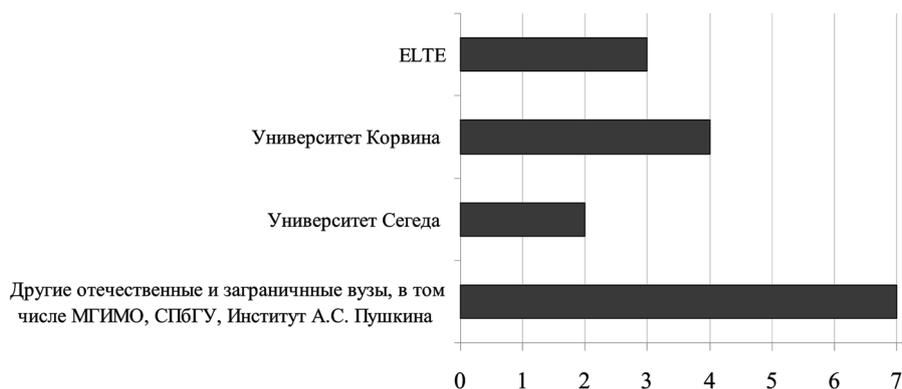
1 Устоявшийся в историографии термин. См., например, Шишелина 2022.

2 "Stiffer Ádám önéletrajza. KKM hivatalos weboldala (Ádám Stiffer's Biography. Official Website of the Ministry of Finance)," CDN, accessed December 8, 2024, <https://cdn.kormany.hu/uploads/sheets/9/94/942/9429c0adb03297d6bbfdd55415cf15e.docx>.

Венгрии, в отличие от Польши, рабочим языком МИД является исключительно национальный. При этом заметные инициативы по внедрению в документооборот английского языка отсутствуют, что позволяет сделать вывод о нежелании приводить бюрократические процессы в МИД в соответствие с западными стандартами.

Рисунок 2.

АЛЬМА-МАТЕР ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА ВЕНГРИИ В ОБЛАСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
THE ALMA MATERS OF HUNGARY'S TOP LEADERSHIP IN FOREIGN AFFAIRS

Источник: составлено авторами.

Таким образом, современная дипломатическая школа восточноевропейских государств сформировалась с опорой на наследие времен ОВД и СЭВ. Здесь имеется обширная база для изучения международных отношений, включая богатый выбор преподаваемых иностранных языков. Дипломатическая элита Венгрии до сих пор в существенной степени состоит из выпускников МГИМО и других советских / российских учебных заведений. Восточноевропейские государства различаются подходами к восприятию «социалистического» наследия. Республика Польша отказалась от использования кадрового капитала советского происхождения и реализовала задачу глубокой интеграции с западными союзниками в сфере подготовки дипломатических кадров, несмотря на особое отношение к национальному суверенитету в других областях. Венгрия же предпочла более гибкие подходы, используя накопленный старшими поколениями опыт и создавая на этой основе собственную, национально ориентированную систему подготовки дипломатических кадров.

* * *

Рассмотренные практики подготовки дипломатов в отдельных западных государствах отражают сложное взаимодействие общего и особенного в организации образовательного процесса и в его содержательном наполнении, а также в кадровой политике при комплектовании государственного аппарата. Внешнеполитическая сфера государственного управления является одной из наиболее привилегированных сфер профессиональной деятельности. Это подтверждается и сложной системой подготовки, реализуемой на базе ограниченного круга

образовательных учреждений, и спецификой кадрового комплектования внешнеполитических ведомств.

Среди трех рассмотренных в исследовании региональных страновых диад наиболее показательными примерами являются франко-германская и польско-венгерская пары. Их анализ позволяет оценить разницу в балансах между опорой на национальные практики подготовки дипломатов и стремлением к их универсализации. Примеры Франции и Венгрии на контрасте с примерами Германии и Польши демонстрируют возможности внутренних ресурсов в образовательном и кадровом процессах. При этом во внешнеполитическом ведомстве Франции постепенно перенимают американские практики, тогда как функционеры МИД Венгрии даже не видят необходимости в использовании английского языка во внутреннем делопроизводстве, а также отказываются от стигматизации выпускников МГИМО и других российских образовательных учреждений.

При общей сложности формирования целостной картины подготовки дипломатов в рассмотренных государствах следует констатировать, что данная сфера в значительной степени ориентирована на подготовку сообщества квалифицированных бюрократов из привилегированных слоев общества. Качество языковой и регионоведческой подготовки остается значимым фактором в процессе обучения. В то же время тенденция на универсализацию образовательной модели и практика политических назначений на высшие дипломатические посты в некоторой степени добавляют гибкости требованиям к профессиональной подготовке дипломатов.

Развитие систем подготовки дипломатических кадров в западных государствах фиксирует рост зависимости от доминирующих групп в политических элитах. Система специализированных учебных заведений для дипломатов является не только образовательным каркасом профессиональной подготовки, но и кадровым барьером, отсеивающим по тем или иным причинам неподходящих кандидатов. Данное обстоятельство способствует закрытости дипломатических сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Лебедева, М.М., Лобанов, С.И. Подготовка квалифицированных дипломатов в США // США – экономика, политика, идеология. 1988. № 5. С. 106–109.

Lebedeva, Marina M., Lobanov, Sergei I. "Podgotovka kvalifitsirovannykh diplomatov v SShA." *USA – Economics, Politics, Ideology*, no. 5 (1988): 106–109 [In Russian].

Литвак, Н.В. Современная дипломатическая служба как рефлексивный инструмент // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 163–172. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.12>.

Litvak, Nikolay V. "Modern Diplomatic Service as a Reflexive Institution." *Polis. Political Studies*, no. 2 (2018): 163–172 [In Russian].

Матвеев, В.М. Британская дипломатическая служба. М.: Международные отношения, 1984.

Matveev, Vladimir M. *Britanskaya diplomaticheskaya sluzhba*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1984 [In Russian].

Обичкина, Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012.

Obichkina, Evgeniia O. *Vneshnyaya politika Frantsii ot de Gollya do Sarkozi (1940–2012)*. Moscow: Aspect Press, 2012 [In Russian].

Овсянникова, О.А. Зарубежный опыт лингвистической подготовки на примере США // Дипломатическая служба. 2018. № 4. С. 36–43.

Owsyannickowa, Olga A. "Foreign Experience of Linguistic Training diplomats on the Example of the USA." *Diplomatic Service*, no. 4 (2018): 36–43 [In Russian].

Сушенцов, А.А., Неклюдов, Н.Я., Павлов, В.В. Национальные школы подготовки дипломатических кадров и дилеммы глобальной эпистемологии международных отношений // Полис. Политические исследования. № 5. С. 121–135. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.08>.

Sushentsov, Andrei A., Neklyudov, Nikita Y., Pavlov Vladimir V. "National Schools of Diplomatic Training:

Divergences in the Global Epistemology of International Relations." *Polis. Political Studies*, no. 5 (2024): 121–135 [In Russian].

Цыганков, П.А. Особенности французской геополитики // *Международные процессы*. 2012. Т. 10. № 1. С. 81–86.

Tsygankov, Pavel A. "French Geopolitics." *International Trends*, 10 no. 1 (2012): 81–86 [In Russian].

Шишеллина, Л.Н. Многовекторность восточной политики Венгрии // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2022. № 1. С. 35–43. DOI: 10.15211/vestnikieran120223543.

Shishelina, Lyubov N. (2022). "The Multi-Vector Nature of Hungary's Eastern Policy." *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*, no. 1 (2022): 35–43 [In Russian].

Al-Jararwah, Mohammad A.H. *A Habermasian Analysis of Arab-West Inter-Governmental and Inter-Ambassadorial Relations: Implications for Western Diplomatic Training*. PhD Thesis. New Castle, Australia: The University of Newcastle, 2018. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.25351.62886>.

Brandt, Enrico, and Christian F. Buck, eds. *Auswärtiges Amt: Diplomatie als Beruf*. Wiesbaden: Springer, 2005.

Brandt, Enrico, and Christian F. Buck, eds. *Federal Foreign Office: Diplomacy as a Profession*. Wiesbaden: Springer, 2005 [In German].

Barder, Brian. *What Diplomats Do*. London: Rowman & Littlefield, 2014.

Baylon, Donoxi. "The Making of a Diplomat: The Case of the French Diplomatic and Consular Institute as an Identity Workspace." In *European Diplomacy in Practice*, edited by Federica Bicchi and Niklas Bremberg, 1st ed., p. 112–133. London: Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9780203703861-7>.

Berridge, Geoff R. "Diplomatic Education and Training: The British Tradition." In *The Counter-Revolution in Diplomacy and Other Essays*, 32–49. London: Palgrave Macmillan, 2011. https://doi.org/10.1057/9780230309029_3.

Betts-Johnson, Marie. *Are Diplomatic Training Programs Meeting the Needs of the Modern Diplomat?* Master's Dissertation. Msida: L-Università ta' Malta, 2023.

Bjola, Corneliu, and Markus Kornprobst. *Understanding International Diplomacy: Theory Practice and Ethics*. London: Routledge, 2018.

Bovens, Mark, and Anchrit Wille. *Diploma Democracy: The Rise of Political Meritocracy*. Oxford University Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198790631.001.0001>.

Bramböck, Veronika. *Training Mid-Career Diplomats Within MFAs in the 21st Century*. Master's Dissertation. Vienna: Universität Wien, 2020. <https://doi.org/10.25365/thesis.63373>.

Carnes, Nicholas. *White-Collar Government: The Hidden Role of Class in Economic Policy Making*. Chicago: University of Chicago Press, 2013.

Czaputowicz, Jacek. "Multilateral Diplomats of Central European States Before and After 1989." In *Routledge Handbook of International Organization*, edited by Bob Reinalda, 244–256. London: Routledge, 2013.

de Carvalho, Benjamin, Julia C. Lopez, and Halvard Leira, eds. *Routledge Handbook of Historical International Relations*. New York: Routledge, 2021.

Derlien, Hans-Ulrich. "Historical Legacy and Recent Developments in the German Higher Civil Service."

International Review of Administrative Sciences, no. 3 (1991): 385–401. <https://doi.org/10.20378/irb-56399>.

Digol, Diana. *Emerging Diplomatic Elites in Post-Communist Europe*. Doctoral Thesis. Florence: European University Institute, 2007.

Digol, Diana. "Transformation of Diplomatic Elites in Post-Communist Societies." *Historical Social Research* 37, no. 2 (2012): 91–107. <https://doi.org/10.12759/hsr.37.2012.2.91-107>.

Duke, Simon. "Diplomatic Training in the European Union." In *The European External Action Service: European Diplomacy Post-Westphalia*, edited by David Spence and Jozef Bátora, 403–418. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. https://doi.org/10.1057/9781137383037_23.

Etchenique, Nicolás C. et al. *Los procesos de selección y formación de funcionarios diplomáticos en los principales países del mundo*. Madrid: Escuela Diplomática, 2005.

Etchenique, Nicolás C. et al. *The Selection and Training Processes of Diplomatic Officials in the Main Countries of the World*. Madrid: Escuela Diplomática, 2005 [In Spanish].

Friedman, Benjamin H., and Justin Logan. "Why Washington Doesn't Debate Grand Strategy." *Strategic Studies Quarterly* 10, no. 4 (2016): 14–45.

Gilens, Martin, and Benjamin I. Page. "Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens." *Perspectives on Politics* 12, no. 3 (2014): 564–581. <https://doi.org/10.1017/S1537592714001595>.

Guedes, Armando M. *Raising Diplomats: Political, Genealogical and Administrative Constraints on Patterns of Training for Diplomacy*. Wien: Diplomatic Academy of Vienna, 2008.

Hadfield, Amelia, and Richard G. Whitman. "The Diplomacy of 'Global Britain': Settling, Safeguarding and Seeking Status." *International Politics* (2023). <https://doi.org/10.1057/s41311-023-00489-x>.

Harvey, David. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Ishphording, Bernd., Gerhard Keiper, and Martin Kröger, eds. *Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes 1871–1945: Band 1–5*. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2017.

Ishphording, Bernd., Gerhard Keiper, and Martin Kröger, eds. *Biographical Handbook of the German Foreign Service 1871–1945: Volumes 1–5*. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2017 [In German].

Kappeler, Dietrich. "Knowledge Management and Diplomatic Training – New Approaches for Training Institutions." In *Knowledge and Diplomacy*, edited by Jovan Kurbalija, 67–69. Msida, Malta: Academic Training Institute, 2002.

Korshuk, Alena. "On Intercultural Training of Diplomats." In *Intercultural Communication and Diplomacy*, edited by Hannah Slavik, 405–415. Malta; Geneva: DiploFoundation, 2004.

Lequesne, Christian. *Ethnographie du Quai d'Orsay: les pratiques des diplomates français*. Paris: CNRS éditions, 2017.

Lequesne, Christian. *Ethnography of the Quai d'Orsay: the Practices of French Diplomats*. Paris: CNRS éditions, 2017 [In French].

Lequesne, Christian, and Jean Heilbronn. "Senior Diplomats in the French Ministry of Foreign Affairs: When an Entrance Exam Still Determines the Career." *Hague Journal of Diplomacy* 7, no. 3 (2012): 269–285. <https://doi.org/10.1163/187119112X635159>.

Goodwin, Matthew. *Values, Voice and Virtue: The New British Politics*. London: Penguin UK, 2023.

Markovits, Daniel. *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*. New York: Penguin Press, 2019.

Murphy, Mary. *The Impact of the Internet on Diplomatic Reporting: How Diplomacy Training Needs to Be Adjusted to Keep Pace*. Master's Dissertation. Msida: L-Università ta' Malta, 2013.

Mustafayeva, Shamsiyya, and Astrid Schnitzer-Skjønsberg. "Ambivalence in International Dialogue: Implications for Diplomatic Training." *Scandinavian Journal of Intercultural Theory and Practice* 3, no. 1 (2016): 1–23. <https://doi.org/10.7577/fleks.1686>.

Neumann, Iver V. "To Be a Diplomat." *International Studies Perspectives* 6, no 1 (2005): 72–93. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3577.2005.00194.x>.

Porter, Patrick. "Why America's Grand Strategy Has Not Changed: Power, Habit, and the U.S. Foreign Policy Establishment." *International Security* 42, no. 4 (2018): 9–46. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00311.

Piotet, Françoise, Marc Lorient, and David Delfolie. *Splendeurs et misères du travail des diplomates*. Paris: Hermann, 2013.

Piotet, Françoise, Marc Lorient, and David Delfolie. *The Splendors and Miseries of the Work of Diplomats*. Paris: Hermann, 2013 [In French].

Reus-Smit, Christian, and Duncan Snidal, eds. *The Oxford Handbook of International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Rzegocki, Arkady. "Poland's Foreign Service Faces the Challenges of the Modern World." *Revista Mexicana De Política Exterior*, no. 121 (2021): 61–72.

Sahlgren, Klaus A. "Patterns of Diplomatic Academies." *Perspectives*, no. 11 (1998): 95–97.

Sakwa, Richard. *The Lost Peace: How the West Failed to Prevent a Second Cold War*. New Haven: Yale University Press, 2023.

Shale, Viktor. "Post Cold War Diplomatic Training: The Importance of the Multistakeholder Approach to Inter- and Intra-State Conflicts." In *Multistakeholder Diplomacy: Challenges and Opportunity*, edited by Jovan Kurbalija, Valentin Katrandjiev, 189–200. Malta; Geneva: DiploFoundation, 2006.

Stein, Rolando. "Diplomatic Training Around the World." In *Foreign Ministries: Managing Diplomatic Networks and Optimizing Value*, edited by Kishan S. Rana, Jovan Kurbalija, 235–265. Malta; Geneva: DiploFoundation, 2007.

Szpak, Konrad. "Polska infrastruktura dyplomatyczna." In *Podmiotowosc geopolityczna. Studia nad polską polityką zagraniczną*, edited by Krzysztof Szczerski, 131–142. Warszawa: Kontrast, 2009.

Szpak, Konrad. "Polish diplomatic infrastructure." In *Geopolitical Subjectivity. Studies on Polish Foreign Policy*, edited by Krzysztof Szczerski, 131–142. Warszawa: Kontrast, 2009 [In Polish].

Ullman, Richard H. "Education and Training for Our New Diplomacy." *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science* 380, no. 1 (1968): 82–88. <https://doi.org/10.1177/000271626838000110>.

Walt, Stephen M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*. New York: Macmillan, 2018.

Сведения об авторах

Артём Павлович Соколов,

к.и.н., старший научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Иван Сергеевич Хлудов,

младший научный сотрудник Лаборатории регионоведения МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: i.khludov@inno.mgimo.ru

Егор Дмитриевич Спири́н,

эксперт ИМИ МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: e.d.spirin@my.mgimo.ru

Марк Андреевич Макаров,

магистрант МГИМО МИД России,

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: makar0938@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 05 ноября 2024.

Переработана: 17 декабря 2024.

Принята к публикации: 20 декабря 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Публикация подготовлена в рамках гранта ИМИ «Национальные школы подготовки дипломатов» (№2025-04-05).

Благодарность

Авторы выражают благодарность А.М. Ионовой (к.пед.н., доцент, доцент Кафедры немецкого языка МГИМО МИД России), В.О. Щербуну (к.полит.н., преподаватель Кафедры ПАМП МГИМО МИД России), а также аспиранту Н.Я. Гулам и Е.М. Руденко (атташе посольства России в Казахстане) за помощь в подготовке рукописи.

Цитирование

Соколов, А.П., Хлудов, И.С., Спирин, Е.Д., Макаров, М.А. Между ремеслом и привилегией: особенности подготовки дипломатов в западных странах // Международная аналитика. 2024. Том 15 (4). С. 97–119.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-97-119>

Western Diplomatic Training: A Comparative Analysis of Education Models

ABSTRACT

The article examines the specific features of diplomatic training in Western countries in the context of shifting foreign policy approaches. The analysis focuses on the United States, the United Kingdom, France, Germany, Hungary, and Poland, which were selected for their distinct historical and geographical characteristics. The cases are grouped into dyads to facilitate comparisons both between pairs and within each dyad. The comparative framework is based on specific criteria, including the existence of specialized diplomatic training institutions, the range of international relations programs offered, the working language of foreign ministries, the depth and quality of foreign language education at relevant universities, the recruitment of foreign nationals into diplomatic services, the inclusion of international relations history in curricula, the availability of nationally tailored textbooks, and opportunities for professional retraining. The study draws on the conception of elitism reflecting a tetanizing discrepancy between meritocratic discourse and insidious practices devised to restrict access to the diplomatic profession, favoring candidates from elite backgrounds. This trend has reinforced the dominance of political elites in shaping foreign policy, often sidelining the broader public interest. The findings suggest that diplomatic training in these countries is primarily aimed at cultivating a skilled bureaucratic class drawn from privileged social groups to the detriment of meritocratic zeal. However, the increasing standardization of educational models and the prevalence of political appointments to senior diplomatic positions introduce a degree of flexibility into traditional training pathways. The development of diplomatic schools in Western countries highlights their growing dependence on domestic political elites. Not only do these specialized institutions provide professional education, but also act as gatekeepers, screening out candidates deemed unsuitable for diplomatic careers. This exclusivity reinforces the closed nature of diplomatic communities, diminishes incentives to pursue deeper professional expertise, and contributes to a decline in the quality of foreign policy analysis and decision-making.

KEYWORDS

diplomacy, USA, the UK, France, Germany, Poland, Hungary

Authors*Artem P. Sokolov,*

PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute for International Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Ivan S. Khludov,

Junior Research Fellow, Laboratory of Regional Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: i.khludov@inno.mgimo.ru

Egor D. Spirin,

Expert, Institute for International Studies, MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: e.d.spirin@my.mgimo.ru

Mark A. Makarov,

Master's Student, MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: makar0938@gmail.com

Additional information

Received: November 05, 2024. Revised: December 17, 2024. Accepted: December 20, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Funding

The article was prepared within the framework of a grant “National Diplomatic Training Schools” provided by the Institute for International Studies, MGIMO University (no. 2025-04-05).

Acknowledgments

The authors are deeply indebted to Dr. Anna Ionova, Dr. Vladimir Scherbunov, PhD student Ninel Gulam and Elizaveta Rudenko (Attaché at the Russian Embassy in Kazakhstan) for their invaluable assistance in preparing the manuscript.

For citation

Sokolov, Artem P., Ivan S. Khludov, Egor D. Spirin, and Mark A. Makarov.
“Western Diplomatic Training: A Comparative Analysis of Education Models.”
Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 97–119.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-97-119>

Дипломатическое измерение трансформации правящей элиты и официальной оппозиции Великобритании в 2015–2022 годах

Александра Андреевна Малинина, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: aamalinina@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена трансформации правящей элиты и официальной оппозиции Соединенного Королевства (2015–2022) и ее взаимосвязи с дипломатической практикой Британии.

В обозначенный период британская политическая система столкнулась с множеством различных вызовов, включая референдум о членстве страны в ЕС, последовавший сложный переговорный процесс об условиях выхода из интеграционного объединения, различные внутрипартийные расколы по ключевым вопросам британской политической жизни и иные. Все это не только обусловило частичное обновление британской политической элиты, но и определило ее дипломатическую повестку. Помимо этого, в работе проанализировано влияние обозначенных событий на структуру и динамику властных отношений, а также на стратегические приоритеты и идеологические установки как правящей элиты Британии, так и ее оппозиции. В статье рассмотрены изменения таких ключевых характеристик элиты, как половозрастной состав, этническое происхождение, уровень образования политиков, а также дана оценка новым тенденциям в их политических взглядах и поведении. Внимание также уделено последствиям трансформации элиты для британской политической системы и дипломатии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическая элита, дипломатия, Соединенное Королевство, Брекзит, оппозиция, ЕС, Индо-Тихоокеанский регион

Для Соединенного Королевства период с 2015 по 2022 гг. ознаменовался рядом ключевых событий, среди которых референдум по вопросу о членстве в Европейском союзе, последующий Брекзит, перестановки в руководстве основных политических партий и несколько всеобщих парламентских выборов. Вследствие этих событий изменились не только стратегические приоритеты, идеологические ориентиры и взаимоотношения ведущих британских политических сил с обществом, но и расстановка сил внутри властных групп, их особенности и некоторые характеристики. Понимание того, как именно трансформируется политическая элита государства, какие присущие ей признаки воспроизводит и как именно рекрутирует новых членов, важно по ряду причин: для оценки ее потенциальной эффективности; для определения степени демократичности и открытости процессов попадания новых кадров на важнейшие управляющие позиции; для выявления ее целей и приоритетов с возможностью дальнейшего прогнозирования политики и др.

Поскольку референдум о членстве Британии в ЕС, последовавший за ним переговорный процесс о выходе и ряд других важнейших событий рассматриваемого периода относятся к внешнеполитическому вектору, при анализе важно учесть особую часть правящей элиты – дипломатическую, которая во многом определяла успехи и неудачи Королевства в рассматриваемый период. Обычно под дипломатической элитой подразумевается «узкая элитная группа, часть господствующего класса, монополизировавшая внешнеполитическую деятельность»¹. Она играет достаточно важную роль в управлении государством, поскольку фактически самостоятельно определяет отдельное направление его политики – внешнюю политику, далеко не всегда зависящую от внутренних вопросов и таким образом представляющую собой крупное и относительно независимое направление реализации власти. При этом отмечается, что из всех видов элиты именно дипломатическая зачастую является самой консервативной и закрытой².

Говоря о методологии исследования трансформации элиты, можно обратиться к ряду успешных отечественных и зарубежных работ, посвященных данной проблеме.

Во-первых, представленная в научной литературе дихотомия «дипломатия – политика» и попытки ее преодоления позволяют соединить два, казалось бы, несвязанных понятия. В своей статье об этих терминах А. Нишикава-Пахер справедливо отмечает: «С одной стороны, политика нуждается в дипломатии. Современное государственное устройство – это всего лишь одно из многих эквивалентных образований. Международное сообщество, которое координирует трансграничные вопросы, такие как железнодорожный транспорт, почтовые услуги, научное сотрудничество, коммуникационные технологии и т.д., было бы невозможно без договоров, заключенных дипломатическим путем»³. С другой стороны, «дипломатия также не может существовать без политики – меж-

1 Ашин, Г.К. Формирование дипломатической элиты // Электронная библиотека Royallib.com [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/ashin_gennadiy/formirovanie_diplomaticheskoy_eliti.html (дата обращения: 19.11.2024).

2 Ibid.

3 Nishikawa-Pacher 2024, 472.

государственные взаимодействия зависят от политически централизованных возможностей физического насилия, поскольку без возможности принуждения к принятию решений переговоры были бы бесполезны¹. Как следствие, данная статья также не разделяет два таких понятия, как «политика» и «дипломатия», ввиду взаимодействий и взаимосвязи между двумя терминами как в теоретическом, так и в практическом плане. Аналогичным образом такие эксперты, как Д. Дигол, подтверждают важность изучения трансформации дипломатической элиты в контексте трансформации правящей элиты². Таким образом, анализ должен включать и общие тенденции в развитии состава и характеристик элитных групп.

Во-вторых, определяя направление трансформации элиты, исследователи практически единогласно сопоставляют ряд черт, присущих ее членам. Например, упомянутая ранее Д. Дигол утверждает, что ключом к пониманию процесса циркуляции или обновления дипломатической элиты является анализ общих характеристик дипломатов, а также системы их отбора. В частности, в первую очередь предлагается учитывать изменения в образовании, полученном членами элиты, социальном происхождении и каналах их рекрутирования, а во вторую – в половозрастных особенностях, месте жительства и предыдущем опыте работы³.

Аналогичным образом, согласно Г. Ашину, «успешность» дипломатической элиты определяют кадры, ее составляющие (в особенности качество их образования), и степень ее «открытости», в том числе новым талантам, а также представителям различных слоев общества, делающих ее более репрезентативной, отражающей социальные запросы (в частности, социально-классовый состав элиты и др.)⁴. С одной стороны, если квалификация кадров и наличие широких возможностей для их попадания в элитные слои действительно могут иметь прямую взаимосвязь с успешностью деятельности, осуществляемой элитой, то репрезентативность не всегда гарантирует эффективность в достижении целей. С другой стороны, в современных демократических политических системах ожидается, что члены элиты будут представлять интересы различных социальных групп, что, бесспорно, требует более широких возможностей для попадания в элиту выходцев из разных слоев населения по принципу обладания ими определенными качествами и достоинствами (меритократия), а не из-за близости к правящим кругам.

Таким образом, в данной статье проанализированы процессы трансформации высших слоев британского истеблишмента в 2015–2022 гг., исследованы причины, способствовавшие таким изменениям, а также их последствия для политической системы Соединенного Королевства в целом и дипломатии Британии в частности. В качестве критериев указанных перемен выбраны изменения в половозрастном составе, этническое происхождение, уровень образования политиков, каналы рекрутирования, а также рассматриваются новые тенденции в их

1 Nishikawa-Pacher 2024, 472.

2 Diana Digol, "Emerging Diplomatic Elites in Post-Communist Europe," European University Institute, March 23, 2007, accessed November 20, 2024, <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/6941>.

3 Ibid.

4 Ашин, Г.К. Указ. соч.

политических взглядах и поведении. Преобладание представителей мужского или женского пола, сокращение или увеличение числа политиков неанглийского происхождения может говорить о большей или меньшей репрезентативности и демократичности политической элиты. Образование и иные каналы, используемые элитой для рекрутирования ее членов, также могут служить признаком воспроизведения ею старых, традиционных черт или же, наоборот, обновления за счет привлечения новых талантов независимо от их происхождения.

Стоит отметить, что в отечественной литературе также присутствует пласт исследований, которые описывают процесс формирования элит, причем спектр таких работ включает как научно-популярные книги, так и статьи в рецензируемых журналах. В качестве примера первой категории стоит привести известную книгу В.В. Овчинникова «Сакура и дуб», где в одной из глав описывается процесс формирования элиты Британии¹, но не показывается то, как элита влияет на международные отношения в целом и на британскую дипломатию в частности. В качестве примеров второй категории работ по британским элитам и их формированию можно выделить статьи О.Ю. Корниенко² и А.В. Сагимбаева³, в которых рассмотрен инструментарий влияния Британии на международной арене через транслирование национальных индикаторов ценностей, а также потенциальные возможности раскола внутри британской элиты в одном конкретно взятом случае (в статье А.В. Сагимбаева это подготовка проекта конституции Индии в середине 1930-х годов). Несмотря на очевидные преимущества данных работ в формировании представления о неоднородности британской политической элиты, в них отсутствует непосредственный анализ персонального состава политической элиты, а также не рассматривается влияние элиты на внешнеполитический процесс.

Таким образом, в указанных работах не прослеживается трансформация элиты как основного актора, осуществляющего принятие решений, в том числе связанных с дипломатией. Также не учитывается возможное влияние смены дипломатических приоритетов и стратегий на частичное обновление политической элиты, включая изменение таких ее существенных характеристик, как этнический состав, гендерная принадлежность, уровень образования и возрастная структура. Данная статья призвана заполнить лакуну в изучении политических элит Британии и указать на существенную роль элиты в формировании дипломатической повестки дня Соединенного Королевства в 2015–2022 годах.

Британская политическая элита, причем как представители правящей на тот момент Консервативной партии, так и оппозиционные лейбористы, претерпела заметные изменения, которые отразились как на ее количественном, так и на качественном составе. В связи с этим в первую очередь необходимо проследить основные тенденции ее трансформации, особенно ярко проявившие себя во второй половине 2010-х – начале 2020-х гг., а затем установить взаимосвязь с ключевыми изменениями дипломатической повестки и определить, действительно ли Британия получила новую элиту, определяющую внешнеполитические

1 Овчинников 2024, 408–416.

2 Корниенко 2024, 30–42.

3 Сагимбаев 2021, 6–16.

приоритеты государства, и какие именно свойства стали присущи ей в результате воздействия внешнеполитических событий и необходимости адаптироваться к новым вызовам.

Изменение характеристик правящей и оппозиционной элит в 2015–2022 гг.

Одним из ключевых аспектов трансформации правящей элиты является изменение ее состава в зависимости от политических, экономических и социальных вызовов. За рассматриваемый период в Британии сменилось шесть правительств: первый и второй кабинеты Т. Мэй (2016–2019)¹, первый и второй кабинеты Б. Джонсона (2019–2022)², кабинет Л. Трасс (2022) и кабинет Р. Сунака (с 2022)³. Кроме этого, трижды (в 2015, 2017 и 2019) состоялись всеобщие парламентские выборы.

Прежде всего, необходимо рассмотреть второй кабинет Т. Мэй, который отличался самым высоким средним возрастом среди всех министров, работавших в период с 2015 до 2022 гг. (53 года – в первом кабинете и 54 года – во втором⁴). Они и стали основой для второго кабинета, начавшего свою деятельность после досрочных парламентских выборов 2017 года. В условиях углублявшегося и набиравшего обороты политического кризиса, связанного с внутривнутрипартийным расколом по вопросу ключевых стратегий переговорного процесса о выходе из ЕС, премьер-министр прибегла к опыту более «взрослых» политических деятелей мужского пола. Тем самым были воспроизведены традиционные черты элиты – в противовес репрезентативности различных социальных групп во властных структурах и без ориентира на привлечение новых талантов.

Особо стоит отметить уровень образования во втором кабинете Т. Мэй. При ней заметно снизилось число выходцев из традиционных для британской политической элиты университетов: Оксфорда и Кембриджа (так называемый «Оксбридж»). Если при Д. Кэмероне доля выпускников «Оксбриджа» составляла 46%, то в первом кабинете Т. Мэй их было всего 39%⁵. Это самый низкий показатель за период с 2016 по 2020 год. Во втором же ее кабинете ситуация несколько изменилась: 43% представителей элиты обладали дипломами Оксфорда или Кембриджа⁶. Вместе со снижением числа выпускников ведущих университетов снизилось и число условно «профессиональных» политиков, получивших образование в сфере государственного управления, политики, экономики или юриспруденции. Если при Д. Кэмероне 54% членов кабинета имели профильное образование, то в первом кабинете Т. Мэй их было 48%, а во втором еще меньше – 46%⁷. Однако профильное образование, строго говоря, не является обязательным требованием для британских министров, поскольку они отвечают

1 Ретроспективный анализ премьерства Т. Мэй см.: Byrne et al. 2021, 699–716; Atkins 2022, 216–230

2 О премьерстве Б. Джонсона, а также о внешне- и внутривнутриполитических проблемах в это время см.: Aidt et al. 2021, 587–617; Booth 2024, 111–129; Brusenbauch et al. 2024, 268–287; Gamble 2021, 461–468; Hayton 2021, 412–419.

3 Выборы Р. Сунака в качестве главы британского правительства см.: Booth et al. 2024, 450–469.

4 Рассчитано автором на основе: "MPs and Lords," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/members/commons>.

5 Ibid.

6 Ibid.

7 Ibid.

только за выработку общей политической линии в рамках определенного правительственного курса.

Что касается кабинета Б. Джонсона, то здесь необходимо отметить несколько важных аспектов. При Б. Джонсоне элита обновилась лишь отчасти. В первом кабинете нового премьер-министра было самое большое число женщин за весь рассматриваемый период – 38%¹. Ни в одном другом кабинете за период с 2015 до 2022 гг. так много женщин не занимало министерские посты. Кабинет Б. Джонсона также можно считать самым «молодым» в сравнении с кабинетами двух его предшественников. Средний возраст министров снизился с 54 лет при Т. Мэй до 49 лет при Б. Джонсоне². Кроме того, снизился возраст самого молодого министра: министру жилищно-коммунального хозяйства, общин и местного самоуправления Р. Дженрику было 37 лет на момент начала работы первого кабинета Б. Джонсона и 38 лет, когда был сформирован второй³. Вполне вероятно, что данная тенденция была вызвана стремлением премьер-министра не только привлечь «новые таланты», но и сформировать вокруг себя группу лично преданных политиков.

С точки зрения образования, полученного высшими представителями исполнительной власти, по-прежнему наблюдалось доминирование выходцев из «традиционных» вузов. В первом кабинете Б. Джонсона уже 50% министров окончили Оксфордский или Кембриджский университеты, чего не наблюдалось ранее, а во втором их впервые за рассматриваемый период стало больше половины⁴. При этом доля министров с профильным образованием осталась на том же уровне, что и в кабинетах Т. Мэй⁵. Таким образом, можно констатировать, что в условиях политического кризиса, вызванного Брекзитом, возрастала ценность образования, полученного политиками в Оксфорде и Кембридже. Данные университеты по-прежнему являлись важными каналами пополнения рядов высшей политической элиты страны.

Самое короткое в британской истории нахождение в должности премьер-министра Л. Трасс⁶ также можно рассматривать в качестве феномена, подчеркивающего масштабы кризиса, с которым сталкивается правящая элита Соединенного Королевства. В кабинете Л. Трасс были расширены как верхняя, так и нижняя возрастные границы членов правительства. В него вошли как самый возрастной за период с 2015 по 2022 гг. министр – лидер Палаты лордов и лорд-хранитель Малой печати барон Н.Э. Тру (71 год), так и самый молодой – министр по делам окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства Р. Джаявардена (36 лет)⁷.

С точки зрения образования уровень кабинета Л. Трасс достоин отдельного внимания. Абсолютное большинство членов правительства (65%) закончили

1 Heather Stewart, Rowena Mason, Jessica Elgot, and Peter Walker, "Who's Who in Boris Johnson's First Cabinet," *The Guardian*, July 24, 2019, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2019/jul/24/boris-johnson-first-cabinet-whos-who>.

2 Ibid.

3 "Robert Jenrick," UK Parliament, 2024, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4320/contact>.

4 Heather Stewart, "Who is on the Move in Boris Johnson's Cabinet Reshuffle?" *The Guardian*, September 15, 2021, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2021/sep/15/who-is-on-move-boris-johnson-cabinet-reshuffle>.

5 "Liz Truss New Cabinet in Full: Who is in and Who is out?" *The Guardian*, September 7, 2022, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2022/sep/07/liz-truss-new-cabinet-in-full-who-is-in-and-who-is-out>.

6 О премьерстве Л. Трасс см.: Maher 2024, 325–342; Brassett et al. 2025, 129–150.

7 "Mr Ranil Jayawardena," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4498/career>.

не традиционные Кембридж или Оксфорд, а другие высшие учебные заведения¹. Это был самый высокий показатель за рассматриваемый период – даже выше аналогичного показателя кабинета Т. Мэй. Такой шаг Л. Трасс может рассматриваться как попытка вывода партии из кризиса за счет обновления кадрового состава и ухода от традиционных рекрутинговых решений, однако в данном случае она не увенчалась успехом.

Приход к власти Р. Сунака должен был ознаменовать продолжение тенденции на обновление элит, хотя бы в связи с тем, что главой правительства стал политик неанглийского происхождения. Впрочем, это не коснулось возрастных показателей, если принять во внимание тот факт, что уже упоминавшийся ранее лорд Н.Э. Тру вошел и в это правительство². При этом по сравнению с предшествующим кабинетом значительно возросло количество министров, получивших образование в Оксфорде и Кембридже. Их доля составила 52% – один из самых высоких показателей за весь период с 2015 по 2022 годы³. Такой же уровень представительства старейших и самых престижных английских университетов можно было наблюдать во втором кабинете Б. Джонсона.

Не менее важно проследить изменения, затронувшие официальную оппозицию Соединенного Королевства в данный период. В рамках британской двухпартийной системы понятие *контрэлита* будет шире, чем *оппозиция*, поскольку в Британии только одна партия, помимо правящей, выделяется в качестве основной противоборствующей силы и даже формирует «зеркальное» правительство – «теневой» кабинет министров, который дублирует действующий. Другие же – малые партии – занимают менее значимые позиции в противоборствующем лагере. Таким образом, необходимо рассмотреть и трансформацию официальной оппозиции в условиях внешнеполитических вызовов.

Говоря о характеристиках теневого кабинета Дж. Корбина (2015–2020), можно отметить, что входившая в его состав элита по своим чертам значительно отличалась от правящей. Например, доля министров мужского пола с 2015 по 2020 гг. составила всего 34%, а женского – 66%⁴. Это, безусловно, позволяет утверждать, что лейбористы в рассматриваемый период предпринимали попытки адаптации к новым политическим реалиям, обновляя политическую контрэлиту за счет привлечения новых кадров.

При этом нижняя и верхняя возрастные границы ее представителей в рассматриваемый период также были шире, чем в любом из консервативных правительств. Самому возрастному – теневого Лидеру Палаты общин П. Флинну – был 81 год, а самому молодому – теневого министру по делам международного развития Д. Кардену – было всего 32 года⁵. Средний же возраст членов теневого кабинета составил 54 года, что сопоставимо с аналогичными показателями пре-

1 "Liz Truss New Cabinet in Full: Who is in and Who is out?" The Guardian, September 7, 2022, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2022/sep/07/liz-truss-new-cabinet-in-full-who-is-in-and-who-is-out>.

2 "MPs and Lords," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/members/commons>.

3 Ibid.

4 Peter Walker, "Jeremy Corbyn's Shadow Cabinet in Full," The Guardian, September 14, 2015, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2015/sep/14/jeremy-corbyn-labour-shadow-cabinet-in-full>; Rajeev Syal, Frances Perraudin, and Nicola Slawson, "Shadow Cabinet Resignations: Who has Gone and Who is Staying," The Guardian, June 26, 2016, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/26/labour-shadow-cabinet-resignations-jeremy-corbyn-who-has-gone>.

5 "Dan Carden," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4651/contact>.

бывавших у власти консерваторов¹. Таким образом, с точки зрения возрастных характеристик оппозиционная элита при Дж. Корбине сохраняла привычные позиции, однако отличалась большей лояльностью как к молодому, так и к старшему поколениям.

Интересным шагом было включение в состав теневого правительства тех членов партии, которые изначально конкурировали с К. Стармером за право стать лидером Оппозиции. В частности, Р. Лонг-Бейли стала теньвым министром образования, а Л. Нэнди – теньвым министром жилищного хозяйства и общин². С нашей точки зрения, такие кадровые решения должны были сгладить возможные противоречия внутри оппозиционной элиты и обеспечить организационное единство партии.

Рассматривая характеристики членов теневого кабинета К. Стармера, можно отметить усиление тенденций на еще большее обновление элиты. Например, еще сильнее сократилось представительство мужчин в составе официальной оппозиции. Их доля составила только 25% от общего числа теньвых министров³. Таким образом, лейбористы решили радикальным образом пересмотреть традиционное соотношение мужчин и женщин в органах исполнительной власти в новых исторических условиях.

Снизился и средний возраст членов теневого кабинета – с 54 до 49 лет. Самому старшему из них было 70 лет, что было сопоставимо с аналогичными показателями находившихся у власти консерваторов⁴. Возраст самого молодого министра, теневого министра по делам Северной Ирландии Л. Хейг, составил 33 года⁵. Соответственно, можно утверждать, что, как и у консерваторов, произошло определенное «омоложение» состава теневого кабинета, и выбор был сделан в пользу новых кадров.

В теньвом кабинете К. Стармера доля политиков с образованием, отличным от Оксфорда и Кембриджа, также осталась неизменной и составила 67%. Доля же выпускников «Оксбриджа» составила всего 26%⁶. Это подтверждает факт того, что в руководстве Лейбористской партии доминируют представители элиты, не обладающие характеристиками, свойственными «традиционной», старой элите, а канал рекрутирования в виде престижных вузов не является для нее основным.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода сохранялись сугубо традиционные характеристики консервативных правительств, такие как доминирующее численное представительство мужчин в правительстве, увеличение среднего возраста политиков, рост доли выпускников «Оксбриджа» на ключевых постах. Несмотря на то что острый кризис, вызванный Брекзитом, объективно диктовал необходимый минимум частичного обновления правящей элиты, на самом деле в период нахождения консерваторов у власти существен-

1 Peter Walker, "Jeremy Corbyn's Shadow Cabinet in Full," *The Guardian*, September 14, 2015, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2015/sep/14/jeremy-corbyn-labour-shadow-cabinet-in-full>.

2 Andrew Hindmoor, "Starmer's Labour has One Vital Strength: a Shadow Cabinet with real Government Experience," *The Guardian*, June 24, 2024, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/24/keir-starmer-labour-shadow-cabinet-government-tony-blair-gordon-brown>.

3 Ibid.

4 Ibid.

5 "Louise Haigh," UK Parliament, 2015–2022, August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4473/contact>.

6 Ibid.

ных перемен в ее базовых характеристиках не произошло. В то же время изменения в Лейбористской партии показывают, что трансформация официальной оппозиции проходила более динамично, особенно в возрастном и гендерном отношении. Таким образом, именно оппозиционная элита показала себя как более демократичная в вопросах представительства различных слоев населения, рекрутирования новых кадров, причем с отказом от традиционных механизмов отбора кадров по признаку элитного образования в пользу иных качеств.

Одним измерением, которое не было рассмотрено в ходе изучения трансформации британских элит, было этническое. Именно оно является важным в контексте изучения экстраполяции внешнеполитических решений консервативных кабинетов на дипломатию Соединенного Королевства в 2015–2022 гг., так как этнические особенности играли значимую роль в принятии внешнеполитических решений, касавшихся дипломатии Лондона и его действий на мировой арене.

Взаимосвязь трансформации британской политической элиты и смены внешнеполитических приоритетов

С одной стороны, именно элиты зачастую выступают инициаторами изменений политического порядка, а с другой – изменения в политическом порядке находят отражение в составе элиты. Для того чтобы наглядно продемонстрировать результаты влияния британских политических элит на дипломатию Британии, а также обозначить воздействие смены приоритетов в дипломатической сфере на кадровые перестановки на ключевых политических позициях, необходимо обратить внимание, во-первых, на дискурс первых лиц и лиц, ответственных за внешнеполитическую составляющую в правительствах консерваторов, и, во-вторых, на документы, которые являются результатом выработки политических решений на официальном уровне.

Одной из наиболее ярких тенденций в 2015–2022 гг. стало также изменение этнического состава британской политической элиты. Для второго кабинета Т. Мэй был характерен самый большой процент так называемых «коренных британцев», занимавших ключевые министерские должности за рассматриваемый период¹. В этом смысле он состоял преимущественно из представителей традиционной элиты. Однако именно с его формирования наблюдается тенденция возвышения – с точки зрения занимаемых должностей – представителей нетипичных для старой британской политической элиты национальностей. Например, значимый пост министра внутренних дел занял политик с пакистанскими корнями – С. Джавид, ранее занимавший менее престижную должность министра по делам местного самоуправления². В свою очередь, министром по выходу из Европейского союза стал Д. Рааб, чьи родители были чехословацкими евреями³. При этом ранее он не являлся членом кабинета. Можно заметить, что ядро британского правительства стало более разнообразным с точки зрения этниче-

1 "Louise Haigh," UK Parliament, 2015–2022, August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4473/contact>.

2 "Sir Sajid Javid," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/3945/career>.

3 "Dominic Raab," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4007/career>.

ской принадлежности его членов, несмотря на исключительное доминирование выходцев из Англии.

При Б. Джонсоне не только увеличилось разнообразие этнического происхождения членов кабинета, но и получило дальнейшее развитие занятие представителями различных национальностей, в том числе и небританского происхождения, значимых государственных постов. Так, в кабинете впервые появились министры, чьи родители были уроженцами Кении, Танзании, Индии, Ганы¹. Более того, деятели неанглийского и даже небританского происхождения заняли самые престижные должности в Правительстве Б. Джонсона. Например, С. Джавид и Р. Сунак выполняли обязанности канцлера казначейства, условно второго по важности члена правительства после премьер-министра. П. Пател была возвращена в состав кабинета и стала выполнять функции министра внутренних дел, А. Шарма и К. Квартенг были назначены министрами по делам бизнеса, энергетики и промышленного развития². Это, безусловно, новая черта в развитии британской политической элиты, которая отражала стремление Соединенного Королевства в условиях выхода из европейского интеграционного проекта больше внимания уделять взаимодействию со странами Содружества. С точки зрения рассмотренных ранее теорий об эффективности политических элит в соответствии со степенью их открытости представителям новых социальных групп, а также с точки зрения репрезентативности такое изменение действительно может быть оценено как успешный шаг к дальнейшей демократизации и вовлечению людей с большим спектром представлений и идей в по определению относительно закрытые элитарные круги.

Наиболее «этнически разнообразным» можно назвать кабинет Л. Трасс. Таким образом продолжилась уже отмечавшаяся тенденция на включение неанглийских представителей в состав высшей политической элиты. Так, в нем были представлены политики, чьи родители происходили из Нигерии, Ганы, Кении, Маврикия, Сьерра-Леоне, Ирака, Шри-Ланки, Индии и других стран. Однако такой шаг в пользу диверсификации состава элиты и включения в нее новых кадров, безусловно, не стал определяющим и не спас премьер-министра от рекордно короткого срока нахождения у власти.

Аналогичным образом можно обратиться к процессам, происходившим в оппозиционных Правительству политических кругах. Представляется возможным изучать такую оппозиционную элиту британской политической системы также через ее ядро – «зеркальный» теневой кабинет министров. В исследуемый период функционировали теневые кабинеты Дж. Корбина (2015–2020) и К. Стармера (2020–2022). С точки зрения этнического происхождения лейбористский теневой кабинет Дж. Корбина также отличался присутствием политиков с неанглийским происхождением. Кроме министров, чьи предки родились в Соединенном Королевстве, в нем были представлены выходцы из Ямайки, Гренады, Индии, Нигерии, Йемена и других стран. При этом коренные британ-

1 Heather Stewart, "Who is on the Move in Boris Johnson's Cabinet Reshuffle?" The Guardian, September 15, 2021, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2021/sep/15/who-is-on-move-boris-johnson-cabinet-reshuffle>.

2 "Priti Patel," UK Parliament, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4066/contact>; "Kwasi Kwarteng," UK Parliament, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4134/career>; "Lord Sharma," UK Parliament, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4014/career>.

цы по-прежнему были в большинстве, сопоставимом с аналогичной долей в кабинетах правящей партии.

В дальнейшем магистральная для Британии последних лет тенденция на представительство выходцев из разных стран в правительстве только развивалась. Так, в теневой кабинет К. Стармера вошли политики, чьи родители происходили из Гайаны, Индии, Ямайки, Йемена, Шри-Ланки¹. Соответственно, количество англичан, представленных в теневом правительстве, стало меньше, чем в теневом кабинете Дж. Корбина. Важно, что эта особенность обновления элит затронула как правящие круги, так и оппозицию, что подчеркивает важность внешнеполитического направления для властных структур и отчасти отражает общественный запрос.

Интересно, что именно этот аспект трансформации британской политической элиты не только затрагивал две ключевые силы, влияющие на британскую политику, но и соответствовал смене внешнеполитических приоритетов и целей Соединенного Королевства в отношении стран, с которыми государство намеревалось углублять отношения после Брексита.

Первым значимым примером взаимосвязи трансформации элит и внешнеполитических изменений можно, таким образом, считать намерение расширить сотрудничество с неевропейскими странами. Так, можно отметить присоединение Британии к концепции «Индо-Тихоокеанский регион»². Также любопытен составленный в 2021 г. правительством Б. Джонсона документ под названием «Глобальная Британия в эпоху конкуренции» (*Global Britain in a Competitive Age*)³ – комплексный обзор стратегии национальной безопасности, обороны, развития и внешней политики Соединенного Королевства, в котором даны оценки и перспективы развития дипломатии и внешней политики Британии. Так, говоря о Содружестве наций, правительство отмечало, что это объединение рассматривается как фактор, усиливающий британскую внешнюю политику, – как «важный институт, поддерживающий открытый и устойчивый международный порядок»⁴. Утверждалось, что Содружество наций позволяет Британии играть активную роль среди группы государств, «имеющих [общие] национальные интересы в продвижении демократии, поддержании индивидуальных свобод и обеспечении устойчивого развития»⁵.

В качестве особого примера в докладе также была представлена Индия, которая позволяла Британии сохранять «прочные культурные связи», а также способствовала сотрудничеству в области образования и торговли⁶. Вот как отношения между двумя государствами охарактеризованы в документе правительства Б. Джонсона: «Отношения между Британией и Индией уже являются прочными, но в течение следующих десяти лет мы стремимся к преобразованию нашего сотрудничества по всему спектру наших общих интересов. Как крупнейшее демократическое госу-

1 "His Majesty's Government: The Cabinet," UK Parliament, 2024, accessed August 26, 2024, <https://members.parliament.uk/Government/Cabinet>.

2 Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» была впервые озвучена в 2007 г. премьер-министром Японии Синдзо Абэ в его речи в Индийском парламенте. "Confluence of the Two Seas." Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India, Ministry of Foreign Affairs of Japan, August 22, 2007, accessed August 26, 2024, <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html>.

3 "Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy," UK Government, March 16, 2021, accessed August 26, 2024, <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy>.

4 Ibid., 61.

5 Ibid.

6 Ibid., 62.

дарство в мире Индия является международным игроком, значение которого растет. Как страны Содружества мы поддерживаем прочные культурные связи: 1,5 млн граждан Британии имеют индийское происхождение; и мы широко сотрудничаем в сфере образования. С 2007 по 2019 гг. товарооборот между Британией и Индией увеличился более чем в два раза, инвесторы обеспечивают более полумиллиона рабочих мест в наших экономиках, а Британия является вторым по величине партнером Индии в области исследований. Способность заключать собственные торговые сделки позволит нам и дальше развивать экономические отношения, в том числе за счет увеличения двусторонних инвестиционных потоков»¹.

Важность данного направления коррелирует со значимостью постов, которые занимали выходцы из Индии при Б. Джонсоне. В частности, будущий премьер-министр Р. Сунак во время премьерства Б. Джонсона был канцлером казначейства, а П. Пател – министром внутренних дел (2019–2022). Таким образом, прослеживается взаимосвязь между обретшими новую актуальность для британской внешней политики направлениями и соответствующими изменениями в Правительстве.

Несмотря на определенный прогресс, осуществленный консерваторами в отношении стран нового приоритета, безусловно, абсолютной реализации заявленных планов не произошло. Например, до сих пор не удалось заключить соглашение о свободной торговле с Индией, а дальнейшие переговоры откладывались на год². Бесспорно, увеличение числа выходцев из различных стран в британской политике не является уникальным решением проблемы; требуется дальнейшее обновление элиты, в том числе и посредством поиска кадров с новыми компетенциями и навыками.

Вторым ярким примером взаимосвязи изменений в составе и характеристиках политической элиты с дипломатическими трансформациями является противоборство двух ключевых стратегий в переговорном процессе о Брекзите. Именно оно породило раскол политической элиты на «жестких» и «мягких» «брекзитеров». Так, «жесткий Брекзит» означал Брекзит, «при котором Соединенное Королевство перестает быть членом Единого внутреннего рынка ЕС и получает полный контроль над национальным законодательством и регулированием миграции»³. В то же время «мягкий Брекзит» подразумевал «Брекзит, при котором отношения Соединенного Королевства с Европейским союзом будут максимально приближены к тем, что были до Брекзита»⁴. Отсутствие соглашения по такому значимому вопросу не только не способствовало продвижению переговорного процесса, оно также не позволило бы консерваторам сохранить власть, не прибегая к внутриэлитным изменениям.

Как следствие, борьба сторонников «мягкого» и «жесткого» Брекзита внутри британской политической элиты стала фактором значительных перестановок вну-

1 "Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy," UK Government, March 16, 2021, accessed August 26, 2024, <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy>.

2 Eleni Courea, "UK and India Put Free Trade Deal Talks on Ice Until Later this Year," The Guardian, March 15, 2024, accessed December 19, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2024/mar/15/uk-and-india-put-free-trade-deal-talks-on-ice-until-later-this-year>.

3 "Hard Brexit," Cambridge Dictionary, accessed September 1, 2024, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hard-brexit>.

4 "Soft Brexit," Cambridge Dictionary, accessed September 1, 2024, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/soft-brexit>.

три кабинетов министров на протяжении всего периода выхода Соединенного Королевства из ЕС. Так, срок премьерства Т. Мэй наглядно демонстрирует давление «жесткой» дипломатической стратегии на политическую элиту. Т. Мэй была сторонницей «мягкого Брексита», хотя и настаивала на том, что «Брексит означает Брексит», чтобы убедить сторонников выхода из ЕС в том, что ей можно доверять. Впрочем, внутри ее кабинета были и несогласные с данной позицией, что проявилось, в частности, во время принятия подготовленного правительством в июле 2018 г. «Плана Чекерс»¹, который не удовлетворил радикалов. В результате последовали отставки из правительства Т. Мэй, в числе которых отставка двух сторонников «жесткого Брексита» с центральных для дипломатической элиты постов: Б. Джонсона – с должности министра иностранных дел и Д. Рааба – с должности министра по выходу из Европейского союза. Таким образом, нельзя не отметить проецирование разных идей и нарративов на внешнеполитические действия Британии.

Обратный «эффект» давления уже «мягких» дипломатических стратегий на политические элиты можно наблюдать на примере кабинета Б. Джонсона. После парламентских выборов ему также пришлось провести ряд перестановок, которые позволили бы добиться внутреннего партийного единства и обеспечить успешный выход Британии из Европейского союза, однако политику жестко противодействовала группа из 21 консерватора, которая выступала за перенос выхода из ЕС на новую дату после 31 октября 2019 г., поскольку политической элите так и не удалось заключить с Европейским союзом соглашение, а сами депутаты являлись противниками «жесткого Брексита»². В результате Ф. Хэммонд и Д. Гок были уволены с постов канцлера казначейства и министра юстиции, так как вошли в число тех, кто присоединился к Оппозиции³. Таким образом, не только сформировавшаяся элита может определять внешнеполитические приоритеты, но и запрос на определенные цели и задачи во внешней политике страны может провоцировать частичные изменения в составе властных групп.

При этом общее число перестановок при 77-м премьер-министре было меньше, чем после досрочных выборов при премьерстве Т. Мэй. Это может говорить о том, что Б. Джонсону удалось более удачно сформировать кабинет, чем его предшественнице. Тем не менее стоит также отметить причины смены некоторых министров в правительстве. Так, С. Джавид, занимавший должность канцлера казначейства, уступил место Р. Сунаку, поскольку отказался заменить всех своих советников на людей, определенных премьер-министром⁴. В отличие от С. Джавида, Р. Бакленд смог сохранить пост министра юстиции, уволив одного из своих помощников – П. Кардуэлла – по требованию Б. Джонсона⁵.

Заметно, что политика Б. Джонсона по обеспечению внутреннего единства правительства и преодолению расколов была еще жестче, чем политика Т. Мэй, которая показала себя как несостоятельная и неэффективная. Б. Джонсон требовал

1 Назван по месту его подписания – загородной резиденции премьер-министра.

2 "Brexit Showdown: Who were Tory Rebels Who Defied Boris Johnson?" BBC, September 5, 2019, accessed May 7, 2024, <https://www.bbc.com/news/uk-politics-49563357>.

3 Ibid.

4 Rowena Mason, Heather Stewart, Peter Walker, "Sajid Javid Resigns as Chancellor in Boris Johnson Reshuffle," The Guardian, February 13, 2020, accessed May 7, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2020/feb/13/sajid-javid-resigns-as-chancellor-amid-boris-johnson-reshuffle>.

5 Ibid.

также и лояльности министров. Наиболее часто изменения затрагивали министерство по делам бизнеса, предпринимательства и энергетики. Так, А. Ледсом была исключена из второго кабинета Б. Джонсона 13 февраля 2020 г. в ходе серии кадровых перестановок¹. Следом за ней на пост министра был назначен А. Шарма, сторонник Б. Джонсона, однако 8 января 2021 г. он был освобожден от обязанностей министра и получил задачу полностью сосредоточиться на подготовке Британии к конференции ООН по вопросам изменения климата, запланированной на ноябрь 2021 года². Особенно интересен случай отправки в отставку министра по делам окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства Т. Вильерс³, поскольку она была известна как убежденная сторонница Брекзита и была приглашена в правительство самим же Б. Джонсоном, но ее способность руководить министерством и полностью пересматривать сельскохозяйственную политику Британии в условиях Брекзита, согласно некоторым источникам, была поставлена под сомнение⁴.

Некоторые члены кабинета, ранее подавшие в отставку, вернулись к работе. Например, Э. Радд и П. Пател вернулись в правительство Б. Джонсона. Такая политика соответствовала обещаниям нового премьер-министра «продвигать поколение талантов» для того, чтобы лучше подготовить страну к будущему после Брекзита⁵. Фактически таким образом обозначалась готовность старой политической элиты адаптироваться к новым реалиям политической жизни и не только менять себя, но и пускать в свои ряды новых членов – представителей новой элиты.

Следовательно, два ключевых примера – изменение этнического состава правящей и оппозиционной элит вместе с трансформацией внешнеполитических приоритетов в пользу неевропейских держав, а также поочередное давление «жесткой» и «мягкой» переговорных стратегий о Брекзите на состав и поведенческие особенности властных кругов – показывают, какую роль внешнеполитические и дипломатические аспекты могут играть в функционировании элит и наоборот. Если представители элиты способны подстраиваться под меняющиеся условия и воспроизводить новые характеристики, соответствующие современным запросам государства, общества или самой элиты, их шансы на сохранение власти увеличиваются, если нет – им приходится оставлять посты в пользу новых участников политического процесса.

Заключение

Британская политическая элита на протяжении 2015–2022 гг. пережила заметные трансформации, особенно во внешнеполитическом и дипломатическом отношении. Значительная часть ее характеристик оставалась старой, традиционной.

- 1 Rowena Mason, Heather Stewart, Peter Walker, "Sajid Javid Resigns as Chancellor in Boris Johnson Reshuffle," *The Guardian*, February 13, 2020, accessed May 7, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2020/feb/13/sajid-javid-resigns-as-chancellor-amid-boris-johnson-reshuffle>.
- 2 "The Rt Hon Alok Sharma MP," UK Government, 2017–2021, accessed May 7, 2024, <https://www.gov.uk/government/people/alok-sharma>.
- 3 Kate Proctor, Peter Walker, "Boris Johnson's Reshuffle: Who's in, Who's out, at a Glance," *The Guardian*, February 13, 2020, accessed May 7, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2020/feb/13/boris-johnson-reshuffle-whos-in-whos-out-at-a-glance>.
- 4 Lizzy Buchan, "Theresa Villiers: Boris Johnson Axes Environment Secretary in Post-Brexit Cabinet Reshuffle," *The Independent*, February 13, 2020, accessed May 7, 2024, <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-villiers-cabinet-reshuffle-boris-johnson-brexit-latest-a9333061.html>.
- 5 "Johnson to Promote 'Generation of Talent' in Cabinet Reshuffle," *ITV News*, February 12, 2020, accessed March 11, 2024, <https://www.itv.com/news/2020-02-12/johnson-to-promote-generation-of-talent-in-cabinet-reshuffle>.

Как следствие, не прослеживалась прямая взаимосвязь таких особенностей, как пол, возраст министров и их образование, с трансформациями во внешней политике. Например, первый кабинет Т. Мэй не отличался внутренним единством по ключевому вопросу политической повестки дня – выходу страны из европейского интеграционного проекта. Типичный министр в период ее премьерства был мужчиной старшего возраста с классическим образованием Оксфорда или Кембриджа.

Гораздо успешнее в этом отношении адаптировалась оппозиционная элита. Теневые кабинеты лейбористов были преимущественно женские, состоящие из министров, окончивших не Оксфорд и Кембридж, а менее престижные университеты. Сократились средний возраст состоявших в них политиков и доля коренных британцев. Можно говорить о том, что оппозиционная элита была гибче и ориентировалась на включение новых членов в свой состав, а не на традиционные принципы происхождения и схожего социального статуса. В 2024 г. обновленная властная группа смогла переломить череду консервативного лидерства и перейти в статус правящей.

Однако также достаточно ярко проявилась тенденция обновления британских элит – причем как правящей, так и оппозиционной, – включение в их состав политиков неанглийского и даже небританского происхождения, что не является типичным для «старой» элиты Британии и делает ее более демократичной и репрезентативной. Приход к власти Б. Джонсона в этом смысле способствовал частичному обновлению правящей элиты. Взяв курс на привлечение «новых талантов» после проведения досрочных парламентских выборов 2019 г. и поставив своей целью подготовку Соединенного Королевства к жизни после выхода из ЕС, премьер-министр стал назначать более молодые кадры, а число представителей неанглийского и небританского происхождения увеличилось. Аналогичные тенденции были отмечены и в рядах официальной оппозиции.

Такая трансформация британской политической элиты отразилась, во-первых, на внешнеполитическом взаимодействии с другими странами, что отразилось в принятии важного для британского внешнеполитического курса и дипломатии документа «Глобальная Британия в эпоху конкуренции». В нем были определены как веяния и тенденции к развитию сотрудничества со странами Содружества наций, которые только декларировались в качестве новых, так и действительно свежие подходы к взаимодействию с ЕС и Индией, что продемонстрировало новую проекцию желаний и возможностей политической элиты на внешнеполитическую деятельность Лондона и его дипломатию. Последняя, несмотря на Брекзит, начала искать новые пути развития, в частности в отношении все более распространявшегося в политической практике Британии в рассматриваемый период поворота в сторону концепции «Индо-Тихоокеанского региона». Вторым бесспорным примером влияния дипломатической повестки на состав и характеристики элиты страны стал спор о «жесткой» и «мягкой» переговорной стратегиях по Брекзиту, каждая из которых вынуждала политиков, не способных адаптироваться к новым реалиям, покидать властные позиции и уступать место более «гибким» участникам политических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Годованюк, К.А. «Постколониальный момент» во внешнеполитическом дискурсе: казус «Глобальной Британии» // *Международная аналитика*. 2023. № 2. С. 116–132. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-116-132>.

Godovanyuk, Kira A. "Postcolonial Moment' in Foreign Policy Discourse: the Casus of 'Global Britain'." *Journal of International Analytics* 14, no. 6 (2023): 116–132 [In Russian].

Корниенко, О.Ю. От ценностей британских элит – к реализации национальных установок в международных отношениях // *Вестник Московского университета*. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2024. № 1. С. 30–42. <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2023-43-1-30-42>.

Kornienko, Ol'ga Yu. "From British Elites Values to Promotion of National Interests in International Relations." *Bulletin of Moscow University. Series 27: Globalistics and Geopolitics*, no. 1 (2024): 30–42 [In Russian].

Овчинников, В.В. Сакура и дуб. М.: Издательство АСТ, 2024.

Ovchinnikov, Vsevolod V. *Sakura and Oak*. Moscow: AST Publishing House, 2024 [In Russian].

Сагимбаев, А.В. Подготовка проекта индийской конституции в первой половине 1930-х гг.: столкновение интересов внутри британской политической элиты // *История. Общество. Политика*. 2021. № 3(19). С. 6–17. <https://doi.org/10.15826/usos.2023.13.8>.

Sagimbayev, Alexey V. "Preparation of the Draft of the Indian Constitution in the First Half of the 1930s: The Clash of Interests Within the British Political Elite." *History. Society. Politics*, no. 3 (2021): 6–17 [In Russian].

Aidt, Toke, Grey, Felix, and Alexandru Savu. "The Meaningful Votes: Voting on Brexit in the British House of Commons." *Public Choice* 186, (2021): 587–617. <https://doi.org/10.1007/s11127-019-00762-9>.

Atkins, Judi. "Rhetoric and Audience Reception: An Analysis of Theresa May's Vision of Britain and Britishness After Brexit." *Politics* 42, no. 2 (2022): 216–230. <https://doi.org/10.1177/0263395721991411>.

Booth, Oliver. "The Downfall of Boris Johnson: Analysing Patterns of Opinion Among Conservative

Parliamentarians in the Confidence Motion and Mass Resignations." *Representation* 61, no. 1 (2025): 111–129. <https://doi.org/10.1080/00344893.2024.2365676>.

Booth, Oliver, Butler, Chris, Jeffery, David, and Andrew Roe-Crines. "Selecting Sunak: Conservative MPs' Nomination Preferences in the (Second) British Conservative Party Leadership Election." *Parliamentary Affairs* 77, no. 3 (2024): 450–469. <https://doi.org/10.1093/pa/gsad010>.

Brassett, James, and Christopher S Browning. "Lettuce Rejoice in the Downfall of Liz Truss? Humour, Ontological (In)Security and the Politics of Ridicule." *Alternatives* 50, no. 1 (2025): 129–150. <https://doi.org/10.1177/03043754241293619>.

Brusenbauch Meislová, Monica, and Birgit Bujard. "Prime Ministerial Political Leadership and the Domestic Politics of Brexit: Theresa May and Boris Johnson Compared." *British Politics* 19, (June 2024): 268–287. <https://doi.org/10.1057/s41293-023-00240-3>.

Byrne, Chris, Randall, Nick, and Kevin Theakston. "Theresa May's Disjunctive Premiership: Choice and Constraint in Political Time." *The British Journal of Politics and International Relations* 23, no. 4 (2021): 699–716. <https://doi.org/10.1177/13691481211016931>.

Gamble, Andrew. "The Remaking of Conservatism: Boris Johnson and the Politics of Brexit." *The Political Quarterly* 92, no. 3 (2021): 461–468. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.13054>.

Hayton, Richard. "Conservative Party Statecraft and the Johnson Government." *The Political Quarterly* 92, no. 3 (2021): 412–419. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.13006>.

Maher, Henry. "Neoliberalism Versus the Market? Liz Truss, Neoliberal Resilience, and Lacan's Theory of the Four Discourses." *The British Journal of Politics and International Relations* 26, no. 2 (2024): 325–342. <https://doi.org/10.1177/13691481231216704>.

Nishikawa-Pacher, Andreas. "Diplomacy Versus Politics: Two Mutually (In)Dependent Systems." *Political Studies Review* 22, no. 3 (2023): 471–486. <https://doi.org/10.1177/14789299231169860>.

Сведения об авторе

Александра Андреевна Малинина,

аспирант департамента международных отношений

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

101000, Россия Москва, ул. Мясницкая, 20

e-mail: aamalinina@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 октября 2024.

Переработана: 26 декабря 2024.

Принята к публикации: 27 декабря 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Малинина, А.А. Дипломатическое измерение трансформации правящей элиты и официальной оппозиции Великобритании в 2015–2022 годах // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (4). С. 120–136.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-120-136>

Diplomatic Dimension of the Transformation of the UK Ruling Elite and the Official Opposition, 2015–2022

ABSTRACT

The article is devoted to the transformation of both the ruling elite and the Official Opposition in the United Kingdom in the period 2015–2022 and its reflection in Britain's diplomatic practices.

During this period, the British political system faced many different challenges, including the referendum on the country's membership of the EU, the subsequent difficult process of the country's withdrawal from the integration association, various internal party splits on key issues of British political life. All these issues not only influenced the formation of the new British political elite, but also shaped its diplomatic agenda. The study of the generation of ideas in the British elite, as well as the study of its composition, makes it possible to determine the value of its influence on foreign policy decisions, as well as the influence of its composition on Britain's activities in the international arena. It also analyzes the impact of these events on the structure and dynamics of power relations, as well as on the strategic priorities and ideological attitudes of both Britain's ruling elite and its opposition. The article examines changes in key characteristics of the elite, such as the gender, age, ethnicity and educational attainment of politicians, and assesses new trends in their political views and behaviour. Attention is also given to the implications of elite change for the British political system.

KEYWORDS

political elite, diplomacy, United Kingdom, Brexit, opposition, EU, Indo-Pacific

Author

Aleksandra A. Malinina,

PhD student, School of International Affairs, National Research University
Higher School of Economics

20, Myasnitskaya street, Moscow, Russia, 101000

e-mail: aamalinina@hse.ru

Additional information

Received: October 30, 2024. Revised: December 26, 2024. Accepted: December 27, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Malinina, Aleksandra A. "Diplomatic Dimension of the Transformation of the UK Ruling Elite and the Official Opposition, 2015–2022."

Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 120–136.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-120-136>

From Independence to “Revolution”: The Evolution of Armenia's Diplomatic Service

Sergei Melkonian, ICCA RAS, Moscow, Russia

Knarik Jalatyan, ARI, Yerevan, Armenia

Correspondence: sergei.g.melkonian@gmail.com

ABSTRACT

Since gaining its independence in 1991, Armenia has faced the complex task of building a professional diplomatic service to support its statehood and navigate a challenging geopolitical landscape. This study examines the evolution of Armenia's diplomatic service, focusing on critical milestones such as the adoption of the Law on Diplomatic Service (2001) and the establishment of the Diplomatic School of Armenia (2009). Using a mixed-methods approach, including primary source research and interviews with former diplomats and scholars, the study examines how institutional frameworks, political leadership, and external pressures have shaped the country's foreign service. The findings reveal that Armenia's diplomatic service was initially influenced by Soviet-era bureaucratic structures, supplemented by contributions from the Armenian diaspora and local graduates of specialized academic programs. Over time, successive administrations sought to professionalize the service through institutional reforms. However, the Ministry of Foreign Affairs (MFA) has frequently struggled with challenges such as centralization and politicization of decision-making. Recent developments under Nikol Pashinyan's 'revolutionary' government highlight the erosion of institutionalized practices, including the weakening of the Diplomatic School's role and the prioritization of political loyalty over merit-based appointments. This paper contributes to the understanding of state-building in post-Soviet contexts by analyzing the interplay between institutional development, bureaucratic politics, and sovereignty in Armenia's diplomacy. The study concludes that while Armenia has made significant progress in institutionalizing its diplomatic service, sustaining these achievements requires addressing current trends that undermine its effectiveness.

KEYWORDS

Armenia, diplomatic service, foreign policy, Nagorno-Karabakh, Ministry of Foreign Affairs, revolution, sovereignty

Since gaining independence in 1991, Armenia has been on an arduous journey of state-building, with the formation of its diplomatic service being one of the biggest and perhaps yet not fully resolved challenges. In the early years of independence, the Ministry of Foreign Affairs (MFA) operated out of a building with little more than the bare essentials – electricity was sporadic, salaries were modest, and resources were scarce. Despite these challenges, a small group of dedicated individuals worked there without the luxury of weekends and holidays, driven by the urgency of the ongoing war in Nagorno-Karabakh and the need to establish Armenia's presence on the international stage. While small groups of talented people were present in the newly established MFA at almost all stages of its development, the making of an institution required a lot more than that.

This paper examines the evolution of the making of diplomats in Armenia from the beginning to the present day, emphasizing that this evolution has been intricately linked to the country's foreign policy dynamics. As Armenia started building its statehood on the ruins of the Soviet Union, it faced the dual challenges of navigating a new geopolitical landscape and forging a diplomatic service that could effectively represent its interests abroad.

Over time, Armenia's foreign policy priorities evolved in response to the Nagorno-Karabakh conflict, focusing on international recognition efforts and the pursuit of economic partnerships. The establishment of the Diplomatic School of Armenia and the necessity to professionalize Armenia's foreign service reflected the changing needs of a country striving to assert itself in a rapidly shifting international environment.

By tracing the development of Armenia's Foreign Ministry and its diplomatic personnel, this paper aims to answer the following research question:

“How has the process of the foreign service institution building and the training of diplomats in Armenia evolved since independence?”

The structure of this paper is designed to comprehensively analyze the evolution of Armenia's diplomatic service, periodized by the incumbency of the country's four political leaders. It begins with a detailed literature review, focusing on critical studies in diplomacy and the history of Armenia's state-building efforts since independence. This section is followed by a methodology part that outlines the research approach and methods employed. The analysis is divided into four main sections based on timeframes. The former draws on primary-source research and interviews with high-ranking ex-diplomats and scholars. The paper concludes with a discussion synthesizing the findings from these two blocs of analysis, followed by a conclusion that reflects on the broader implications for Armenia's foreign policy and state-building journey.

Theoretical Framework

The evolution of Armenia's diplomatic service can be understood through a combination of institution-building and bureaucratic decision-making. These two pillars provide a comprehensive view of how Armenia's foreign policy apparatus has developed since independence and how internal and external factors have influenced the process of training diplomats.

Institution-building in diplomacy refers to the formal creation and adaptation of diplomatic structures that enable states to manage their foreign relations. In Armenia's case, the establishment of its Ministry of Foreign Affairs (MFA) in the early 1990s and later the Diplomatic School of Armenia marked significant steps in the professionalization its human resources.

As Jeremy Black outlines in *A History of Diplomacy*, the development of diplomatic institutions often parallels broader state-building efforts.¹ Armenia's MFA, formed amid economic difficulties and conflict, initially operated with limited resources, but was crucial in establishing the country's presence on the global stage.

Christer Jönsson and Martin Hall argue that the creation of diplomatic institutions is essential for effective international communication and negotiation.² The establishment of the Diplomatic School of Armenia in 2009 was a critical institutional step that aligned with Armenia's growing need for a professional and well-trained diplomatic service. This reflects Daron Acemoglu and James Robinson's theory of inclusive institutions, as the School symbolized a move toward a more inclusive and merit-based system for training diplomats to improve Armenia's international standing.³

Bureaucratic decision-making plays a crucial role in shaping foreign policy within diplomatic institutions. In Armenia, decisions regarding the diplomatic service have been influenced by both institutional needs and internal power dynamics, best understood through the Bureaucratic Politics Model (BPM).

The BPM, as outlined by Graham Allison⁴ and further elaborated in co-authorship with Philip Zelikow,⁵ explains how decisions are influenced by internal competition and power struggles among various bureaucratic actors. In the case of Armenia, the MFA has experienced internal governmental competition for resources and influence with other pillars of power, often represented by the President's Office, which shaped foreign policy decisions.

This model is useful in explaining how Armenia's foreign policy priorities, including those related to the Nagorno-Karabakh conflict and economic partnerships, have been shaped by bureaucratic negotiations within the MFA and other state bodies. The competition for resources, influence, and authority within the MFA reflects the complexities of diplomatic decision-making, which often involves compromises and strategic bargaining among bureaucrats.

The *Valdai Discussion Club* report categorizes countries based on their approaches to diplomatic education, differentiating between those with a global epistemology and functional training and those with a national epistemology and fundamental training.⁶ This framework highlights the critical role that diplomatic training plays in enhancing or diminishing a nation's sovereignty and its ability to navigate a multipolar world order.

Applied to Armenia, this framework allows for an analysis of how the evolution of diplomatic training has either bolstered or hindered the country's ability to assert

1 Black 2020.

2 Jönsson, Hall 2005.

3 Acemoglu, Robinson 2012.

4 Allison 1971.

5 Allison, Zelikow 1999.

6 Сушенцов, А., Неклюдов, Н. В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 28.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/v-poiske-natsionalnykh-interesov-2024/> (дата обращения: 25.10.2024).

its sovereignty in the face of external pressures. The *Valdai* report's emphasis on the alignment of diplomatic education with national interests is particularly relevant in the Armenian context, where the legacy of Soviet training, coupled with modern influences, has partially shaped the capacities and limitations of the MFA.

Interaction Between Institution Building, Bureaucratic Decision-Making, and Sovereignty

As argued in the *Valdai Club* report, in the case of Armenia, we observe the interconnection among the development of diplomatic institutions, the internal dynamics of bureaucratic decision-making, and the evolution of diplomatic training. The establishment of formal structures, such as the Diplomatic School of Armenia, provided the foundation for professionalizing Armenia's foreign service, while these institutions were shaped by internal bureaucratic power struggles and external pressures on Armenian sovereignty.

The Oxford Handbook of Modern Diplomacy (2013) emphasizes that globalization and the rise of multilateral diplomacy have created new challenges for states. For Armenia, these challenges are compounded by its regional conflicts and limited resources, necessitating the ability of a diplomatic service to navigate local and global issues. Graham Allison's BPM provides insights into how internal bureaucratic competition has influenced the implementation of the institutional reforms that were initiated in Armenia. At the same time, the *Valdai Club* paper highlights that diplomatic training can be an instrument of national sovereignty.

Soviet Legacy and Its Influence

The Soviet legacy significantly imprinted Armenia's diplomatic structures and foreign policy development in the post-independence period. As Armenia transitioned from a Soviet republic to an independent state, it inherited bureaucratic frameworks and cultural norms from Soviet diplomacy, including a centralized decision-making approach and strong ties to Russia.¹

An anecdote from one of the diplomats interviewed for this study illustrates this dependence. When an Armenian diplomat from the diaspora was first assigned a task at the MFA, the initial response from his team was, "But is this communicated with Moscow?" This reaction reflects the ingrained expectation of coordinating with the former 'Center' in Moscow, even after independence.

Although Soviet Armenia's foreign policy was tightly controlled by Moscow, it is a misconception to view the Armenian SSR Foreign Ministry as merely a Kremlin puppet. Soviet Armenia retained a limited but significant degree of agency within the Union framework, especially on issues of cultural and historical importance. Ministers like John Kirakosian utilized their positions to advance Armenian national interests within the constraints of the Soviet system. Kirakosian, in particular, was instrumental in promoting the recognition of the Armenian Genocide, framing it as a critical historical and moral issue. Under his leadership, Soviet Armenia initiated archival

¹ Suny 2006; Sakwa 2017.

research and international conferences highlighting the genocide as a central theme in Armenian history.¹ His scholarly contributions, such as *Young Turks Before the Court of History* (1982),² not only bolstered academic discourse but also subtly advocated for international acknowledgment of the genocide under the USSR auspices.

Despite this dependence, the Soviet legacy also provided Armenia with generation of well-trained and experienced diplomats, which was crucial as the country navigated the complexities of post-Soviet international relations.

The dual nature of this legacy – both beneficial and restrictive – has been one of the defining features of Armenia's foreign policy in the post-independence era.³

State Building and the Evolution of Armenia's MFA

The development of Armenia's MFA reflects the broader trajectory of state-building, shaped by its leaders' strategic priorities and political dynamics. From its initial formation in the post-Soviet period to the more recent challenges under the current authorities, the MFA's role and effectiveness have evolved in response to domestic and international pressures.⁴ As Armenia transitioned from a Soviet republic to an independent state, it inherited bureaucratic frameworks and cultural norms from the Soviet state structure, including a centralized approach to decision-making.⁵ The degree of centralization has varied under the leadership of four consecutive governments, yet it remains an up-to-date and crucial issue.

Levon Ter-Petrosyan's Presidency (1991–1998)

Levon Ter-Petrosyan's presidency was a foundational period for Armenia's Ministry of Foreign Affairs (MFA), as the newly independent nation sought to establish its sovereignty and secure international recognition. During his tenure, the MFA was heavily engaged in managing critical foreign policy issues, including the ongoing conflict in Nagorno-Karabakh and establishing relations with key global powers. However, the MFA's autonomy was limited due to the highly centralized nature of the system, where key decisions, especially those linked to Nagorno-Karabakh and Armenian-Turkish relations, were made outside of the MFA, often by the president and his close advisors.⁶

During Levon Ter-Petrosyan's presidency, Armenia's foreign policy was shaped by the immediate needs of a newly independent state navigating a tumultuous regional and global environment. This period was characterized by a pragmatic and 'balanced' approach to foreign relations. Levon Ter-Petrosyan sought to establish and maintain diplomatic ties with both Western powers and Russia while avoiding alignment with any single bloc. This approach reflected Armenia's precarious geopolitical position and the need to prioritize state-building amid the ongoing conflict in Nagorno-Karabakh.

1 Institute of Oriental Studies, NAS RA, 2009.

2 Kirakosyan 1982.

3 Iskandaryan et al. 2016.

4 Grigoryan et al. 2019.

5 Suny 2006; Sakwa 2017.

6 Libaridian 1999; Iskandaryan et al. 2016.

The balanced policy was characterized by cautious engagement with Turkey. Although there were exploratory talks between Armenian and Turkish officials, relations remained strained due to Turkey's support for Azerbaijan in the Nagorno-Karabakh conflict and its reluctance to recognize the Armenian Genocide. Ter-Petrosyan's administration focused on de-escalating tensions and pursuing diplomatic avenues for normalization without making genocide recognition a central foreign policy goal.¹ The Nagorno-Karabakh conflict dominated Armenia's foreign policy agenda. Ter-Petrosyan's government advocated for a negotiated settlement based on compromise, which ultimately led to his resignation in 1998 caused by internal opposition to his approach.

Unlike his successors, Ter-Petrosyan would often change Foreign Ministers during his time in office. The first was Raffi Hovhannisyan, followed by Vahan Papazian, and finally, Alexander Arzumanyan. The frequent turnover in these roles reflected the centralization of foreign policy within the President's Office rather than within the MFA.²

It is also noteworthy that Ter-Petrosyan's resignation in 1998 was based on a foreign policy issue – his stance on the Nagorno-Karabakh conflict – and was forced not by the MFA but by the Prime Minister, the Minister of Defense, and the Minister of Interior and National Security.³

Robert Kocharyan's Presidency (1998–2008)

During Robert Kocharyan's presidency, the MFA's institutional capacity was strengthened as Armenia navigated a complex geopolitical landscape. The MFA played an increasingly active role in multilateral diplomacy, particularly within the United Nations and the OSCE frameworks. During this period, the Law on Diplomatic Service was adopted, providing a legal basis for the professionalization of Armenia's diplomatic service.⁴ It was a decade of stability in the MFA, as Vartan Oskanian, Armenian Minister of Foreign Affairs from diaspora, remained in office exactly as long as the president who appointed him. He introduced the concept of 'complementarity' in Armenian foreign policy, which refers to balancing relations with both Eastern and Western powers. This approach aimed to avoid excessive dependence on any one bloc. Oskanian sought to maintain strong ties with Russia while fostering relationships with Western institutions such as NATO and the EU.⁵

A key difference from Ter-Petrosyan's balanced policy was Kocharyan's inclusion of the Armenian Genocide international recognition as a formal agenda item in Armenia's foreign policy. This move resonated deeply with the global Armenian diaspora. It aimed to leverage genocide recognition to strengthen Armenia's moral and political position internationally. Relations with Turkey remained strained, with no progress toward normalization due to preconditions set by both sides.⁶

1 Ter-Petrosyan 2018.

2 Astourian 2000.

3 Libaridian 1999.

4 "Law of the Republic of Armenia on Diplomatic Service," ARLIS Official Legal Information System, accessed October 22, 2024, <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=75809>.

5 Oskanian 2006.

6 Oskanian 2013; Kocharyan 2019.

On the Nagorno-Karabakh issue, Kocharyan's administration adopted a more assertive stance. As a former leader of Nagorno-Karabakh, Kocharyan emphasized the self-determination for the region's Armenian population and sought to strengthen ties between Armenia and the de facto authorities in Stepanakert. This period saw the institutionalization of the negotiation process, with a dedicated group of diplomats from the Armenian Foreign Ministry regularly collaborating with the Artsakh Foreign Ministry, the Ministry of Defense, and other state bodies. This approach underscored the integration of Nagorno-Karabakh into Armenia's broader foreign policy framework while focusing on multilateral negotiations under the auspices of the OSCE Minsk Group. Despite these advancements, the centralization of decision-making in the state structure remained significant.¹

Serzh Sargsyan's Presidency (2008–2018)

Serzh Sargsyan's presidency marked a period of further institutionalization for the MFA. A significant milestone during this time was the establishment of the Diplomatic School of Armenia in 2009, which aimed to enhance the professional training of diplomats. This initiative was part of a broader effort to modernize Armenia's foreign service and ensure that its diplomats were equipped with the necessary skills to navigate increasingly complex international relations.²

The central focus of foreign policy during Serzh Sargsyan's presidency was the 'multi-vector policy.' Eduard Nalbandyan described it as "deepening relations and diversifying areas of cooperation with countries in the East and West, North and South, [which] is at the core of our foreign policy."³ Underscored by the unsuccessful attempts to normalize relations with Turkey in 2008–2009, the multivector policy largely mirrored the previous complementarity doctrine. It continued the institutionalized approach to addressing the Nagorno-Karabakh issue within the OSCE framework.

During this time, one of the MFA's most notable efforts was to secure an Association Agreement with the European Union (EU). The negotiations represented a significant push by the MFA to align Armenia more closely with European standards. However, this progress was abruptly reversed in 2013, when President Serzh Sargsyan chose to abandon the EU Association Agreement and instead announced Armenia's intention to join the Eurasian Economic Union (EAEU), a decision made without prior consultation with the MFA. This shift was seen as a significant blow to the MFA's efforts and reputation, underscoring that the real decision-maker in Armenia's foreign policy was the President, not the Ministry.⁴

The Revolutionary Government (2018–Present)

The institutional advancements of Armenia's Ministry of Foreign Affairs (MFA) faced significant challenges under Nikol Pashinyan's government. Initially, Pashinyan's regime change in 2018 promised a shift towards a more decentralized and transparent approach to governance, including foreign policy. However, as analyzed

1 Grigoryan et al. 2019.

2 Gabrielyan et al. 2016.

3 "The Armenian Minister of Foreign Affairs delivered a speech at World Affairs Council," Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia, September 24, 2012, accessed October 24, 2024, <https://www.mfa.am/en/press-releases/2012/09/24/la-wac/3181>.

4 De Waal 2018; Ter-Matevosyan et al. 2017.

by Arman Grigoryan, revolutionary governments, such as Pashinyan's, often bring with them leaders lacking sufficient experience in statecraft, which results in reckless decisions.¹ This phenomenon aligns with the revolutionary pressures Grigoryan describes, where radicalized, conflict-prone leaders tend to rise to power and prioritize uncompromising, idealistic goals over pragmatic state-building efforts.

Pashinyan's government struggled to balance populist promises with the practical demands of statecraft, particularly in the arena of foreign politics.² The MFA, an institution already grappling with limited resources, was increasingly sidelined in favor of centralized decision-making within the Prime Minister's Office. This pattern, described by Arman Grigoryan, is characteristic of post-revolutionary governments, which often concentrate power in fewer hands due to the lack of institutional checks and balances. The Armenian-Turkish negotiations, for instance, were led by a member of parliament from Pashinyan's party rather than by the MFA, highlighting the tensions between institutional roles and political leadership.³

Furthermore, Arman Grigoryan argues that revolutionary governments tend to reject compromise and bargaining, which often leads to catastrophic consequences in conflict settings.⁴ This was evident during Pashinyan's tenure, particularly in the run-up to the Second Karabakh War when the Armenian government adopted a hard-line stance, unwilling to negotiate on Karabakh's status. Statements such as Pashinyan's declaration in 2019 that "Artsakh is Armenia, period"⁵ reflect the rigid and uncompromising diplomatic posture described by Arman Grigoryan, which contributed to the escalation of the conflict. This hard-line diplomacy, combined with Pashinyan's centralization of foreign policy under his office and the appointments of inexperienced and unqualified individuals, including Ararat Mirzoyan as a Minister of Foreign Affairs, Vahan Kostanyan as a Deputy Minister, and many others, illustrate how revolutionary leadership can undermine institutional diplomacy, sidelining expertise in favor of political loyalty.

After the devastating defeat in the 2020 war and Pashinyan's subsequent re-election in 2021, the centralization of power within the Prime Minister's Office only deepened. Mirzoyan's appointment as Foreign Minister – despite his lack of diplomatic experience – further eroded the MFA's traditional role, as foreign policy was increasingly directed from the Prime Minister's Office. This move, as Hovhannes Nikoghosyan and Vahram Ter-Matevosyan as well as Arman Grigoryan suggest, highlights the growing trend of bypassing institutional expertise in favor of political allegiances, which has posed significant challenges to the professionalization and institutionalization of Armenian diplomacy.⁶

1 Grigoryan 2024.

2 Nikoghosyan, Ter-Matevosyan 2023.

3 "Armenia names Vice Speaker Ruben Rubinyan as Special Envoy for Dialogue with Turkey," Armenpress, December 18, 2021, accessed September 24, 2024, <https://armenpress.am/en/article/1071145>.

4 Grigoryan 2024.

5 "Armenia PM: Artsakh is Armenia, period," Armenian News – NEWS.am, 5 August, 2019, accessed September 24, 2024, <https://news.am/eng/news/527358.html>.

6 Nikoghosyan, Ter-Matevosyan 2023; Grigoryan 2024.

Methodology

The research employs a mixed-methods approach to study the evolution of diplomat-making in Armenia since its independence. The methodology is structured around two primary research methods: primary data collection related to the Diplomatic School of Armenia and expert interviews with key figures in Armenian diplomacy.

In order to effectively capture the evolution over time, the data analysis is segmented into distinct time frames corresponding to changes in the country's leadership:

- **First Stage:** Levon Ter-Petrosyan's incumbency (1991–1998);
- **Second Stage:** Robert Kocharyan's incumbency (1998–2008);
- **Third Stage:** Serzh Sargsyan's incumbency (2008–2018);
- **Fourth Stage:** Nikol Pashinyan's incumbency (2018–Present).

Interviews

Interviews are a critical component of the research, involving MFA officials who were actively engaged in Armenia's diplomatic processes through all four stages. The interviewees include former minister, high-ranking MFA officials, including career diplomats and scholars, whose experiences span from 1991 to 2021. In addition to serving as diplomats, they were at the root of the most significant initiatives aimed at the institutionalization of MFA and structured approach to preparation of diplomats, such as the Law on Diplomatic Service or the establishment of the Diplomatic School. Their insights offer a qualitative perspective on the practicalities of diplomat-making and its influence on foreign policy. Notably, no current MFA employees were interviewed due to non-response to interview requests.

Interview Structure:

The interviews are organized into three thematic blocks, each designed to explore specific aspects of the diplomatic profession:

1. Education:

- Questions explored where the interviewees had received their diplomatic education, the subjects prioritized during their training, and their assessment of the strengths and weaknesses of the educational process.

- Additional focus was set on how these diplomats enhanced their qualifications, including internships and other professional development opportunities.

2. Job Entry:

- This block examined the selection and entry process into the diplomatic service, including the priorities during recruitment, the role of interviews, and the mentorship programs in place.

- The research explored the practice of internships abroad, identifying key countries and the impact of these experiences on the diplomats' careers.

3. Evaluation:

- The interviewees were questioned about key milestones for career advancement, the types of diplomats who had the most impact on foreign policy, and specific cases where diplomatic preparation had a significant effect on policy outcomes.

Primary Data Collection: Diplomatic School of Armenia

In addition to expert interviews, the research includes direct primary data collection focusing on the Diplomatic School of Armenia. This part of the study covers the period from the establishment of the School in 2009 to 2024. Key areas of focus include admissions and curricula, training programs, and the institutional role of the Diplomatic School.

This methodology provides a comprehensive approach to understanding how the process of diplomat-making in Armenia has evolved, reflecting changes in leadership, educational practices, and institutional structures.

Data Analysis: The evolution of making diplomats

Stage 1: 4 Ministers to 1 President: Making of an Institute (1991–1998)

One of the interviewees, a high-ranking diplomat who started his diplomatic career in 1991 right after the establishment of the Ministry of Foreign Affairs, noted that right after its foundation the Ministry relied on three pillars as its cadre base: *former USSR diplomats of Armenian origin who offered their services, professionals from diaspora offering their services and graduates of the Department of Middle Eastern Studies of Yerevan State University.*

Former Soviet diplomats became the 'bureaucratic backbone' on which the MFA started to form. Eduard Nalbandyan (Minister of Foreign Affairs of Armenia, 2008–2018), for example, served as the First Secretary in the USSR Embassy in Egypt and was invited to become Armenia's *chargé d'affaires* in Egypt after independence by establishing the Armenian Embassy there and later becoming its first Ambassador. As quoted by interviewees, he was one of the people who knew 'from the inside' how Soviet foreign services worked. Other prominent cadres from the USSR state apparatus also served as carriers of institutional memory and contributors to putting the MFA on institutional rails. Arman Navasardyan (Deputy Minister, 1991–1993), for example, was an alumnus of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR and held several senior positions in the MFA of the USSR before its collapse.

The segment of diplomats from diaspora had two representatives in the highest echelon of the Ministry: the first Minister of Foreign Affairs Raffi Hovhannisyan and the fourth Minister of Foreign Affairs Vartan Oskanian. Their motivation was based on the post-independence euphoria and patriotic desire to serve the Republic of Armenia, bringing their knowledge and connections to the table. The case of Raffi Hovhannisyan, who served as a Minister for a very short time,¹ was, of course, a lot different from the case of Vartan Oskanian, who climbed the career ladder to the highest post and brought a lot of his experience in the West to the institutional

1 Elizabeth Shogren, "Armenia's First Post-Soviet Foreign Minister Resigns," Los Angeles Times, October 17, 1992, accessed September 24, 2024, <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1992-10-17-mn-226-story.html>.

development of the Ministry. It is mentioned that the diplomats and the cadre base were not the only things with which the Armenian diaspora, full of happiness and hope in the early 1990s, was ready to support the Armenian Republic. In the first years of independence, many wealthy people, organizations, the Armenian Revolutionary Federation (ARF), the Armenian Apostolic Church, Armenian Catholics, the Armenian Protestant Church, as well as big and small communities of the Armenian diaspora bought or rented buildings for Armenian embassies and providing significant financial support. Armenian politicians and diplomats were being welcomed in different parts of the world, from the USA to Europe and the Middle East, with all respect and tribute. The diaspora's support for the establishment and competitive advantages that the Armenian MFA and its foreign representatives received in the early 1990s was truly huge, especially given the ongoing war in Nagorno-Karabakh. This support allowed for an advantage in foreign representation over other regional countries.

Echoed by another high-ranking diplomat who worked in the system almost from the establishment to 2021, a Department of Middle Eastern Studies graduate, the recruitment from the mentioned department was very high, especially during the first years of independence. There were two reasons for this. First, many professors in the department were among the first to enter the newly established MFA, given their knowledge of foreign languages and experience. Hence, they were suggesting their successful students or recent graduates with potential for diplomatic service for the vacant roles in the Ministry. After the suggestion, the candidates were to be interviewed and to pass language tests as well as exams on the basics of international relations, but the headhunting of students took place first of all. The second reason was the special role of YSU's Department of Middle Eastern Studies due to its low acceptance rate, with only 25 available places annually and very high acceptance criteria. Given the scarcity of international relations schools in the Soviet Union except Moscow, the YSU's Department of Middle Eastern Studies was one of the few hubs in Soviet Armenia that provided an opportunity to connect with the world on the other side of the Iron Curtain, making it a prestigious and desirable place to study. In addition to one Middle Eastern language (Arabic, Turkish, Farsi) and military translation, the students also studied one European language (English, French, or German), with possible career paths to the USSR's MFA or military intelligence. After the USSR collapsed, that career path turned to Armenia's MFA, with euphoria and the mission of being the creators of one of the most vital institutions of the newly independent state coming as a bonus. A specificity of the cadres coming from this hub was that they eventually became the basis of what is known as 'career diplomats' who entered the institutions as employees or attachés and moved through the career ladder step by step to become Ambassadors, Deputy Ministers, like Artak Apitonyan, or, for example, in the case of Ara Ayvazyan (Minister of Foreign Affairs, 2020–2021) – Minister of Foreign Affairs.

During this timeframe, there was no law regulating the logic of foreign internships and qualification courses. However, the executive government had a clear vision that there was an urgent need to prepare competent diplomats. The strategy, thus, was to use all possible opportunities and send cadres upon every invitation. Fortunately, there were plenty of offers and opportunities coming from Russia, the US, EU countries, and Middle Eastern countries for Armenian diplomats. Egypt, for example, offered

five-month courses for 12 Armenian diplomats and later, based on the successful experience, made it regular for applicants from different countries too. It is important to mention that the diplomatic efforts of the representatives and, later, the Embassy of Armenia in Egypt played a great role in making these opportunities possible and in establishing friendly relations between the two countries.

Russia, in turn, offered quotas for Armenian diplomats in the Diplomatic Academy of MFA, and Armenian MFA sent them in full capacity. *'If they had offered 50 places, we would have sent 50 people,'* said one of the interviewees, highlighting that there was mutual interest and appreciation from the Armenian side, too.

There were also cases of institutionalization at the departmental level. One of the department heads, for example, established a system within the department whereby all the cadres passed the foreign internships and qualification courses that he had done before becoming head of the department.

Thus, during the initial stage of the development of Armenia's Ministry of Foreign Affairs, under the leadership of Levon Ter-Petrosyan and his three successive Foreign Ministers, the Ministry was largely reactive, adapting to the opportunities as they arose. The Ministry focused on building a strong diplomatic service through continuous training, internships, and qualification courses abroad. The influence of Soviet-era bureaucrats, who carried institutional memory and maintained strong ties to Russia and other post-Soviet states, persisted as a legacy of the Soviet period. Diaspora cadres contributed with their solid Western education and connections, while the young, motivated graduates from YSU's Middle Eastern Studies Department formed the core of the new diplomatic service. Despite these efforts, the level of institutionalization and the establishment of a clearly defined approach to the training and education of diplomats remained limited. This challenge became a key focus for subsequent administrations.

Stage 2: Oskanyan's Law on Diplomatic Service and Fletcher Contract (1998–2008)

Vartan Oskanian, a diaspora representative who worked in the MFA during Levon Ter-Petrosyan's tenure, was appointed Minister of Foreign Affairs by Robert Kocharyan and spent all ten years in the highest rank of the MFA under the second President.

One of the most significant steps in the institutionalization of the diplomatic service of Armenia was the Law of the Republic of Armenia on the Diplomatic Service (hereinafter 'the Law'), ratified in October 2001. The Law established the legal framework for the functioning and organization of Armenia's diplomatic service. It defined the structure of the diplomatic service, outlined the roles and responsibilities of diplomats, and specified recruitment, training, and career progression processes. The Law aimed to create a professional and merit-based foreign service that would effectively represent Armenia's interests abroad.

The Law outlined the structure of the MFA and its missions abroad, including embassies and consulates. It specified the roles and hierarchy within the diplomatic service, from junior diplomats to ambassadors. The Law mandated a merit-based recruitment process, requiring candidates to pass competitive tests and meet specific qualifications. It emphasized the importance of continuous professional development,

including mandatory training and qualifications, to ensure that diplomats were well prepared for their roles. It set clear guidelines for career advancement within the diplomatic service based on performance, experience, and qualifications. It also included provisions for the rotation of diplomats between different postings to ensure a broad range of experience. In addition, it enforced strict ethical standards for diplomats, including codes of conduct and disciplinary measures for breaches of these standards. All this aimed to ensure that diplomats maintained a high level of integrity and professionalism.

Specifically, several key educational requirements were underscored. The first was a higher education degree from a recognized institution, with a strong preference for fields relevant to diplomacy, such as international relations, political science, law, and economics. Second was language proficiency. Diplomats were expected to be fluent in at least one foreign language, with Russian and English being prioritized.

The Law emphasized the importance of comprehensive training for diplomats. Newly appointed diplomats were required to undergo initial training, which typically included courses on diplomatic protocol, international law, negotiation strategies, and geopolitical issues relevant to Armenia. Continuous professional development was also mandated by the Law, ensuring that diplomats remained current with global diplomatic practices. This included regular participation in training programs and professional development opportunities at home and abroad.

The Law also established a clear, merit-based pathway for career advancement within the diplomatic service. Diplomats were supposed to meet specific performance and qualification standards, and their progress within the service was contingent on successfully fulfilling these criteria. Regular evaluations and the requirement for continuous training ensured that only the most qualified individuals advanced to higher positions within the diplomatic hierarchy.

Leaving the effective and equal enforcement of the Law, the mere fact of adopting it was already a leap towards institutionalization, which later served as a basis for other important steps.

Oskanian's tenure and his approach towards the training of diplomats were also marked by cooperation with his alma mater, the Fletcher School of Global Affairs, with the financial support of the Tavitian Foundation. This initiative was another manifestation of the diaspora's investment in the Ministry's growth, as the founder of the Tavitian Foundation, entrepreneur Aso Tavitian, was another diaspora representative. The foundation sponsored MFA diplomats and civil servants for Tavitian Scholarship certificate programs at the Fletcher School, which started in 1999.¹ Groups of 15 diplomats or civil servants annually traveled to the United States for this special qualification program. In addition to diplomats from the Foreign Ministry, civil servants from the Ministries of Finance, Trade, Justice, Health as well as from the President's Office, the Prosecutor General's Office, and some agencies benefitted from the initiative.² Along with other training

1 "Minister Oskanian Addresses Fletcher School, Receives Dean's Medal," Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia, October 8, 2007, accessed October 24, 2024, <https://www.mfa.am/en/press-releases/2007/10/08/osk/356>.

2 "Celebrating the 2021 Tavitian Scholars Program Graduation," Tufts University, July 1, 2021, accessed October 24, 2024, <https://fletcher.tufts.edu/news-events/news/celebrating-2021-tavitian-scholars-program-graduation>.

opportunities for Armenian diplomats, this program became one of the periodic and institutionalized.

Vartan Oskanian's tenure left a notable legacy, including enacting the Law on Diplomacy, establishing partnerships with foreign institutions for regular qualification programs, and a good foundation for advancing the approach towards professional training within Armenia's diplomatic service.

*Stage 3: Nalbandyan's Decade:
"We Make Our Own Cadres" (2008–2018)*

The highlight of Edvard Nalbandyan's decade-long tenure was the establishment of the Diplomatic School of Armenia. The qualification programs, training and internships abroad gave Armenian diplomats a lot of understanding and experience, yet the necessity to make the cadres at home and to have a curriculum with Armenian foreign policy issues at the center led to the establishment of the school.

The Diplomatic School of Armenia was established as a crucial step in the professionalization of Armenia's diplomatic service, providing a structured and rigorous training process for future diplomats. Before the establishment of the School, candidates could enter the diplomatic service only through a selection process directly within the Ministry of Foreign Affairs. This process consisted of two stages: a written examination covering international relations and language proficiency, an analytical essay and an interview. To progress, candidates had to score 80% on the written component before moving on to the evaluation commission, which was chaired by the Secretary General of the MFA.

However, after the establishment of the Diplomatic School, only narrow specialists were admitted via an open call, and the majority of candidates came from the school. The admission process to the Diplomatic School also involved three stages: writing an essay, doing an interview and a language translation exam. The training program at the school lasted nine months and was intensive and comprehensive. Besides the main training program, the school offers consular training and mid-career training for diplomats.

During their training, students were required to pass multiple exams, including written assessments for each course. The curriculum was enriched by the participation of foreign instructors, who conducted two-week courses. These instructors included specialists from Russia, Estonia, China, the United States, etc., each bringing expertise in their respective fields. Notably, high-profile visitors such as ambassadors or foreign ministers of different countries were also invited to give guest lectures during their official visits to Armenia.

In addition to classroom instruction, the program allowed for two internships, including at least one visit to the Republic of Artsakh (Nagorno-Karabakh Republic). This hands-on experience was designed to provide students with practical insights and exposure to real-world diplomatic challenges.

If assessed from the lenses of the Valdai report *In Search of National Interests: How Diplomatic Preparation Affects the Sovereignty of Countries*, this curriculum reflects a blend of global epistemology and national priorities. Courses such as *Introduction to International Relations, International Law, and Security Studies* provide foundational

knowledge essential for understanding the global landscape, while specialized courses like *Armenia's Consular Diplomacy and Armenia's Relations with its Neighbors* ensure that diplomats are well versed in issues that directly impact Armenian sovereignty and regional stability. The inclusion of *Energy Politics, EU Processes, Institutions and Policy, and Public Diplomacy* highlights the need for diplomats to engage with emerging global challenges and multilateral institutions, consistent with the Valdai report's emphasis on aligning diplomatic training with national interests.

Furthermore, courses like *International Negotiation Skills and Diplomatic Ethics and Protocol* are crucial for building the practical knowledge that diplomats require in their daily interactions, both within Armenia and on the international stage. The curriculum's broad scope, covering everything from *Economic Diplomacy to Science Diplomacy*, reflects an understanding of the diverse skill set needed to assert Armenia's position in global affairs while ensuring that diplomats are equipped to address the specific challenges faced by their nation.

The selection process for the Diplomatic School was highly competitive, with some 200 applicants filtered down to 25–27 students (about 10–13%), of whom 10–15 would eventually become diplomats. After completing their education, graduates were subject to a probationary period of up to six months within the MFA. If their supervisor did not give a positive assessment at the end of this period, the graduate could be dismissed – a practice that, while rare, did occur. Nevertheless, successful cadres were judged to be highly productive by the interviewees who worked with them.

The training also included opportunities for international internships. Invitations for such internships were received regularly, and candidates were selected on the basis of their specialization. About 30% of these internships were in European capitals (Vienna, Brussels, Berlin), focusing primarily on security issues, with others in the United States, Iran, Egypt, and India. Russia was represented mainly by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs. In some cases, trainees were also sent to the Armenian Parliament and government institutions for further training.

This structured approach to diplomatic training marked a significant development in Armenia's foreign service, ensuring that the country's diplomats were not only well-educated but also well-prepared through practical experience and international exposure, and most importantly, they were made in Armenia with a precise focus on the foreign policy issues that Armenia faces. For example, the Nagorno-Karabakh issue and the Armenian Genocide were studied as required courses. Meanwhile, the MFA's firm stance on accepting and promoting cadres that graduated from the school highly emphasized its importance and increased the number of applicants.

However, the Diplomatic School of Armenia faced challenges and had its own shortcomings. In 2016 Ambassador Vahe Gabrielyan, director of the Diplomatic School of Armenia, co-authored an article which compared 14 Diplomatic Schools, Academies, and Training Centers. The text highlighted several challenges that the Diplomatic School of Armenia was already facing back then.¹ Key findings included the variability in training approaches, the importance of aligning training programs with national contexts, and the issues smaller institutions like the Diplomatic School of Armenia

1 Gabrielyan et al. 2016.

deal with, particularly in sustaining funding and developing a comprehensive training model. The paper concluded that the future of the Armenian school depended on continued government support and strategic development, especially as international funding was to wind down in 2017.

Despite the challenges, the Diplomatic School of Armenia is surely a valuable legacy of Nalbandyan's incumbency as a Minister of Foreign Affairs, which proved to be a productive, sustainable, and systematic institute for making Armenian diplomats.

*When the Revolution Comes to MFA:
Pashinyan and three Ministers (yet) (2018–present)*

After the regime change in 2018, Nikol Pashinyan appointed Zohrab Mnatsakanyan, a diplomat from within the Ministry, as Minister of Foreign Affairs. During Pashinyan's tenure, the second minister was also a career diplomat, Ara Ayvazyan, who took office immediately after the war but held the position for only seven months. Following the post-war snap elections, Pashinyan moved toward greater centralization of power and made a political appointment. Ararat Mirzoyan, a founding member of Pashinyan's *Civil Contract* party, became Minister of Foreign Affairs; he remains in office.

As the revolution affected the MFA, like other government bodies, individuals who had not completed the required milestones, including studies at the Diplomatic School, began to receive high-ranking positions. According to the interviewees, this development posed a serious challenge to maintaining the significance of the Diplomatic School. At the same time, there was competition among ministries for the best talent. Since the MFA was the only ministry requiring completion of the Diplomatic School for employment, it became less attractive to new graduates. This context is how decision-makers from the 2018–2020 period explain the shift towards open job applications that bypassed the Diplomatic School, starting in 2018.

However, the interviewees' opinions on this matter diverge. Some high-ranking diplomats who remained in the system during this period view the decision to restart the open calls as the primary reason for the diminishing role of the Diplomatic School and the deinstitutionalization of diplomatic training in Armenia. As one interviewee associated with the Diplomatic School noted, the number of applications dropped after 2018, as did the school's status.

The dismissal of Zohrab Mnatsakanyan following the 2020 Nagorno-Karabakh War and the subsequent appointment of Ara Ayvazyan led to only minor changes, such as the inclusion of Azerbaijani studies in the curriculum of the Diplomatic School. However, Ayvazyan's tenure was marked by turbulence and internal governmental conflicts, including instances where the Ministry was bypassed by the Prime Minister's Office. As a result, it is difficult to identify any significant developments during this period regarding the diplomat-making process.

In 2021, the Minister of Foreign Affairs, all Deputy Ministers, Secretary General and subsequently more than a dozen of Ambassadors and high-ranking career diplomats resigned, citing deep disagreements with Nikol Pashinyan's foreign policy and the practice of bypassing the Ministry. Following his re-election, Pashinyan appointed Ararat Mirzoyan, which appeared to resolve the conflicts between the government and the Ministry for the above reasons. However, those who resigned in 2021 generally agree that the Ministry's institutional role is at its weakest in history,

with most decisions now being politically driven. As one former official remarked, “Currently, the Ministry of Foreign Affairs serves merely a façade function.”

As noted above, the Ministry of Foreign Affairs did not respond to requests for an interview, which may present a limitation due to the lack of data. However, three key findings can be highlighted to conclude this section: the diminished role of the Diplomatic School, the facilitation of the admission process, and the failure of the institution to advise the political leadership and to lead the nation in foreign policy issues.

Key Findings and Conclusion

Thus, the evolution of Armenia’s Ministry of Foreign Affairs (MFA) rests upon three key pillars: the legacy of the Soviet Union, which provided a base of well-trained and experienced professional diplomats; the contributions of the Armenian diaspora, both in terms of personnel and material support; and the input of graduates of the Yerevan State University’s Department of Middle Eastern Studies, who formed the core of the newly established MFA.

In the early years of independence, Armenia’s executive government recognized the urgent need for a solid diplomatic service, but the war in Nagorno-Karabakh and other immediate foreign policy challenges left little room for a standardized approach. As a result, the initial preparation of diplomats was chaotic but rich in opportunities. The MFA sent diplomats to a wide range of suggested internships and qualification courses abroad, seizing every opportunity to build the necessary expertise as quickly as possible.

Under the leadership of Vartan Oskanian and Eduard Nalbandyan, Armenia’s foreign service took significant steps towards institutionalization. Adopting the Law on Diplomatic Service in 2001 and establishing the Diplomatic School of Armenia in 2009 were pivotal moments in creating a more structured and professional diplomatic service. These developments laid the groundwork for a merit-based system that emphasized continuous training and qualifications, aligning Armenia’s diplomatic practices with international standards. Although there were serious challenges and shortcomings and all subsequent Armenian governments achieved certain levels of power centralization and, therefore, politicization of the Ministry, the mentioned steps provided a solid ground for the further development of an institutional approach to diplomatic training in Armenia.

However, recent developments under Nikol Pashinyan’s government have posed challenges to these institutionalization efforts. The return to open calls for diplomatic positions, bypassing the Diplomatic School, and the political appointment of key figures like the Minister of Foreign Affairs have contributed to a perceived weakening of the MFA’s institutional role. Moreover, lack of diplomatic education and background of key figures such as ministers, deputy ministers, or ambassadors to strategically important countries (e.g. Russia, the US, etc.) changed the attitude towards diplomacy and diplomatic work, which contradicted the necessity of forming diplomatic traditions.

The erosion of the Diplomatic School’s significance and the further centralization of foreign policy decisions within the Prime Minister’s Office have raised concerns about the long-term sustainability of Armenia’s diplomatic service. Moreover, it has demotivated other diplomats to improve their skills by sending a clear message: political loyalty prevails over professional competence.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Acemoglu, Daron, and James A. Robinson. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Crown Business, 2012.
- Allison, Graham. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Little, Brown and Company, 1971.
- Alliso, Graham, and Philip Zelikow. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. 2nd ed. Longman, 1999.
- Astourian, Stephan. *From Ter-Petrosian to Kocharian: Leadership Change in Armenia*. UC Berkeley: Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies, 2000.
- Berridge, G.R. *Diplomacy: Theory and Practice*. 4th ed. Palgrave Macmillan, 2010.
- Black, Jeremy. *A History of Diplomacy*. University of Chicago Press, 2020.
- Carlsnaes, Walter. "Foreign Policy." In *Handbook of International Relations*, edited by Walter Carlsnaes, Thomas Risse, and Beth A. Simmons, 331–349. Sage Publications, 2002.
- De Waal, Thomas. *The Caucasus: An Introduction*. 2nd ed. Oxford University Press, 2018.
- Gabrielyan, Vahe, Peter Stroobants, and Eiki Berg. "How Do You Tailor Diplomatic Training? Sizing up Peer Institutions and Their Training Practices for the Diplomatic School of Armenia," *Global Affairs* 2, no. 2 (2016): 223–231. <https://doi.org/10.1080/23340460.2016.1188516>.
- Grigoryan, Aleksandr, Knar Khachatryan, and Vahram Ter-Matevosyan. "Armenia-Turkey Border Opening: What Determines the Attitude of Armenians?" *Caucasus Survey* 7, no. 1 (2019): 25–43. <https://doi.org/10.1080/23761199.2018.1499298>.
- Grigoryan, Arman. "Revolutionary Governments, Recklessness, and War: The Case of the Second Karabakh War." *Security Studies* 33, no. 3 (2024): 372–406. <https://doi.org/10.1080/09636412.2024.2327316>.
- Halperin, Morton H., and Priscilla Clapp. *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Brookings Institution Press, 2006.
- Institute of Oriental Studies, NAS RA. "John Kirakossian: At the Origins of Independent Statehood and Political Armenology." Tigran Mets, 2009.
- Iskandaryan, Alexander, Hrant Mikaelian, and Sergey Minasyan. *War, Business, and Politics: Informal Networks in Post-Soviet Armenia*. Yerevan: Caucasus Institute, 2016.
- Jönsson, Christer, and Martin Hall. *Essence of Diplomacy*. Palgrave Macmillan, 2005.
- Kerr, Pauline, and Geoffrey Wiseman, eds. *Diplomacy in a Globalizing World: Theories and Practices*. Oxford University Press, 2011.
- Kocharyan, Robert. *Life and Freedom: Autobiography of the Former President of Armenia and Nagorno-Karabakh*. Moscow: Alpina PRO, 2019.
- Libaridian, Gerard. *The Challenge of Statehood: Armenian Political Thinking Since Independence*. Blue Crane Books, 1999.
- McKercher, Brian J.C., ed. *Routledge Handbook of Diplomacy and Statecraft*. Routledge, 2011.
- Nikoghosyan, Hovhannes, and Vahram Ter-Matevosyan. "From 'Revolution' to War: Deciphering Armenia's Populist Foreign Policy-Making Process." *Southeast European and Black Sea Studies* 23, no. 2 (2023): 207–227. <https://doi.org/10.1080/14683857.2022.2111111>.
- Oskanian, Vartan. *Speaking to Be Heard: A Decade of Speeches*. Civilitas Foundation, 2008.
- Oskanian, Vartan. *By the Path of Independence. The Big Challenges of the Small Country, from the Minister's Diary*. Civilitas Foundation, 2013.
- Roberts, Ivor, ed. *Satow's Diplomatic Practice*. 6th ed. Oxford University Press, 2009.
- Sakwa, Richard. *Russia Against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order*. Cambridge University Press, 2017.
- Suny, Ronald Grigor. *The Structure of Soviet History: Essays and Documents*. Oxford University Press, 2006.
- Ter-Matevosyan, Vahram, Anna Drnoian, Narek Mkrtychyan, and Tigran Yepremyan. *Armenia in the Eurasian Economic Union: Reasons for Joining and its Consequences*. Eurasian Geography and Economics, 2017.
- Ter-Petrosian, Levon. *Armenia's Future, Relations with Turkey, and the Karabagh Conflict*. New York: Palgrave Macmillan, 2018.

Authors

Sergei G. Melkonian,

PhD, Research Fellow, Caucasus Studies Department, Institute of China and Contemporary Asia Russian Academy of Sciences

32, Nakhimovsky avenue, Moscow, Russia, 117997

e-mail: sergei.g.melkonian@gmail.com

Knarik M. Jalatyan,

Program Coordinator, Armenian Research Institute

23/1, Rubinyants street, Yerevan, Armenia, 0069

e-mail: knarikmjalatyan@gmail.com

Additional information

Received: October 01, 2024. Revised: November 20, 2024. Accepted: November 25, 2024.

Acknowledgment

The authors would like to express their gratitude to Dr. Arsen Gasparyan for his ongoing support and consultation throughout the research process. Special thanks also go to the Ambassadors Extraordinary and Plenipotentiary (ret.) Artak Apitonyan, Ara Ayvazyan, and Shahen Avakian for providing valuable information and materials.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Melkonian, Sergei G., and Knarik M. Jalatyan. "From Independence to 'Revolution': The Evolution of Armenia's Diplomatic Service." *Journal of International Analytics* 15, no. 4 (2024): 137–157.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-137-157>

От независимости к «революции»: эволюция дипломатической службы Армении

АННОТАЦИЯ

С момента обретения независимости в 1991 г. перед Арменией стоит непростая задача создания профессиональной дипломатической службы, что связано с необходимостью укрепления государственности и с потребностью ориентироваться на геополитической арене. В настоящем исследовании рассматривается эволюция внешнеполитического ведомства Армении с особым вниманием к таким важнейшим вехам, как принятие Закона о дипломатической службе в 2001 г. и создание Дипломатической школы Армении в 2009 году.

С помощью анализа количественных данных и применения качественных методов, включая изучение первоисточников и интервью с бывшими дипломатами и учеными, предпринимается попытка ответить на вопрос о том, какова роль институтов, политических лидеров и внешних факторов в формировании дипломатической службы страны. Анализ показал, что особый вклад в ее первоначальное становление внесли бюрократические структуры советского периода, армянская диаспора и выпускники специализированных академических программ. В дальнейшем сменявшие друг друга правительства стремились к большей профессионализации службы посредством институциональных реформ. Тем не менее, Министерство иностранных дел зачастую сталкивалось с такими проблемами, как централизация и политизация процесса принятия решений. Последние события, произошедшие при «революционном» правительстве Никола Пашиняна, свидетельствуют об эрозии институциональных практик, включая ослабление роли Дипломатической школы и превалирование критерия политической лояльности над принципом меритократии при распределении должностей. В настоящем исследовании анализируются взаимосвязи между институциональным развитием, бюрократической политикой и суверенитетом в дипломатии Армении. Таким образом, работа вносит вклад в понимание процессов государственного строительства в постсоветских государствах. В статье делается вывод о том, что, хотя Армения добилась значительного прогресса в институционализации дипломатической службы, для сохранения этих достижений необходимо нивелировать актуальные тенденции, которые подрывают ее эффективность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Армения, дипломатическая служба, внешняя политика, Нагорный Карабах, Министерство иностранных дел, революция, суверенитет

Сведения об авторах

Сергей Георгиевич Мелконян,

к.и.н., научный сотрудник Сектора кавказских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук
117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, 32

e-mail: sergei.g.melkonian@gmail.com

Кнарлик Мурадовна Джалатян,

программный координатор Армянского института исследований
0069, Армения, Ереван, ул. Рубинянц, 23/1

e-mail: knarikmjalatyan@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 октября 2024.

Переработана: 20 ноября 2024.

Принята к публикации: 25 ноября 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Благодарность

Авторы хотели бы выразить благодарность Арсену Гаспаряну за постоянную поддержку и консультации в процессе исследования. Особая благодарность также выражается Чрезвычайным и Полномочным Послам (в отставке) Артаку Апитоняну, Аре Айвазяну и Шагену Авакяну за предоставление ценной информации и материалов.

Цитирование

Мелконян, С.Г., Джалатян, К.М. От независимости к «революции»: эволюция дипломатической службы Армении // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (4). С. 137–157.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-137-157>

Подготовка специалистов в области международных отношений в Казахстане

Рустем Салимович Курмангужин, Гуманитарная школа Университета Нархоз, Алматы, Казахстан

Роза Тлеубердиевна Саурамбаева, заслуженный работник дипломатической службы Республики Казахстан, Алматы, Казахстан

Контактный адрес: rustemks@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Основываясь на истории становления и развития дипломатической службы Казахской ССР и Республики Казахстан, авторы анализируют процесс подготовки специалистов в области международных отношений. На первоначальном этапе такая подготовка полностью подчинялась логике и актуальности задач, которые в 1940-х гг. решала советская дипломатическая служба на международной арене. По мере изменения ситуации в мире и появления новых тенденций во внутриполитическом развитии Советского Союза отношение к подготовке национальных кадров в области дипломатии, в т.ч. для МИД Казахской ССР, изменилось. После обретения независимости Республика Казахстан, исходя из принципа многовекторности внешней политики, начала сложный процесс самостоятельной подготовки специалистов в области международных отношений, опираясь на традиции российской / советской школы дипломатии. В современных же условиях стремительно меняющегося баланса сил на международной арене, крушения однополярного мира Республика Казахстан стоит перед новыми проблемами, требующими своего решения. Авторы приходят к выводу о необходимости внесения некоторых коррективов в систему профессиональной подготовки дипломатических кадров, которым предстоит в дальнейшем защищать интересы Республики Казахстан, стремящейся к продвижению своих позиций на международной арене уже в статусе «среднего» государства, осознающего свою ответственность за формирование новых правил игры в будущей системе международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

подготовка казахстанских дипломатов, независимый Казахстан, новый статус Дипломатической академии МИД РК, многовекторная дипломатия, «среднее» государство

Введение

Подготовка специалистов в области международных отношений, как в период существования Казахской ССР, так и в Республике Казахстан, на различных этапах исторического развития имела разную степень актуальности.

На начальном этапе (1940–1960-е гг.) важность данной проблематики определялась интересами самого Советского Союза, реализовывавшего свои четко поставленные внешнеполитические цели.

В дальнейшем необходимость подготовки национальных кадров в области международных отношений в советских республиках, в том числе в Казахской ССР, стала подчиняться определенной логике не только внешнеполитических, но и, в существенной степени, внутривнутриполитических интересов руководства СССР.

Особую актуальность данный вопрос обрел в период независимости, когда перед Республикой Казахстан встала необходимость самостоятельной подготовки профессиональных кадров в области международных отношений.

Не исключено, что данное исследование является первой попыткой системно рассмотреть вопрос, который ранее обсуждался преимущественно на «закрытых» дискуссионных площадках. В публичное пространство могли выходить отдельные статьи за авторством людей из «ближнего окружения» первого президента (судя по стилистике этих статей, они могли готовиться профессионалами советской школы дипломатии). Одной из них является публикация в газете «Казахстанская правда» М.Ж. Жолдасбекова, который возглавлял в тот период Дипломатическую академию МИД Республики Казахстан¹.

Приходится констатировать, что ключевые материалы, связанные с подготовкой казахстанских дипломатов, находятся, как правило, в немногочисленных частных архивах профессионалов, знакомых не только с казахстанской практикой подготовки дипломатов, но и с традициями советской дипломатии.

Целью предлагаемого исследования, основывающегося на методологии историзма и сравнительного анализа, является объективное рассмотрение тридцатилетнего опыта подготовки дипломатов, в процессе которой менялись методики и изучаемые дисциплины.

Использованные в исследовании подходы позволяют не только показать новизну самого предмета, но и определить возможности для дальнейшего устранения имеющихся пробелов в образовательном процессе, в первую очередь по специальности «международные отношения». Не исключено, что некоторые представленные предложения могут показаться радикальными. Но это – веление времени. Авторы, имеющие десятилетний опыт практической работы в системе МИД Казахской ССР, Республики Казахстан, а также аналогичный опыт в сфере подготовки казахстанских дипломатов и специалистов в области международных отношений, не считают возможным закрывать глаза на имеющиеся проблемы.

1 Жолдасбеков, М. Дипломатами не рождаются // Казахстанская правда. 10 ноября 1998 г.

Подготовка казахстанских дипломатов в советский период

В 1944 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР был преобразован из союзного в союзно-республиканский; были восстановлены Народные комиссариаты иностранных дел союзных республик. Для обеспечения деятельности внешнеполитических ведомств республик была предусмотрена должным образом структурированная система подготовки дипломатических кадров. В тот период в планах советского руководства было включение не только собственно СССР, но и 15 союзных республик в состав государств-основателей ООН¹. Аргументируя свою позицию, Москва напоминала, что «по новой Конституции СССР все союзные республики самостоятельны». При этом отмечалось, что некоторые из республик имеют гораздо большее население, чем страны, ранее рекомендованные в ООН². Как известно, в 1945 г. США и Великобритания взяли на себя обязательство поддержать предложение СССР сделать учредителями ООН только Украинскую и Белорусскую ССР³.

Поскольку процесс образования союзно-республиканского внешнеполитического ведомства был уже запущен, для кадрового укрепления Народного комиссариата иностранных дел Казахской ССР на 10-месячные дипломатические курсы в Москву в 1944 г. была направлена первая группа из 11 человек⁴, которые были рекомендованы республиканским партийным органом. Пятеро из них учились на дипломатическом отделении Высшей партийной школы. В тот период существовали также курсы переводчиков при ЦК ВКП (б). Преподавание велось носителями языков⁵. После окончания учебы получившие необходимое образование специалисты начали трудовую деятельность во внешнеполитическом ведомстве Казахской ССР⁶.

В 1945 г. в Высшую дипломатическую школу (ВДШ) МИД СССР были дополнительно направлены три человека. Еще трое были рекомендованы для поступления в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Среди них был М.С. Фазылов, глава МИД Казахской ССР в 1970-х годах. Он стал единственным казахом – послом СССР (сначала в Мали, в дальнейшем в Марокко). В 1946 г. от Казахской ССР в ВДШ были направлены еще три человека.

Несколько по-другому складывалась ситуация на Украине, где с 1944 г. в Киевском государственном университете имени Т.Г. Шевченко существовал факультет международных отношений, куда в свое время безуспешно пытался сдать документы известный впоследствии израильский дипломат и политик Авигдор Либерман⁷.

Возвращаясь к Казахской ССР, следует отметить, что в конце 1940-х – начале 1950-х гг. необходимость в полноценном республиканском министерстве

1 Арыстанбекова 2004, 37.

2 Токаев 2003, 430.

3 История внешней политики 1976, 500.

4 Вопросы внешней политики и история Казахстана 2014, 34.

5 Ерофеев 2005, 21.

6 Курмангужин 2003, 17.

7 Со слов А. Либермана, кадровики сказали ему: «Это университет имени Тараса Григорьевича Шевченко, а не Шолом-Алейхема». Из личного архива С.А. и Р.С. Курмангужиных.

постепенно теряла актуальность. Естественным образом количество сотрудников внешнеполитического ведомства, а также обучавшихся в Москве специалистов из республики сократилось. Когда же вопрос финансирования МИД Казахской ССР был передан на республиканский уровень (середина 1950-х гг.), во внешнеполитическом ведомстве осталось лишь пять работников: министр (по совместительству заместитель председателя правительства), помощник, второй секретарь, водитель и бухгалтер. К концу 1950-х гг. ситуация изменилась в лучшую сторону. К тому времени была введена практика направления глав МИД Казахской ССР на ежегодные сессии ГА ООН в качестве членов советской делегации. Москва вновь стала уделять более пристальное внимание подготовке специалистов-дипломатов из союзных республик.

С 1959 г. приемная комиссия МГИМО начала набор производственников в Казахской ССР для учебы в московском вузе. Среди первых кандидатов был Д. Байдильдин, ставший впоследствии одним из ведущих советских китаистов. В 1962 и 1963 гг. по окончании ВДШ в посольства СССР в страны Африки и Ближнего Востока были направлены М. Кисаметдинов (Гана) и С. Курмангужин (Египет), в 1967 г. продолживший дипломатическую карьеру в центральном аппарате МИД СССР. В период 1968–1973 гг. в центральном аппарате работало еще четыре казахстанца, ранее окончивших ВДШ или МГИМО: второй секретарь отдела информации Генерального секретариата С. Жуматов, второй секретарь III Европейского отдела Д. Раимбеков, третий секретарь А. Иргибаяв и атташе Д. Байдильдин из отдела Дальнего Востока.

К тому времени на работу в загранпредставительства СССР было направлено шесть других казахстанцев, окончивших ВДШ: Х. Омаров выехал в Монголию, С. Батырша-Улы – в Алжир, В. Гизатов и К. Сарсенов – в Китай, И. Амангалиев – в Индонезию. В середине 1970-х гг. ВДШ также окончили Т. Шакаримов (секретарь Усть-Каменогорского горкома партии) и сотрудник МИД Казахской ССР К. Кабдешев.

В советское время существовала практика направления на заграничную работу партийных функционеров, в том числе из Казахской ССР, которые проходили переподготовку в ВДШ (с 1974 г. – Дипломатической академии МИД СССР). Первый секретарь Алма-Атинского горкома и обкома КП Казахстана Н. Дыхнов был командирован советником-посланником в Болгарию. Первый секретарь Кустанайского обкома комсомола Б. Темников стал советником в Италии. Секретарь Талдыкорганского (тогда – Талды-Курганского) обкома КП Казахстана В. Солодилов работал советником в Иране.

С учетом их опыта предыдущей работы они направлялись в основном освобожденными секретарями партийных организаций посольств СССР, что не давало им возможности в полной мере овладеть профессией дипломата. Только второй секретарь ЦК Компартии Казахстана О. Мирошхин после декабрьских событий 1986 г. в Алматы был командирован послом СССР в Замбию¹, что, по всей вероятности, могло рассматриваться как «политическое назначение».

1 Исиналиев 2003, 200.

В 1970-х гг. в МГИМО поступило немало абитуриентов из Казахской ССР. Это объяснялось существовавшими тогда в СССР едиными стандартами среднего образования, что позволяло целеустремленным молодым людям, в том числе из Казахской ССР, успешно конкурировать с абитуриентами из престижных московских школ. Многие из выпускников МГИМО и Дипакадемии в дальнейшем работали в МИД СССР, МИД Казахской ССР, а также на государственных постах Республики Казахстан: К.К. Токаев (глава МИД с 1994 по 1999 гг. и с 2002 по 2007 гг., Премьер-министр РК с 1999 по 2002 гг., Председатель Сената Парламента РК с 2007 по 2011 и с 2013 по 2019 гг., Заместитель Генерального секретаря ООН с 2011 по 2013 гг., Президент Республики Казахстан с 2019 г.), Е. Идрисов (глава МИД РК в 1999–2002 и 2012–2016 гг.), Г. Касымов (сенатор Парламента РК), Б. Тайжан (посол РК в Египте), А. Ахметов (посол РК в Таджикистане), Б. Надиров (советник-посланник в Москве, посол по особым поручениям МИД РК), Е. Кошербаев (посол РК в России, аким Восточно-Казахстанской области) и многие другие. К.К. Токаев, Е. Идрисов и Е. Кошербаев также окончили Дипломатическую академию в Москве. Некоторые выходцы из Казахстана продолжали работать в МИД России: М.М. Ширинский был послом РФ в Руанде и Судане, А. Сыздыков – временным поверенным России в Судане. Среди казахстанских дипломатов, занимавших в дальнейшем ответственные посты, были выпускники и Ленинградского университета, известного качественной подготовкой арабистов: Е. Казыханов (глава МИД РК в 2011–2012 гг.) и А. Мусинов (генеральный секретарь Исламской организации по продовольственной безопасности).

В целом в советский период руководство Казахской ССР, несмотря на принимаемые главами республиканского внешнеполитического ведомства усилия, а также вопреки наличию в системе МИД СССР высококвалифицированных выходцев из Казахстана, недостаточно интересовалось судьбами дипломатов-профессионалов, работавших в Москве. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в свое время рекомендации им для поступления в ВДШ / ДА и МГИМО давало Бюро ЦК Компартии Казахстана. Не исключено, что такое невнимание объяснялось тем, что на должности глав республиканского МИД иногда приходили функционеры, не имевшие не только профильного образования, но и понимания важности продвижения за рубежом имиджа Казахской ССР, входившей в состав Советского Союза.

Ситуация изменилась после 1989 г., когда первым секретарем Компартии Казахстана стал Н.А. Назарбаев, а главой МИД Казахской ССР была назначена А.Х. Арыстанбекова, получившая ранее солидный опыт работы в руководстве Казахстанским обществом дружбы с зарубежными странами. Новый министр инициировала реализацию принципиально важного для будущего становления казахстанского МИД проекта. В августе 1990 г. Н.А. Назарбаев принял замминистра иностранных дел СССР В.М. Никифорова. Одним из вопросов было обсуждение представительства Казахской ССР в посольствах и консульствах СССР¹.

1 Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности. 1990–1991 годы. Астана: Деловой Мир Астана, 2011. С. 59. URL: <https://e-history.kz/upload/iblock/1e7/1e71a3751d420a4b61607c9618fb2480.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

Сегодня ясно, что Н.А. Назарбаев оказался единственным из руководителей стран постсоветского пространства, который пригласил в МИД суверенного Казахстана дипломатов, чье профессиональное становление прошло в системе МИД СССР. Именно эти кадровые дипломаты принесли с собой понимание того, что в силу геополитического положения внешняя политика Республики Казахстан должна носить многовекторный характер¹.

Подводя итоги советского периода истории дипломатической службы Казахстана, необходимо вновь акцентировать внимание на том, что на протяжении многих лет в Москву на учебу направлялись десятки молодых людей из Казахстана. По окончании учебы в ВДШ / ДА и МГИМО они занимали достойные позиции в советской дипломатической службе. Им приходилось непосредственным образом отстаивать интересы «великой державы» не только в социалистических странах (Китай, Монголия, КНДР), но и государствах тогдашнего «третьего мира» (Турция, Иран, Египет, Сирия, НДРЙ, Эфиопия, Мозамбик и др.).

Именно по этим странам, находящимся в стратегических точках мира, проходила линия противоборства двух тогдашних политических систем. Здесь был реальный фронт советской дипломатии, где «при исполнении служебных обязанностей» погибали и казахстанцы. До сих пор на доске почета в фойе здания на Смоленской площади в Москве можно увидеть имя казахстанского выпускника ВДШ МИД СССР Самата Слямбековича Сундетбаева, погибшего в 1967 г. в Йемене.

Подготовка дипломатов в суверенном Казахстане

После обретения независимости главой МИД Республики Казахстан стал Т.К. Сулейменов, ранее работавший освобожденным секретарем парткома посольства СССР в Иране. Его первым заместителем был назначен С.А. Курмангужин, занимавший в МИД СССР должность эксперта-консультанта Управления по работе с советскими посольствами. Заместителем министра был назначен К.К. Токаев². Сохранил пост заместителя министра С. Батырша-улы, выпускник ВДШ. Руководителями подразделений МИД РК в тот период были выпускники ВДШ И.А. Амангалиев (начальник управления СНГ), В.Х. Гизатов (начальник управления Америки и Европы), Х.Р. Омаров (начальник управления Азии), Р.Ш. Турдиев (начальник управления Ближнего и Среднего Востока), которого сменил Н.Ж. Даненов (будущий первый заместитель главы МИД, посол РК в европейских странах)³.

Синтез ранее не востребованного потенциала казахстанских дипломатов советской школы с открывающимися возможностями по практическому воплощению их опыта и идей в дипломатии независимого государства способствовал появлению «многовекторной внешней политики Республики Казахстан».

1 Под стягом независимости: Очерки о внешней политике 1997, 12.

2 В 1993 г. он стал первым заместителем главы МИД РК, 13 октября 1994 г. – министром иностранных дел. В общей сложности К.К. Токаев возглавлял казахстанское внешнеполитическое ведомство более 11 лет.

3 Курмангужин 2022, 30.

После приема за полгода 1992 г. в штат МИД РК 187 новых сотрудников¹ стала очевидна необходимость выстраивания собственной системы подготовки дипломатических кадров. На первых порах молодые специалисты направлялись на учебу в дипломатические академии и другие высшие учебные заведения за рубежом. Специальные курсы для дипломатов из стран СНГ при Венской дипломатической академии окончили три человека. В Берлинском отделении Дипломатической академии МИД ФРГ прошли подготовку еще три сотрудника. Трое обучались на двухгодичном отделении Дипломатической академии МИД России.

Только в 1997–1998 гг. молодые дипломаты прошли кратковременные курсы по международному праву в Лондонском королевском колледже, Институте дипломатической службы при МИД Индии, дипломатические курсы при МИД Пакистана, Институте международных отношений (Нидерланды), а также в Турции, Японии, Таиланде (специальные дипломатические курсы), Китае (Дипломатический институт при МИД), Египте (фонд технического содействия при МИД) и Германии (курсы для молодых дипломатов)². Расходы на обучение брала на себя принимающая сторона.

Выступая в феврале 1995 г. на совещании по вопросам внешней политики, глава МИД РК К.К. Токаев говорил о необходимости «готовить предпосылки для создания своего института при Министерстве иностранных дел»³. Рассматривалась возможность осуществления этого плана на базе соответствующего факультета одного из алматинских вузов.

Учитывая актуальность проблематики профессиональной подготовки казахстанских дипломатов (в системе МИД РК из 454 дипломатов только 73 имели профильное образование)⁴, в сентябре 1996 г. Постановлением Правительства РК была создана Высшая дипломатическая школа МИД РК, в 1997 г. переименованная в Дипломатическую академию (ДА).

При ее создании активно использовался опыт работы Дипломатической академии МИД СССР / России, сохранившей традиции профессиональной подготовки дипломатов. В ходе командирования в Москву одного из авторов этой статьи, впоследствии руководившей подразделением в ДА МИД РК, был проанализирован и при содействии опытных казахстанских дипломатов внедрен в обучение приемлемый зарубежный опыт.

Интерес в тот период представляли следующие актуальные учебные программы ДА МИД России: «Основы дипломатии», «Внешняя политика СССР и международные отношения», «Теория международных отношений и внешней политики», «Мировое сообщество и глобальные проблемы современности», «Внешняя политика и дипломатия ведущих стран мира», «Политология», «Основы экономической теории», «Мировое хозяйство и международные экономические отношения», «Анализ экономического положения зарубежных стран», «Дипломатическая служба», «Консульская служба», «Дипломатическое и

1 Специальную комиссию по приему на работу в МИД РК возглавлял первый заместитель главы МИД РК С.А. Курмангужин.

2 Из личного архива Курмангужиных С.А. и Р.С.

3 Ibid.

4 Ibid.

консульское право», «Основы современного международного публичного права», «Актуальные проблемы международного права» и др.

С принятием в ноябре 1997 г. Закона Республики Казахстан «О дипломатической службе» была определена единая система органов дипслужбы, куда была включена и ДА МИД РК. К концу 1998 г. в Дипакадемии обучалось 33 сотрудника МИД РК. При этом сохранялась практика направления казахстанцев на конкурсной основе в Дипакадемию МИД России, а также, по квоте, в МГИМО МИД России.

Примечательно, что еще в 1998 г. первый ректор Дипломатической академии М.Ж. Жолдасбеков отмечал, что в советский период немногочисленные кадры для дипломатической службы на целевой основе готовились только в МГИМО и ВДШ / ДА МИД СССР: «У нас же в республике в 1998 г. специалистов международных стали готовить около десятка государственных и частных вузов» (сегодня их еще больше). По его мнению, в Казахстане, к сожалению, не удалось реализовать принцип, при котором «открытие и закрытие соответствующего факультета или курсов, выдача лицензий и планирование приема на специальность “международные отношения” должны были осуществляться под строгим контролем МИД РК, являющегося главным заказчиком таких кадров»¹.

Что касается Дипломатической академии МИД РК, ее особый статус заключался в следующем: во-первых, обучение предполагалось преимущественно для дипломатов; во-вторых, слушатели должны иметь высшее образование; в-третьих, ДА являлась специализированным учреждением, в котором были организованы курсы повышения квалификации для послов и руководящих работников МИД РК.

Обучение в Дипакадемии происходило на двух треках. Для слушателей, уже имеющих высшее образование, обучением предусматривалось повышение профессионального уровня. В основном это были специалисты, работающие в МИД РК и его заграничных учреждениях. Слушатели уже имели опыт профессиональной деятельности в области дипломатической и консульской службы. Им предлагались теоретические знания по следующим дисциплинам: «Проблемы современной философии», «Современная политология», «Государственное право зарубежных стран и Республики Казахстан», «История международных отношений и дипломатии», «Теория международных отношений», «Мировая экономика и международные экономические отношения», «Многосторонняя дипломатия», «Международное публичное и частное право», «Дипломатическое и консульское право» и др. Примечательно, что выпускникам, сотрудникам МИД РК, наряду с выдачей диплома о втором высшем образовании присваивался очередной дипломатический ранг.

Другой категорией слушателей были работники Администрации Президента, Канцелярии Премьер-министра, аппаратов Парламента, министерств, ведомств, акиматов, чей профиль работы был связан с международной деятельностью. К этой категории также относились работники других государственных и негосударственных организаций. Для них было предусмотрено как теоретическое, так и практическое обучение по следующим дисциплинам: «Дипломатическая служба», «Консульская служба», «Дипломатический протокол и документация»,

1 Жолдасбеков, М. Дипломатами не рождаются // Казахстанская правда. 10 ноября 1998 г.

«Ведение переговоров», «Информатика и вычислительная техника в дипломатической практике», «Культура и искусство речевого общения», «Казахский язык в сфере международных отношений» и др.

В апреле 1998 г. глава МИД РК К.К. Токаев утвердил Устав Дипакадемии. Через месяц приказом министра было утверждено положение об отделении повышения квалификации руководящих работников МИД РК, которое возглавил ранее упомянутый С.А. Курмангужин. Позднее в 2019 г. Президент Республики Казахстан К.К. Токаев назовет его «патриархом казахстанской дипломатии», который «стоял у истоков формирования дипломатической службы нашего государства»¹.

В соответствии с учебным планом одномесячное обучение на отделении предусматривало знакомство с десятью базовыми дисциплинами. Слушателями были вице-министры, директора департаментов МИД и послы РК. Кандидатуры для прохождения курсов повышения квалификации утверждались на Коллегии МИД РК. Помимо обязательных дисциплин, для слушателей читали лекции представители международных организаций, Национального банка, Института развития, Архива Президента и службы «Барлау» (внешняя разведка).

Необходимость создания подобных курсов была налицо, поскольку многие послы РК ранее не имели опыта работы в дипломатии, что приводило к ситуациям, когда «должной отдачи от наших дипмиссий не ощущалось»².

С переездом Дипакадемии МИД РК в новую столицу Казахстана она стала терять свой особый статус. Так, в 2000 г. Постановлением Правительства РК Дипломатическая академия вошла в состав Евразийского государственного (в дальнейшем национального) университета им. Л.Н. Гумилева. Не исключено, что подобное решение стало возможным в том числе и потому, что дипломаты-профессионалы, активно участвовавшие в становлении ДА, в новую столицу приглашены не были и их профессионального мнения никто не спрашивал.

В 2005 г. Дипакадемия была передана в Академию государственного управления при Президенте РК как Институт дипломатии (ИД), что при сложившихся ранее обстоятельствах выглядело намного предпочтительнее.

В настоящее время в Институте дипломатии обучение ведется по нескольким образовательным программам.

Так, программа «*Магистр международных отношений*» ориентирована на сотрудников МИД РК, а также других госорганов, занимающихся международной деятельностью. Она рассчитана на 1,5 года. В рамках программы обучение происходит по т.н. обязательным дисциплинам. Это «Профессиональный английский язык», «Французский язык для дипломатов», «Теория международных отношений», «Мировая экономика», «Внешняя политика Казахстана», «Дипломатическая и консульская служба», «Технология переговорного процесса», «Геополитика и геостратегия», «Многосторонняя дипломатия», «Методы и дизайн исследования», «Официальное письмо и дискурс», «Международное публичное право». Существует также перечень предметов, которые слушатель может выбрать в зависимости от того, по какой проблематике он намерен

1 Кем был для меня Салим Альмаганбетович Курмангужин 2019, 7.

2 Внешняя политика Казахстана 1995, 15.

специализироваться. Такими дисциплинами являются: «АТР в системе международных отношений», «Политика и безопасность центрально-азиатского региона», «Практические аспекты дипломатической деятельности», «Экономическая дипломатия», «Тюркский мир в системе международных отношений», «Ближний и Средний Восток в системе международных отношений», «Китай в меняющемся мировом порядке», «Внешняя политика глобальных держав», «Международная и региональная безопасность», «Профессиональные коммуникации» (на английском языке), «Международная конфликтология».

Что касается программы «*Доктор международных отношений*», ее целью является подготовка специалистов, способных вести самостоятельные научные исследования в данной области. В течение трех лет обучающийся должен прослушать обязательные дисциплины: «Академическое письмо», «Методы научных исследований», «Современные международные отношения», «Современные геополитические процессы», «Исследовательский семинар». Дисциплинами по выбору являются: «Международная конфликтология», «Стратегия и тактика переговорного процесса», «Языковые компетенции государственных служащих», «Республика Казахстан и страны Центральной Азии (водная проблематика, геополитика, безопасность)» и др. Данной программой предусмотрены научная стажировка и производственная практика.

Некоторые программы магистерского обучения в ИД на протяжении последнего десятилетия претерпели изменения. Так, в 2017 г. слушателям читалась такая дисциплина, как «Психологические аспекты дипломатической деятельности», в основу которой были взяты соответствующие методики и учебные пособия МГИМО МИД России.

В Институте дипломатии проводятся семинары и повышения квалификации для госслужащих РК.

Организовывались и такие мероприятия, как «посольские часы». В феврале 2016 г. такое мероприятие было приурочено к проходившей тогда коллегии МИД РК с участием казахстанских послов. По окончании коллегии послы были приглашены на ряд «круглых столов», организованных специалистами в области международных отношений: «Транс-тихоокеанский проект в XXI веке» (послы РК в США, Канаде, Японии, Корее, Сингапуре, Малайзии и Китае); «Европа завтрашнего дня» (послы РК в Великобритании, Франции, Германии, Бельгии и Испании); «Отношения ЕС и России» (послы РК в Норвегии, Швеции, Финляндии, Чехии); «Современный Ближний и Средний Восток» (послы РК в Саудовской Аравии, Иране, Египте, Иордании и ОАЭ); «Международные организации и новые глобальные вызовы» (послы РК при ООН, Отделениях ООН в Вене и Женеве). Мероприятие вызвало интерес не только слушателей Института дипломатии, но и учащихся всей Академии государственного управления при Президенте РК.

Сегодня специальность «международные отношения» является популярной как в государственных, так и в коммерческих вузах. В результате около 20 учебных заведений Казахстана выпускают ежегодно в общей сложности несколько сотен молодых специалистов по данной специальности. Реальные возможности трудоустройства по специальности не оправдывают ожиданий молодых людей, которые по завершении учебы практически не могут попасть в МИД РК. Впрочем,

это в немалой степени обусловлено недостаточной степенью профессиональной подготовки, отсутствием компетенций и навыков, необходимых на дипломатической службе.

В проигрыше остаются и учебные заведения, которые способствовали формированию у своих абитуриентов излишних ожиданий. В проигрыше, безусловно, и государство, которое не получает профессионально подготовленного специалиста даже на грантовой основе.

Исходя из изложенного выше, авторы настоящей статьи сформулировали ряд предложений, которые могли бы быть изучены заинтересованными ведомствами РК и их структурными подразделениями.

1. Необходимо более четко определить перечень учебных заведений, в которых возможна и, главное, целесообразна подготовка на должном уровне студентов по соответствующим программам бакалавриата и магистратуры по специальности «международные отношения». В первую очередь это должны быть учебные заведения, финансируемые из государственного бюджета: КазНУ и Евразийский университет. Важным представляется оформление совместного государственного заказа МИД РК и Министерства науки и высшего образования РК с соответствующим финансированием для полноценной организации учебного процесса и дальнейшей производственной практики в МИД РК и его заграничных учреждениях.

2. Образовательные программы по специальности «международные отношения» в частных вузах, где также может осуществляться подготовка специалистов преимущественно на коммерческой основе, должны быть соответствующим образом «протестированы». Речь в данном случае идет не об очередных аккредитациях в различных зарубежных рейтинговых агентствах, что, как нам представляется, формирует завышенный «внешний» имидж учебного заведения и излишние ожидания их выпускников¹. Большинство действующих учебных программ казахстанских частных вузов (возможно, и государственных) следует протестировать в рамках специальных экспертных площадок, с привлечением ведущих специалистов алматинских учебных заведений, участвовавших в разработке соответствующих учебных программ, ветеранов дипслужбы, ведущих исследовательскую и преподавательскую деятельность, а также представителей Курултая при Президенте РК.

3. Целесообразно сформировать список выпускников этих вузов (по аналогии с президентским резервом). Лучшие из выпускников, пройдя профессиональное тестирование со стороны членов экспертного сообщества, могут быть рекомендованы для зачисления в кадровый резерв МИД РК.

4. Особого внимания требует деятельность Института дипломатии, входящего в Академию государственного управления при Президенте РК. Возможно, следует вернуться к «хорошим старым временам». Необходимо пересмотреть статус этого учебного заведения, возвратив его в систему дипломатической службы РК. Встроенность ИД в Академию, даже функционирующую под эгидой главы государства, не имеет рациональных оснований. Разумеется, что дипло-

1 При оценке практики раздачи рейтингов и сертификатов зарубежными агентствами, по нашему мнению, следует учитывать, что наши партнеры не заинтересованы в появлении на международной арене выпускников казахстанских университетов, способных составить реальную конкуренцию зарубежным специалистам.

маты являются «государевыми слугами». Но их профессиональная подготовка должна осуществляться либо специально на то уполномоченными учебными заведениями, либо в специализированном учебном заведении МИД РК. Существующий ныне Институт дипломатии, преобразованный в Дипломатическую академию МИД РК, мог бы в новых условиях заниматься «шлифовкой» профессиональных компетенций казахстанских дипломатов.

5. Административный состав и преподавателей образованной таким образом Дипломатической академии МИД РК следовало бы включить в штат внешнеполитического ведомства. Это позволит не только присваивать им дипломатические ранги и устанавливать соответствующие надбавки, но и обеспечить «доступ» к кратковременным заграничным командировкам с замещением средних должностей в посольствах и консульствах РК. Такая организационно-штатная оптимизация обеспечит расширение профессиональных и личных компетенций командированных сотрудников ИД / ДА. В их отсутствие преподавание могли бы осуществлять имеющие ученые степени, преподавательский опыт и, главное, стремление к научной деятельности сотрудники МИД РК. Подобное кадровое «переплетение» будет способствовать созданию во внешнеполитическом ведомстве и его заграничных учреждениях творческой атмосферы, даст дополнительный импульс дипломатам, склонным к преподавательской и прогнозно-аналитической деятельности.

Заключение

Представленный опыт подготовки специалистов в области международных отношений в Казахской ССР / Республике Казахстан показывает, что на протяжении восьми десятилетий получить профессиональное образование в дипломатической сфере можно было в высших учебных заведениях, придерживающихся классических подходов к обучению азам дипломатии.

В период независимости попытки пойти по т.н. собственному пути, который предусматривал, в том числе, определенное «делегирование» полномочий в области подготовки специалистов в сфере международных отношений частным вузам, привели к частичному нивелированию качества подготовки по специальности «международные отношения». В условиях имевшего место в прежние годы недофинансирования государственных и «расцвета» частных вузов, стремившихся получить как можно больше международных аккредитаций, на казахстанский рынок труда ежегодно выходили сотни международных работников, большая часть которых не могла найти себе применения в МИД РК. Примечательно, что сопоставимое количество международных работников в свое время готовил МГИМО МИД СССР для государства с населением 250 млн человек. При этом в Советском Союзе кроме МИД функционировали Министерство внешней торговли и ряд иных органов, занимавшихся, в том числе, внешней деятельностью¹.

Следует особо отметить, что только с приходом на высший государственный пост нового руководителя, получившего профессиональное образование

¹ Отделы ЦК КПСС, ВЦСПС, Государственный комитет по экономическому сотрудничеству, Государственный комитет по науке и технике, Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами, Советский комитет солидарности со странами Азии и Африки, Советский комитет защиты мира, Иностранное вещание на Гостелерадио, Совэкспортфильм, Аэрофлот, Морфлот и др.

в МГИМО и Дипломатической академии МИД СССР и имеющего ученую степень доктора политических наук, присужденную в Дипакадемии в Москве, пришло осознание важности и необходимости внесения изменений в профессиональную подготовку дипломатических кадров. Возможно, в том числе по этой причине было принято решение об открытии в Казахстане филиала МГИМО, «одного из наиболее престижных вузов современного мира»¹. В данном ключе уместно рассматривать и достигнутые договоренности о взаимном признании ученых степеней в рамках Евразийского экономического союза. Все это, по нашему твердому убеждению, не только создает конкурентную среду для высококвалифицированных специалистов в образовательной и исследовательской сферах, но и открывает возможности получения более качественного профессионального образования.

Представленные соображения чрезвычайно значимы для обеспечения казахстанских государственных интересов в условиях непредсказуемого развития внешнеполитических и внешнеэкономических процессов на международной арене, где наши дипломаты-профессионалы должны участвовать в поиске решений актуальных проблем будущего политического и экономического мироустройства, в том числе в рамках экспертных форматов с зарубежными партнерами.

1 Токаев 2003, 244.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арыстанбекова, А. Казахстан в ООН: история и перспективы. Алматы: «Дайк-пресс», 2004. 434 с.
- Arystanbekova, Akmaral. *Kazakhstan in the UN: History and Prospects*. Almaty: "Dyke-press," 2004 [In Russian].
- Внешняя политика Казахстана. Сборник статей. Алматы-Москва. МИД Республики Казахстан, 1995. 208 с.
- Foreign Policy of Kazakhstan. Digest of Articles*. Almaty–Moscow. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, 1995 [In Russian].
- Вопросы внешней политики и истории Казахстана / под ред. И.М. Козыбаева. Астана: ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, 2014. 241 с.
- Issues of Foreign Policy and History of Kazakhstan*, edited by Ilyas M. Kozybaev. Astana: ENU Named after L.N. Gumilev, 2014 [In Russian].
- Ерофеев, В.И. Дипломат: книга воспоминаний. М.: Зебра Е, 2005. 530 с.
- Erofeev, Vladimir I. *Diplomat: a Book of Memories*. М.: Zebra E, 2005 [In Russian].
- Жолдасбеков, М. Дипломатами не рождаются // Казахстанская правда, 10 ноября 1998 г.
- Zholdasbekov, M. "Diplomats are not Born." *Kazakhstanskaya Pravda*, November 10, 1998 [In Russian].
- Исиналиев, М.И. Избранные труды в 4-х томах. Т. 1: Штрихи к портретам. Алматы: «Казыгурт» баспасы, 2003. 320 с.
- Isinaliev, Mikhail I. *Selected Works in 4 Volumes. V. 1: Strokes to Portraits*. Almaty: "Kazygurt" baspasy, 2003 [In Russian].
- История внешней политики СССР. Т. 1. 1919–1945 годы. М: Наука, 1976. 820 с.
- History of Foreign Policy of the USSR. Volume 1. 1919–1945*. М: Nauka, 1976 [In Russian].
- Кем был для меня Салим Альмаганбетович Курмангузин: Сборник / сост. Р.С. Курмангузин. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2019. 172 с.
- Who was Salim Almagambetovich Kurmanguzhin for Me: Collection*, compiled by Rustem S. Kurmanguzhin. Almaty: Publishing House "Zhibek Zholy," 2019 [In Russian].
- Курмангузин, Р.С. История независимого Казахстана: внешняя политика. Алматы: «Жибек жолы», 2022. 304 с.
- Kurmanguzhin, Rustem S. *History of Independent Kazakhstan: Foreign Policy*. Almaty: "Zhibek Zholy," 2022 [In Russian].
- Курмангузин, С.А. 45 лет на дипломатической службе: Мемуары. Алматы: ИД «Жибек Жолы», 2003. 320 с.
- Kurmanguzhin, Salim A. *45 Years in the Diplomatic Service: Memoirs*. Almaty: Publishing House "Zhibek Zholy," 2003 [In Russian].
- Саурамбаева, Р.Т. Из истории подготовки дипломатов в первые годы Независимости Казахстана // Вестник Дипломатии. 2014. Т. 3 (46). С. 104–109.
- Saurambaeva, R.T. "From the History of the Training of Diplomats in the First Years of Kazakhstan's Independence." *Bulletin of Diplomacy* 3, no. 46 (2014): 104–109 [In Russian].
- Токаев, К.К. Под стягом независимости: Очерки о внешней политике Казахстана. Алматы: Білім, 1997. 736 с.
- Tokaev, Kassym-Jomart K. *Under the Banner of Independence: Essays on the Foreign Policy of Kazakhstan*. Almaty: Bilim, 1997 [In Russian].
- Токаев, К.К. Преодоление. Дипломатические очерки. Алматы: ОАО «САК» – НП ПИК «GAUHAR», 2003. 656 с.
- Tokaev, Kassym-Jomart K. *Meeting the Challenge. Memoirs by Kazakhstan's Foreign Minister*. Almaty: JSC "SAK" – NP PIK "GAUHAR," 2003 [In Russian].

Сведения об авторах

Курмангузин Рустем Салимович,

к.и.н., ассоциированный профессор Гуманитарной школы Университета Нархоз
050035, Республика Казахстан, Алматы, ул. Жандосова, 55

e-mail: rustemks@mail.ru

Саурамбаева Роза Тлеубердиевна,

к.и.н., заслуженный работник дипломатической службы Республики Казахстан
050009, Республика Казахстан, Алматы, ул. Айманова, 33, кв. 122

e-mail: rsaurambayeva@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 6 ноября 2024.

Переработана: 20 декабря 2024.

Принята к публикации: 24 декабря 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Курмангузин, Р.С., Саурамбаева, Р.Т. Подготовка специалистов в области международных отношений в Казахстане // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (4). С. 158–172.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-158-172>

Training of International Relations Specialists in Kazakhstan

ABSTRACT

In the article the authors analyze the process of training specialists in the field of international relations on the basis of the history of the formation and development of the diplomatic service of the Kazakh SSR and the Republic of Kazakhstan. At the initial stage, this training was fully subject to the logic and relevance of the problems that the Soviet diplomatic service was solving in the international arena in the 1940s. As the world situation changed and new trends in the internal development of the Soviet Union emerged, the attitude towards the training of national personnel in the field of diplomacy, including for the MFA of the Kazakh SSR, changed in a positive direction. After gaining independence, the Republic of Kazakhstan, setting the course for a multi-vector foreign policy, began a complex process of independent training of specialists in the field of international relations, drawing on the traditions of the Soviet-Russian school of diplomacy. In today's conditions of a rapidly changing balance of power in the international arena, the collapse of the unipolar world, the Republic of Kazakhstan faces new problems that require solutions. Based on this, the authors conclude that it is necessary to make some adjustments in the system of professional training of diplomatic personnel, who will have to further protect the interests of the Republic of Kazakhstan, which is striving to promote its position in the international arena.

KEYWORDS

training of Kazakh diplomats, independent Kazakhstan, new status of the Diplomatic Academy of the MFA of the Republic of Kazakhstan, middle power, multi-vector foreign policy

Authors

Rustem S. Kurmanguzhin,

PhD (Hist.), Associate Professor, School of Humanities, Narxoz University
55, Zhandosova street, Almaty, Republic of Kazakhstan, 050035

e-mail: rustemks@mail.ru

Roza T. Saurambaeva,

PhD (Hist.), Honored Worker of the Diplomatic Service of the Republic of Kazakhstan
33, Aymanova street, apt. 122, Almaty, Republic of Kazakhstan, 050009

e-mail: rsaurambayeva@mail.ru

Additional information

Received: November 6, 2024. Revised: December 20, 2024. Accepted: December 24, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Kurmanguzhin, Rustem S., and Roza T. Saurambaeva. "Training of International Relations Specialists in Kazakhstan." *Journal of International Analytics* 15, no. 4 (2024): 158–172.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-158-172>

Подготовка дипломатических кадров в Республике Беларусь: история, «точки входа» и эпистемное сообщество

Елена Витальевна Пильгун, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Олег Николаевич Лешенюк, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Анатолий Сергеевич Бояшов, Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Беларусь

Контактный адрес: elenpilgun@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам подготовки студентов-международников в Республике Беларусь. В ней анализируется процесс подготовки будущих дипломатов, отражаются особенности языковой подготовки, дается представление об истории обучения и описываются основные направления сотрудничества между белорусскими университетами и Министерством иностранных дел Республики Беларусь. Подготовка дипломатов характеризуется междисциплинарностью, использованием передовых технологий и высокой степенью мотивации к непрерывному обучению. Современные программы подготовки специалистов по международным отношениям включают в себя не только традиционные дисциплины, но и практические навыки и инструменты (в том числе *soft skills*), которые позволяют им эффективно справляться с разнообразными вызовами, стоящими перед международным сообществом. В условиях глобализации и цифровизации важным аспектом подготовки дипломатов остаются фундаментальные знания. С начала 1990-х гг. в Беларуси активно формируется собственная система подготовки дипломатических кадров с опорой на профильные университеты и особой ролью централизованной системы отбора и языковой переподготовки специалистов-международников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

подготовка белорусских дипломатов, Республика Беларусь, международные отношения, система высшего образования, специалисты в области международных отношений

Введение

Подготовка дипломатов и, шире, специалистов, работающих в заграничных учреждениях, не может не испытывать влияния времени. Распространение технологий¹, разумеется, делает необходимым владение инструментами автоматизированного сбора и обработки информации, повышает востребованность аналитических способностей дипломата, его умения адаптироваться к влиянию «цифры». Что менее очевидно: владение современными навыками коммуникации – пусть даже и яркой, красивой, цифровой – еще не означает наличие способности принимать решения на основе понимания ситуации. Овладение цифровыми инструментами информационной работы не может заменить фундаментальные знания закономерностей в области международных отношений, логики, экономики и социологии.

Внедрение цифровых средств в подготовку специалистов-международников привело к распространению в дипломатии сугубо бюрократического подхода, что, по оценкам авторского коллектива из МГИМО, значительно ухудшило общий уровень стратегического понимания международных отношений². От замещения системного анализа навыком передачи информации пострадал суверенитет целого ряда государств: во время перехода от гегемонии к многополярности конфликтов стало больше, а тех, кто способен вести жесткие переговоры с неуступчивым партнером, – меньше. Постепенно приходит осознание, что в условиях высокой скорости передачи информации и ее кажущейся общедоступности наступает эпоха жестких переговоров. В трактовке французского дипломата М. Рапнюля время «брутальной дипломатии» значительно повышает требования к профессиональной подготовке специалистов-международников³.

Не менее пагубное влияние на систему подготовки дипломатических кадров оказало распространение в научной литературе суждений об отмирании государства, замещении государственных представительств неправительственными организациями, повышении значимости глобальных социальных групп. Даже несмотря на то что дипломатическая практика показывает определяющую роль государственных представителей на международной арене, тезис о крайней необходимости задействования некоммерческих организаций (НКО) при принятии решений до сих пор распространен в учебниках для будущих дипломатов. Было бы неверным утверждать, что влияние глобалистских НКО несущественно. Вместе с тем важно понимать, что сложные сети параллельных государствам структур возникли как модель обеспечения национальных интересов конкретной группы стран и перенос данной практики не может применяться с одинаковой эффективностью в разных ситуациях⁴.

Уклон многих восточных стран в западоцентричную методологию внешнеполитической работы эффективно работает в случае наличия у них стремления закрепиться на западных рынках. С ростом новых макрорегионов возникают новые приоритетные рынки, условия входа и закрепления в которых необязатель-

1 Зиновьева 2024.

2 Сушенцов, Неклюдов 2024.

3 Рапнюль 2024.

4 Бояшов 2021.

но требуют финансирования медийных мероприятий или проведения внутривнутриполитических реформ. Как следствие, подходы к измерению силы того или иного государства становятся более вариативными, что требует адаптации системы подготовки дипломатических кадров.

Возможно, самое большое влияние на качество внешней политики оказывает степень подготовки и профессионализма работников заграничных учреждений, что в свою очередь зависит от эпистемных сообществ: ученых и экспертов, осуществляющих подготовку будущих дипломатов¹. Эффективность, конкретное наполнение и диапазон возможностей международных работников определяются идентичностью, объемом знаний, владением навыками их учителей. Именно наличие такого сообщества, нередко выражающегося в системе специализированных институтов, академий и университетов, определяет существование национальной школы дипломатической подготовки. Недаром в исследовании А.А. Байкова к признакам идеальной программы по международным отношениям относится постоянный состав ведущего ядра авторитетной профессуры².

Структура дипломатических эпистемных сообществ неоднородна, конкретная модель определяется внешнеполитическими приоритетами и зависит от истории, культуры, экономики той или иной страны. Своего рода классическим в европейском регионе стало разграничение на подгруппы «западников» («трансатлантистов») и «восточников», отличия которых заключаются не только в языковой подготовке, но и в наборе необходимых навыков, физической подготовке, стиле переговоров и модели проектной деятельности. МИД Франции даже предусматривает разные процедуры для поступления на службу «общих советников» (выпускники Школы национальной администрации) и «советников по Востоку» (выпускники Института политических исследований и Национального института восточных языков и цивилизаций). Причем политический вес подгрупп необязательно одинаковый: социологами доказано, что во французской системе продвижения кадров подгруппа общих советников быстрее строит политическую карьеру, что связано с приоритетным значением выстраивания связей с США³.

Разграничением карьерных моделей можно объяснить дополнение национальных школ подготовки иностранными (совместные программы либо квоты подготовки с дружественными государствами) или создание закрытых институтов воспроизводства группы политических управленцев интеграционных объединений (с некоторыми оговорками – Колледж Европы в Брюгге). Не менее сильное влияние на структуру дипломатических эпистемных сообществ оказывает так называемая милитаризация (или секьюритизация) мировой политики: одни профессиональные подгруппы востребованы, когда стране необходимо поддерживать уже существующие коммуникации, и совершенно другие – когда необходимо закрепляться на новых рынках, вести жесткие переговоры, «выживать» в условиях внешнего давления и вмешательства во внутренние дела. Сегодня внешнеполитические эпистемные сообщества активно дополняются экспертами в области электоральной, продовольственной и энергетической безопасности.

1 Haas 1992.

2 Байков 2016.

3 Lequesne, Heilbronn 2012.

В каждой стране есть специализированные институты, за которыми закрепляется статус привилегированных «точек входа» в дипломатическую среду. Актуальными тенденциями являются увеличение количества таких «точек входа» и расширение предлагаемых программ: более специализированная подготовка, дополнение регионоведческого подхода проблемным, создание краткосрочных программ для быстрой переподготовки узкопрофильных специалистов.

На адаптации национальных систем дипломатической подготовки сказывается расширение каналов международных связей: взаимодействие по линии силовых и специальных ведомств, аналитических служб, регионов, парламентов, партий, корпораций и предприятий. Свое влияние оказывает и снижение исключительной приоритетности Запада. Как следствие, государственные внешнеполитические приоритеты изменяются, что снижает востребованность государственных моделей из 1990-х гг., основанных на участии НКО. Есть и особые случаи утраты институтами или целыми министерствами политического доверия из-за подверженности внешнему вмешательству или собственных чрезмерных политических амбиций. Так, влияние светских политических сил на факультет политической науки Университета Анкары – исторически главную школу подготовки дипломатов в Турции – привело к расширению «точек входа» в турецкую дипломатическую службу.

Наличие централизованной национальной системы отбора и подготовки дипломатов определяет неуязвимость государственной системы перед инструментами внешнего вмешательства. В терминологии доклада вышеупомянутой группы исследователей под редакцией А.А. Сушенцова и Н.Я. Неклюдова национальные школы противопоставлены «глобальной эпистемологии знания», которой свойственен упор на управленческие навыки, проектную работу и идеологизацию. Ученые подчеркивают, что национальные школы отличаются наличием централизованной методологии подготовки будущих специалистов, которая предполагает наличие национального учебника по истории международных отношений, реализацию языковой подготовки, развитие эмпатии к стране изучения через знание ее культуры¹.

В случае отсутствия национальной школы ее нишу занимают иностранные методологические (иногда и псевдонаучные) продукты, работающие на внешние национальные интересы. Иными словами, методология подготовки будущих дипломатов представляет собой ключевой элемент защиты национальных интересов, а потому нередко становится объектом изолированного иностранного вмешательства. С внедрением в постсоветских странах Болонской системы высшего образования, используемой на Западе для привлечения иностранных студентов, произошла частичная переориентация подготовки кадров в интересах западных организаций. Концепция «цифрового университета» нередко адаптируется под уже созданные на Западе дистанционные курсы. Сами западные ученые – исследователи из Королевского колледжа Лондона – на примере обучения алжирских дипломатов доказывают распространенность постколониального управления уже суверенными государствами через обучение будущих дипло-

1 Сушенцов, Неклюдов, Павлов 2024.

матов за рубежом¹. Изменение ширмы («деколонизация» вместо «демократизации») существенно ситуацию не меняет, поскольку принцип замены национальных интересов некими «правилами», «общими» ценностями, а иногда и просто «красивыми» англицизмами остается популярным в учебниках, издаваемых на Западе или на ресурсы западных доноров.

Значимость институтов подготовки будущих дипломатов возрастает из-за технологических возможностей внешнего воздействия через онлайн-обучение. Закономерным образом системы подготовки национальных кадров активно дополняют интернационализацию образования его национализацией. Этот процесс пока не стал общемировой тенденцией, но с ростом новых центров экономического и финансового влияния системы подготовки будут становиться национальными. Каждое суверенное государство уделяет первостепенное внимание не только обучению будущих дипломатов определенным навыкам (например, цифровым), но и системному пониманию национальных интересов, фундаментальному погружению в общественную систему страны и региона пребывания. Сочетание этих двух подходов позволило Беларуси сформировать сильную национальную систему подготовки специалистов-международников, об особенностях которой и пойдет речь далее.

История подготовки дипломатов в Беларуси

Первые шаги по созданию национальной дипломатической службы были предприняты в 1919 г. – на начальном этапе формирования белорусской государственности. 22 января 1919 г. в газете «Звезда» впервые появилось сообщение о деятельности Комиссариата по иностранным делам Социалистической Советской Республики Белоруссия (КИД ССРБ)², штат которого на тот момент составлял 12 человек. Особую роль в становлении национальной дипломатической школы сыграла фигура министра иностранных дел СССР в 1957–1985 А.А. Громыко³. После себя он оставил одну из образцовых дипломатических служб, укомплектованную профессиональными кадрами, из которых впоследствии было сформировано и внешнеполитическое ведомство суверенной Республики Беларусь.

В 1990-е гг. после распада СССР достаточно остро встал вопрос о привлечении квалифицированных кадров на дипслужбу. По инициативе П.К. Кравченко, министра иностранных дел Белорусской ССР, а затем и Республики Беларусь, была предпринята попытка по возвращению для работы в белорусском МИД советских дипломатов – белорусов по национальности или месту рождения (на тот момент в МИД СССР работали более 100 белорусов)⁴. Большим спросом пользовались кадры, подготовленные Минским государственным педагогическим институтом иностранных языков (с 1993 г. – Минский государственный лингвистический университет). Этот вуз считался одним из сильнейших в Советском Союзе по качеству подготовки студентов, особенно благодаря активной деятельности

1 Harris, Craggs, McConnell 2023.

2 100-летие современной белорусской дипломатической службы // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 22.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.gov.by/ministry/100years/?lang=be/> (дата обращения: 09.09.2024).

3 Снапковский 1999, 62.

4 Кравченко 2006, 13.

ректора института в 1961–1970 гг. Ф.П. Шмыгова, заслуженного работника высшей школы БССР, дипломата и партийного деятеля, одного из представителей делегации БССР на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско в 1945 году¹.

Именно по инициативе Ф.П. Шмыгова в 1969 г. был создан Переводческий факультет, который и по настоящее время готовит специалистов со знанием двух иностранных языков. Первый выпуск факультета состоял всего из 10 студентов, которые были направлены на работу за рубеж. Вплоть до 1995 г. на факультет принимались исключительно лица мужского пола². Среди выпускников факультета – послы в ряде ведущих стран мира и три министра иностранных дел Республики Беларусь: М.М. Хвостов (2001–2003), В.В. Макей (2012–2022), С.Ф. Алейник (2022–2024). Минский государственный лингвистический университет (МГЛУ) остается не только лидером лингвистического образования в стране, но и кузницей специалистов-международников, в том числе дипломатических кадров. На сегодняшний день в МГЛУ преподают 23 языка.

После обретения независимости в 1991 г. началась активная фаза развития дипломатической деятельности (штат сотрудников МИД Беларуси состоял из 38 человек³). Во многом по этой причине в 1992 г. в Белорусском государственном университете (БГУ) началось создание специализированных программ подготовки дипломатов. Основной вклад в этот процесс внесли юридический, исторический и экономический факультеты, из кафедр которых фактически и образовался факультет международных отношений. До того времени на историческом факультете существовала кафедра международных отношений, а на юридическом – кафедра международного права⁴.

В 1995 г. начался активный подбор педагогических кадров в области истории и теории дипломатии. Учебный процесс был направлен на подготовку специалистов, готовых работать в сфере дипломатической службы⁵. 1 сентября 1996 г. на факультете международных отношений БГУ была создана кафедра дипломатической и консульской службы. Изначально на эту кафедру была возложена обязанность подготовки студентов в области дипломатической практики, консульской службы, дипломатического протокола и этикета. В результате реорганизации факультета в 2021–2022 гг. кафедра дипломатической и консульской службы была объединена с кафедрой международных отношений⁶.

Сегодня Факультет международных отношений (ФМО) БГУ отличает наличие программ подготовки по специальностям «Востоковедение» и «Африканистика». В изучении восточных языков акцент сделан на китайском, преподают также арабский, корейский, турецкий, фарси и японский языки. Всего на факультете ведется обучение по восьми специальностям образовательных программ

1 Ф.П. Шмыгов поставил свою подпись под Уставом ООН. Постоянное представительство БССР в ООН было открыто только спустя 14 лет, что было обусловлено, в том числе, кадровым вопросом. Подробнее см.: Свилас 2006, 74.

2 История факультета // Переводческий факультет МГЛУ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mslu.by/ftr/o-fakultete/istoriya.php> (дата обращения: 09.09.2024).

3 Кравченко 2006, 8.

4 Министр иностранных дел Республики Беларусь М.В. Рыженков – выпускник кафедры международного права юридического факультета БГУ.

5 Шарапо, Демидович 2022, 10.

6 Там же.

общего высшего образования (бакалавриат), осуществляется подготовка по шести специальностям магистратуры. Аспирантура и докторантура располагают девятью специальностями. Выпускники всех специальностей владеют двумя иностранными языками, высоким спросом пользуются романские и германские языки. Со вступлением Беларуси в Шанхайскую организацию сотрудничества и присоединением к БРИКС значительный потенциал приобретают программы регионоведческой подготовки по изучению государств – членов ШОС и БРИКС.

Несмотря на то что при своем учреждении ФМО БГУ претендовал на статус ведущей учебно-научной базы в сфере международных отношений и международного права, «точки входа» на дипломатическую службу в Республике Беларусь значительно расширились. Современная подготовка дипломатических кадров распределена по профильным вузам, а основной акцент делается на централизованную систему отбора и языковую переподготовку специалистов-международников¹. Такая модель с определенной опорой на школу МГИМО позволяет не только обучать будущих дипломатов современным навыкам, но и гарантировать системное понимание национальных интересов своей страны, а также особенностей страны и региона пребывания.

Сотрудничество учреждений образования с МИД и языковая подготовка для дипломатической службы

Министерство иностранных дел (МИД) Республики Беларусь заинтересовано в тесном сотрудничестве с образовательными учреждениями, что вызвано необходимостью подготовки специалистов в соответствии с требованием времени. В этой связи принцип создания «фабрики мысли» на базе профильных университетов как способствует подготовке студентов к профессиональной деятельности, так и вносит вклад в формирование сообщества специалистов в области международных отношений². Министерство предъявляет особые квалификационные требования, поэтому наряду с компетентностным подходом в образовании специалисты-международники проходят серьезную языковую подготовку по двум и более языкам.

Отличительной чертой дипломатической службы является наличие высшего образования по специальностям, определяемым Советом Министров Республики Беларусь. Вместе с тем система подготовки становится более вариативной: в подготовке дипломатов активно участвуют такие вузы, как Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусский государственный университет, Минский государственный лингвистический университет, Белорусский государственный экономический университет, а также другие региональные вузы. Выпускники других специальностей могут поступать на дипломатическую службу при наличии опыта работы в области международных отношений или переподготовки по группе специальностей «Государственное управление». Примечательно и то, что, согласно Положению о дипломатической службе

1 Переподготовка дипломатических кадров ведется на базе Академии управления при Президенте Республики Беларусь. В 2004 г. при Институте государственной службы создана кафедра международных отношений, сегодня это кафедра экономической политики и государственного управления. Подробнее см.: Тихомиров 2017, 29.

2 Кириллов, Воевода 2016.

Республики Беларусь, будущие дипломаты должны иметь водительское удостоверение на право управления механическим транспортным средством категории «В» (при назначении на дипломатическую должность в загранучреждение), пройти специальную проверку¹.

Национальные университеты Республики Беларусь тесно сотрудничают с внешнеполитическим ведомством в области профессиональной подготовки. Ежегодно БГУ и МИД Беларуси обновляют Рабочую программу сотрудничества в целях повышения качества образовательного процесса. В документе детально описаны мероприятия, проведение которых направлено на укрепление и углубление взаимодействия в области подготовки сотрудников дипломатической службы, а также на организацию научных исследований в области внешней политики Беларуси². В апреле 2000 г. в результате совместной инициативы БГУ и МИД Республики Беларусь был создан Центр международных исследований ФМО БГУ, ответственный за выпуск ежегодного научного издания, организацию конкурсов для студентов и международных экспертных мероприятий.

Направления сотрудничества реализуются в формате участия сотрудников университета в работе общественных аналитических структур при МИД Республики Беларусь. Профессорско-преподавательский состав привлекается к экспертно-аналитической деятельности МИД по ряду вопросов, касающихся международного права, внешней политики и других международных проблем. Документом предусмотрено участие сотрудников МИД в работе научно-методических советов Учебно-методического объединения по гуманитарным дисциплинам БГУ. Представители МИД могут участвовать в работе Государственных экзаменационных комиссий, а также комиссий по распределению. Работники управления кадров и руководители структурных подразделений МИД участвуют в профорientационных встречах со студентами и руководством выпускающих кафедр. Участие сотрудников министерства возможно и в рецензировании научных публикаций, а также студенческих проектов, направленных на формирование привлекательного имиджа Республики Беларусь на международной арене³.

Преподаватели факультета, в частности занимающиеся подготовкой диссертационных исследований и крупных научных проектов по тематике внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, имеют возможность проходить стажировки в структурных подразделениях МИД, включая доступ к материалам архива. Университеты на постоянной основе ведут взаимодействие с МИД в целях расширения образовательного, научного и культурного сотрудничества с зарубежными партнерами и привлечения иностранных граждан на обучение в Республику Беларусь. Активное международное сотрудничество (в том числе академический обмен, участие в международных конференциях и семинарах) дает возможность будущим международникам попробовать силы

- 1 Указ Президента Республики Беларусь от 15 мая 2008 г. № 276 (в редакции Указа Президента Республики Беларусь 26.10.2023 № 334) «О некоторых вопросах дипломатической службы Республики Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30800276> (дата обращения: 09.09.2024).
- 2 Выписка из Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 05.06.2024 № 408 «О реализации указов Президента Республики Беларусь по вопросам дипломатической службы» // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.by/kcfinder/upload/files/GKU/2024_edu.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
- 3 Пильгун 2023, 74.

в публичных выступлениях, в том числе и во взаимодействии с представителями других государств.

Кроме обучения по основным дисциплинам специальностей, студенты вовлекаются в активную научно-исследовательскую деятельность, привлекаются к организационной и волонтерской работе. Научно-исследовательская работа студентов является неотъемлемой частью образовательного процесса. Это обусловлено необходимостью сочетания научной, теоретической работы в области внешней политики и дипломатии с практической дипломатической деятельностью белорусских загранучреждений¹. Крупнейшим научным мероприятием является ежегодная научно-практическая конференция студентов, магистрантов и аспирантов БГУ. Кроме того, при активном участии студентов, магистрантов и аспирантов на протяжении двух месяцев проводятся «Дипломатические чтения», которые дают студентам возможность обсудить спектр вопросов, связанных с профессиональной деятельностью².

Особое внимание уделяется вопросам профессиональной языковой подготовки. Международное сотрудничество кафедр и факультетов, обеспечивающих языковую подготовку, предусматривает повышение качества образования и конкурентоспособности выпускников как в стране, так и за рубежом³. Обучение иностранным языкам специалистов-международников традиционно основано на изучении языковых и культурных особенностей. Это позволяет обеспечить эффективность межкультурного общения в будущей профессиональной деятельности. Языковое образование в белорусских университетах позволяет получить знания в сфере бизнес-этикета, овладеть коммуникационными стилями, ознакомиться с деловой культурой партнеров, понять правила поведения и традиции, распространенные в других культурах.

В профессиональной деятельности будущие специалисты-международники должны иметь высокие навыки в области *soft skills*: понимать собеседника, быть гибкими и адаптивными к различным стилям общения, уметь решать конфликты⁴. В этой связи сфера языковой подготовки специалистов-международников требует тщательного переосмысления⁵. В рамках двустороннего сотрудничества иностранные представительства в Беларуси оказывают кадровое содействие в процессе преподавания редких языков, в том числе будущим сотрудникам МИД Беларуси⁶. При университетах создаются центры изучения иностранных языков и культур.

В целях совершенствования уровня преподавания, развития многостороннего взаимодействия в сфере образования, обмена опытом проводятся многочисленные конференции и форумы на высоком уровне. Работа в качестве переводчиков на подобных мероприятиях предоставляет студентам не только возможность проявить себя в сфере собственно перевода, но и понаблюдать за

1 Шарапо 2008, 67.

2 Дубинко 2015, 121.

3 Pilgun, Leshenyuk 2021, 27.

4 Богатуров 2002, 234.

5 Торкунов 2013, 7.

6 Курсы персидского языка и обучение будущих дипломатов. Посол Ирана в Беларуси посетил БГУ // БЕЛТА. 03.08.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://belta.by/society/view/kursy-persidskogo-jazyka-i-obuchenie-buduschih-diplomatov-posol-irana-v-belarusi-posetil-bgu-580182-2023/> (дата обращения 12.09.2024).

нюансами «дипломатической кухни». Студенты привлекаются к значимым политическим, экономическим, культурным мероприятиям. Подобные площадки являются ресурсом для развития диалога культур в рамках сформировавшейся ассоциации университетов, способствуют академическому обмену, подготовке кадров и проведению научных исследований.

Заключение

Централизованная национальная система поступления специалистов на дипломатическую службу Беларуси находится в постоянном развитии. Сочетание фундаментальной регионоведческой подготовки с обучением современным навыкам коммуникации позволяет системе высшего образования интегрировать различные успешные практики, учитывающие современные реалии международных отношений. Неотъемлемой частью подготовки будущих дипломатов является формирование крепкой лингвистической базы, а также развитие *soft skills*. В то же время советский опыт позволил сохранить особые компетенции в области многосторонней дипломатии и международного урегулирования, что позволяет успешно защищать национальные интересы, отстаивать интеграционные модели Союзного государства и Шанхайской организации сотрудничества, повышать степень эмпатии работников заграничных учреждений и, как следствие, содействовать формированию справедливого миропорядка.

Подготовка дипломатов в Беларуси – сложный и многогранный процесс, который с момента обретения независимости претерпел значительные изменения. Белорусская система образования выработала собственный подход к взаимодействию университетов с МИД, поэтому «точки входа» на дипломатическую службу в Республике Беларусь существенно расширились. В подготовке дипломатических кадров участвуют различные вузы, при этом сохраняется централизованная система профильного отбора и языковой переподготовки специалистов-международников. Именно такой национальный подход в этой области играет ключевую роль в обеспечении эффективного представительства Беларуси на международной арене и позволяет адаптироваться к современным вызовам международной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Байков, А.А. «Золотой стандарт» подготовки международного и эффективность внешней политики // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 46. № 1. С. 70–83. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-1-46-70-83>.

Baykov, Andrey A. "Applied IR Training and an Effective Foreign Policy." *MGIMO Review of International Relations* 46, no. 1 (2016): 70–83 [In Russian].

Богатуров, А.Д., Косолапов, Н.А., Хрусталева, М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. 380 с.

Bogaturov, Alexey D., Kosolapov, Nikolay A., and Mark A. Khrustal'yov. *Essays on the Theory and Political Analysis of International Relations*. Moscow: Scientific and Educational Forum on International Relations, 2002 [In Russian].

Бояшов, А.С. Государство в структуре сложных сетей Совета ООН по правам человека // Современная Европа. 2021. № 6. С. 155–166.

<http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021155166>.

Boyashov, Anatoly S. "The State in the Complex Networks of the UN Human Rights Council." *Contemporary Europe*, no. 6 (2021): 155–166 [In Russian].

Дубинко, С.А. Обучение студентов-международников экономического профиля языку специальности и специальности на языке (из опыта работы) // Федотова И.Э. (гл. ред.) Приемственность и координация в обучении иностранных студентов вузов: материалы II Республиканского научно-методического семинара с международным участием, Минск, 30 января 2015 г. Минск: БГЭУ, 2015. С. 121–123.

Dubinko, Svetlana A. "Teaching IR Students Majoring in Economics the Language of Their Major

and Their Major in the Language (From Professional Experience).” In *Continuity and Coordination in Teaching Foreign University Students: Proceedings of the II Republican Scientific and Methodological Seminar with International Participation, Minsk, January 30, 2015*, edited by Irina E. Fedotova, 121–123. Minsk: BSEU, 2015 [In Russian].

Кириллов, В.Б., Воевода, Е.В. Профессиональная языковая подготовка студентов-международников // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 116–122.

Kirillov, Viktor B., Voevoda, Elena V. “Professional Language Training of International Relations Students.” *Higher Education in Russia*, no. 4 (2016): 116–122 [In Russian].

Кравченко, П.К. Беларусь на распутье, или Правда о Беловежском соглашении. М.: Время. 2006. 456 с. Kravchenko, Petr K. *Belarus at the Crossroads, or the Truth about the Belovezh Accords*. Moscow: Vremya, 2006 [In Russian].

Пильгун, Е.В. Сравнительный анализ инструментов «мягкой силы» в высшем образовании Беларуси // Современная Европа. 2022. № 2. С. 71–84. <https://dx.doi.org/10.31857/S0201708322020061>.

Pilgun, Elena V. “Comparative Analysis of Soft Power Instruments in Higher Education in Belarus.” *Contemporary Europe*, no. 2 (2022): 71–84.

Свилас, С.Ф. Об открытии Постоянного представительства Белорусской ССР при ООН // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 3. С. 70–74.

Svilas, Svetlana F. “On the Opening of the Permanent Mission of the Byelorussian SSR to the UN.” *Journal of International Law and International Relations*, no. 3 (2006): 70–74 [In Russian].

Снапкоўскі, У.Е. Беларуская ССР на міжнароднай арэне (1944–1990 гг.) // Беларускі журнал міжнароднага права і міжнародных адносін. 1999. № 2. С. 62–67.

Snapkovskii, Vladimir E. “Belarusian SSR in the International Arena (1944–1990).” *Belarusian Journal of International Law and International Relations*, no. 2 (1999): 62–67 [In Belarusian].

Сушенцов, А.А. Неклюдов, Н.Я., Павлов, В.В. Национальные школы подготовки дипломатических кадров и дилеммы глобальной эпистемологии международных отношений // Полис. 2006. № 5. С. 121–135. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.08>.

Sushentsov Andrey A., Neklyudov Nikita Ya., and Vladimir V. Pavlov. “National Schools of Diplomatic Training: Divergences in the Global Epistemology of International Relations.” *Polis. Political Studies*, no. 5 (2024): 121–135.

Тихомиров, А.В. Внешняя политика Республики Беларусь (1991–2015 гг.). Минск: БГУ, 2017.

Tikhomirov, Alexandr V. *Foreign Policy of the Republic of Belarus (1991–2015)*. Minsk: BSU, 2017 [In Russian].

Торкунов, А.В. Педагогика и подготовка специалистов-международников // Вестник МГИМО-Университета. 2013. Т. 28. № 1. С. 7–8. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-7-8>.

Torkunov, Anatoly V. “Pedagogy and Training of International Relations Specialists.” *MGIMO Review of International Relations* 28, no. 1 (2013): 7–8 [In Russian].

Шарапо, А.В. Внешняя политика и дипломатия Республики Беларусь // Беларусь в современном мире. 2008. С. 67–69.

Sharapo, Alexandr V. “Foreign policy and diplomacy of the Republic of Belarus.” *Belarus in the modern world*. (2008): 67–69 [In Russian].

Шарапо, А.В. Демидович, Е.В. К юбилею кафедры международных отношений БГУ: история и настоящее // Е.А. Достанко (гл. ред.) Исследование международных отношений в Республике Беларусь: состояние и перспективы. Материалы республиканского научно-практического семинара, посвященного 30-летию кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, 6 октября 2022 г. Минск: БГУ, 2022. С. 9–20.

Sharapo, Alexandr V., and Elena V. Demidovich. “On the Anniversary of the Department of International Relations of BSU: History and Present.” In *Study of International Relations in the Republic of Belarus: State and Prospects. Proceedings of the Republican Scientific and Practical Seminar Dedicated to the 30th Anniversary of the Department of International Relations of Belarusian State University, Minsk, October 6, 2022*; edited by Elena A. Dostanko, 9–20. Minsk: BSU, 2022 [In Russian].

«Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / под ред. Е.С. Зиновьевой, Н.А. Цветковой, Э.Л. Сидоренко. М.: МГИМО-Университет, 2024. 68 с.

Zinovyeva, Elena S., Tsvetkova, Natalya A., and Elina L. Sidorenko, eds. “*Digits and Artificial Intelligence in the Service of Diplomacy: Analytical Report*.” Moscow: MGIMO-University, 2024.

В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / под ред. А.А. Сушенцова и Н.Я. Неклюдова. М.: Международный дискуссионный клуб Валдай, 2024.

Sushentsov, Andrey A., and Nikita Ya. Neklyudov, eds. “*In Search of the National Interests: How Diplomatic Training Affects the Sovereignty of the World's Countries. Report of the Valdai International Discussion Club*.” Moscow: Valdai International Discussion Club, 2024.

Harris, Jonathan, Craggs, Ruth, and Fiona McConnell. “Understanding Diplomatic Training from the Global South: Transnational Networks and (Post)colonial Connections.” *Diplomatica*, no. 5 (2023): 121–129. <https://doi.org/10.1163/25891774-bja10098>.

Haas, Peter M. “Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination.” *International Organization*, no. 46 (1992): 1–35. <https://doi.org/10.1017/S0020818300001442>.

Pilgun, Elena V., and Oleg N. Leshenyuk. “Public Administration in the Republic of Belarus: Principles for Sustainable Development.” *Journal of Law and Administration*, no. 17(3) (2021): 27–40.

Rapnouil, Manuel. “The Brutalization of Diplomacy?” *Hague Journal of Diplomacy* 4, no. 19 (2024): 726–736. <https://doi.org/10.1163/1871191x-20241542>.

Lequesne, Christian, and Jean Heilbronn. “Senior Diplomats in the French MFA: When an Entrance Exam Still Determines the Career.” *Hague Journal of Diplomacy*, no. 7 (2012): 269–285.

Сведения об авторах

Елена Витальевна Пильгун,

к.ф.н., проректор по учебной работе и интернационализации образования
Минского государственного лингвистического Университета
220034, Республика Беларусь, Минск, ул. Захарова, 21

e-mail: elenpilgun@gmail.com

Олег Николаевич Лешенюк,

соискатель факультета международных отношений Белорусского государственного
университета, эксперт Межпарламентской ассамблеи Содружества Независимых Государств
220034, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4

e-mail: leshenyuk.oleg@gmail.com

Анатолий Сергеевич Бояшов,

к.полит.н., аналитик Белорусского института стратегических исследований
220004, Республика Беларусь, Минск, пр. Победителей, 7

e-mail: boyashov@bisr.by

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 14 ноября 2024.

Переработана: 19 декабря 2024.

Принята к публикации: 23 декабря 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Пильгун Е.В., Лешенюк О.Н., Бояшов А.С. Подготовка дипломатических кадров
в Республике Беларусь: история, «точки входа» и эпистемное сообщество // Международная
аналитика. 2024. Том 15 (4). С. 173–186.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-173-186>

Diplomatic Training in the Republic of Belarus: History, 'Entry Points' and Epistemic Community

ABSTRACT

The article is devoted to the issues of training International Relations (IR) students in the Republic of Belarus. It analyzes the process of training future diplomats, reflects the features of language training, gives an insight into the history of training, and describes the main areas of cooperation between Belarusian universities and the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus. The training of diplomats is characterized by interdisciplinarity, the use of advanced technologies, and a high degree of motivation for continuous learning. Modern programmes for training international relations specialists include not only traditional disciplines, but also practical skills and tools (including soft skills) that allow them to effectively cope with the variety of challenges facing the international community. In the context of globalization and digitalization, fundamental knowledge remains an important aspect of diplomatic training. Since the early 1990s, Belarus has been actively developing its own system of training diplomatic personnel, based on universities and the special role of a centralized system of selection and language retraining of future diplomats.

KEYWORDS

training of Belarusian diplomats, Republic of Belarus, international relations, higher education system, specialists in the field of international relations

Authors

Elena V. Pilgun,

PhD (Philology), Vice-Rector for Academic Affairs and Internationalization of Education, Minsk State Linguistic University

21, Zaharova Street, Minsk, Republic of Belarus, 220034

e-mail: elenpilgun@gmail.com

Oleg N. Leshenyuk,

PhD Fellow, Faculty of International Relations, Belarusian State University, Expert, Interparliamentary Assembly of the CIS Member Nations

4, Nezavisimosti Avenue, Minsk, Republic of Belarus, 220030

e-mail: leshenyuk.oleg@gmail.com

Anatoly S. Boyashov,

PhD (Polit. Sci.), Analyst, Belarusian Institute of Strategic Research

7, Pobediteley Avenue, Minsk, Republic of Belarus, 220004

e-mail: boyashov@bisr.by

Additional information

Received: November 14, 2024. Revised: December 19, 2024. Accepted: December 23, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Pilgun, Elena V., Oleg N. Leshenyuk, and Anatoly S. Boyashov "Diplomatic Training in the Republic of Belarus: History, 'Entry Points' and Epistemic Community."

Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 173–186.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-173-186>

Куда ведет турецкий маршрут?

Турецкий маршрут / под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2024. 220 с.

Разиль Илшатович Гузаеров, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: guzaerov99@bk.ru

Стремительная трансформация системы международных отношений открывает новые горизонты не только для великих, но и для «средних» держав. В соответствии с определением, введенным в научный оборот канадским исследователем Дж. Холмсом, такие страны, как правило, обладают экономической важностью и стратегически выгодным географическим положением, а в сотрудничестве с ними заинтересованы великие державы¹. Современная ситуация позволяет державам среднего уровня расширять географию своего влияния, увеличивать вес на мировой арене².

По справедливому замечанию Н.Ю. Силаева, в настоящее время понятие «средняя держава» обретает новую актуальность и требует уточнения в соответствии с произошедшими в мире изменениями. Целесообразно убрать ранее присущие этому понятию нормативные коннотации и признать, что определить, какие государства входят в данную категорию, можно лишь контекстуально – по крайней мере, «пока не будут существенно реформированы ключевые международные институты»³.

Одним из наиболее интересных кейсов для изучения феномена «средних держав» в современной международной политике, на наш взгляд, является Турецкая Республика. Это государство позиционирует себя как надежного союзника США, члена НАТО (с 1952 г., то есть со второго расширения Альянса), стратегического партнера Европейского союза. Но, с другой стороны, Турция по широкому спектру оппонирует «политическому Западу»⁴ – начиная от конкретных региональных проблем (Ближний Восток, Закавказье) и заканчивая общими вопросами миропорядка, будь то организация деятельности ООН (известна инициатива президента

1 Holmes 1966.

2 Glazebrook 1947; Holmes 1966; Holbraad 1984.

3 Силаев 2024.

4 Sakwa 2023.

Турции Р.Т. Эрдогана «мир больше пяти») или проблемы иностранного вмешательства во внутривнутриполитические процессы¹. Турция – единственная натовская страна, которая не просто воздержалась от введения антироссийских ограничительных мер, но и продолжила активное взаимодействие с Россией. При этом позиция Анкары на украинском направлении остается неизменной: полная поддержка территориальной целостности «единой Украины», включая в нее и Крым.

Турецкая Республика привлекает активное внимание исследователей не только ввиду особой внешнеполитической активности, но и из-за амбициозности внешнеполитического дискурса Р.Т. Эрдогана, в результате чего особое внимание специалистов оказывается приковано к истории развития ее внешней политики², ее места в системе международных отношений³, а также развитию отдельных направлений внешнеполитического курса⁴. Большое число работ содержит анализ идеологических аспектов политики Турции и их влияния на формирование внешнеполитического курса страны⁵.

Несмотря на обилие работ, посвященных Турции, очевидно, что изучение такого непростого, но стратегически ценного для России партнера особенно значимо для российского исследовательского сообщества, требует отхода от классических тем в изучении Турции и углубления в отдельные малоизученные аспекты деятельности Анкары.

В этом плане появление сборника «Турецкий маршрут» под редакцией Р.Н. Пухова является важным событием как для академических специалистов, тюркологов, арабистов, иранистов, исследователей постсоветского пространства, так и для практиков, прежде всего дипломатов. Значимость работы определяется, прежде всего, тем, что авторы подошли к анализу традиционных сюжетов, посвященных Анкаре, с точки зрения новых подходов, а также осветили широкий ряд тем, раскрывающих неизученные аспекты внешнеполитической деятельности Турецкой Республики, таких как эволюция разведывательного сообщества, отдельные вопросы развития военно-промышленного комплекса, в том числе роль иностранных компаний в становлении турецких оборонных предприятий, развитие судостроительной промышленности и др.

Представленные статьи демонстрируют путь, который Турция прошла к становлению как активного и значимого актора на мировой арене. Если раньше средние державы, к которым следует причислить и Анкару, считались образцовыми государствами, основывающимися в своей деятельности на либеральных ценностях, многосторонней дипломатии и международных институтах⁶, то в представленном сборнике анализ политики Турции демонстрирует трансформацию роли средних держав в системе международных отношений. Текущая международная ситуация позволяет средним державам активнее вести свои региональные дела. Конечно, Турция не всегда добивается успеха на внешнеполитической арене, однако она решительно

1 Шлыков 2021.

2 Bakır 2017; Türk dış politikası 2020.

3 Keуman 2017; Ирхин, Москаленко 2021.

4 Tziarras 2022; Внешняя политика Турции 2023.

5 Надеин-Раевский 2018; Yılmaz 2021.

6 Силаев 2024, 57.

демонстрирует свою готовность к активным действиям и установлению собственного порядка в регионе.

Одним из таких примеров достижения успеха активной политики стало турецко-азербайджанское взаимодействие. Военно-политическая поддержка Баку со стороны Анкары позволила изменить баланс сил на Южном Кавказе, поспособствовав победе Азербайджана и возвращению ранее утерянных земель, увеличив влияние Турции в регионе и уменьшив присутствие в нем других региональных держав¹. В данном контексте сборник подводит к двум векторам размышления.

Во-первых, такие действия Анкары позволяют ей более активно позиционировать себя в качестве нового лидера на международной арене. Свои требования о необходимости трансформации системы международных отношений и международных институтов в духе слогана «мир больше пяти» (больше пяти постоянных членов СБ ООН) Турция сочетает с элементами саморекламы как государства, способного обеспечить стабильность и безопасность в отдельно взятых странах и регионах, куда она активно вовлечена². Был даже введен специальный термин «стабилизирующая держава». Ф. Алтун, директор по коммуникациям при президенте Турции, посвятил этому книгу³, в которой констатировал, что существующие в науке о международных отношениях термины не могут в полной мере охарактеризовать нынешний статус Турции в рамках мирового порядка, поэтому и был выработан новый.

Определенные успехи в Ливии, Нагорном Карабахе и Сирии, активная позиция по вопросу беженцев – все это стимулирует (само)уверенность турецкого руководства, позволяет Анкаре самостоятельно обозначать собственный статус в мировой политике. И, как отмечает М. Йешильташ, все эти факторы позволили руководству Турции примерить на себя новую геополитическую идентичность, преподнести себя как «устроителя игры за пределами своих границ»⁴.

Во-вторых, усиление Анкары чревато возможностью возвращения статуса главной опоры западного силового блока на южном фланге. Очевидно, что за годы президентства Р.Т. Эрдогана Турция смогла повысить свою независимость и вести более свободную внешнюю политику. Однако Анкара не смогла в полной мере уйти от прозападности. Следует скорее говорить об увеличившихся возможностях Турции в реализации активного внешнеполитического курса с сохранением у Запада рычагов влияния на Анкару.

Несмотря на громкие заявления о конце стратегического доминирования Запада, Анкара не в состоянии игнорировать западных союзников, не считаться с их интересами. Увеличивающаяся активность Турции нравится не всем ее партнерам, и трудности, переживаемые в отношениях с США и государствами ЕС, демонстрируют, что Анкара должна умело лавировать между разными центрами силы, чтобы не испортить отношения с другими странами. Возможно, такой характер отношений с западным миром был частью стратегии Анкары, однако очевидно, что в настоящий момент турецкая элита не может полностью разорвать узы зависимости.

1 Турецкий маршрут 2024, 49–50.

2 Аватков, Гузаеров 2023.

3 Altun 2022.

4 Турецкий маршрут 2024, 42.

«Мы не поворачиваемся спиной к Востоку ради Запада и не пренебрегаем Западом ради Востока»¹, – эти слова Р.Т. Эрдогана демонстрируют, что Анкара будет искать любые возможности для балансирования между стратегически важными отношениями с Западом и необходимостью усиления влияния на Востоке. И вполне вероятно, что во втором случае Турция может заручиться определенной поддержкой западных союзников. Интересы Турции напрямую пересекаются с интересами России, Китая и Ирана. Запад в своем стремлении ослабить эти государства способен использовать Турцию как своего рода таран.

Такая роль Анкары в качестве раздражителя раскрыта в главе С.М. Маркедонова, который констатирует, что «политический Запад» был бы доволен нарастанием российско-турецких противоречий, вплоть до возможного военного столкновения². Возможно, в определенном контексте к России следует добавить Иран и Китай, ввиду реализации Анкарой альтернативного проекта евразийской интеграции на основе Организации тюркских государств. Безусловно, ни Москва, ни, тем более, Анкара не заинтересованы в прямом столкновении. Но сможет ли Турция, вдохновившись внешнеполитическими успехами, вовремя сдержать свои амбиции по ряду направлений, не пересекая точку невозврата? Вопрос открытый.

Особенно интересными представляются статьи, посвященные военной сфере. Соответствующие темы являются, наверное, одними из самых малоизученных сфер деятельности Турецкой Республики. В ряде статей раскрываются различные аспекты военной деятельности, развития военно-промышленного комплекса, что подводит читателей к ряду интересных выводов.

Сфера военно-промышленного комплекса отчетливо демонстрирует сохраняющуюся зависимость Турции от Запада. Наступательная политика, нацеленная на расширение военного присутствия в различных регионах, требует оснащения армии передовым вооружением. И если в части БПЛА турецкие инженеры смогли добиться успехов, то в других областях имеют место сложности в реализации национальных проектов, которые напрямую зависят от участия западных компаний. Значительная зависимость турецкого ВПК от иностранных компонентов сохраняется на всех уровнях. В условиях продолжительного экономического кризиса Анкара не имеет возможности самостоятельно обеспечивать свои потребности полностью, а скорее занимается поддержанием оборонной промышленности на достигнутом уровне. Стремление к ее дальнейшему развитию будет толкать Турцию на более тесное взаимодействие с партнерами по НАТО. Глава о сотрудничестве Анкары и Лондона³ отчетливо демонстрирует все эти тенденции.

Рассматривается и одна из главных проблем современной военной машины Турции – недостатки разведывательной системы. Успехи Анкары на международной арене заставляют задуматься о силе турецкой разведки, которая, как кажется, довольно эффективна, что особенно подчеркивается в исследованиях турецких авторов⁴.

1 “Cumhurbaşkanı Erdoğan: “Türkiye, tek bir bloğa sıkıştırılmayacak bir ülkedir” (President Erdogan: “Turkey is a Country that Cannot be Squeezed into a Single Bloc),” Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı, July 16, 2024, accessed December 12, 2024, URL: <https://www.iletisim.gov.tr/turkce/haberler/detay/cumhurbaskani-erdogan-turkiye-tek-bir-bloga-sikistirilmayacak-bir-ulkedir>.

2 Турецкий маршрут 2024, 61.

3 Ibid., 175–186.

4 Türk istihbarat tarihi (History of Turkish Intelligence) 2021.

Однако статья Х. Караташа позволяет взглянуть на институциональные ограничения разведки – от проблем надзора и контроля до лениности сотрудников и политизированности институций.

Турция является важным партнером России во многих областях. При этом имеется немало потенциально конфликтных точек столкновения интересов. Проведенный анализ весьма полезен для дальнейшего выстраивания внешнеполитической линии по отношению к Анкаре. Публикацией рецензируемого сборника был внесен существенный вклад в развитие туркологических исследований. Он способствует лучшему пониманию истоков возросшей активности Анкары, характера трансформации ее стратегии, а также ограничений и проблем турецкой государственной системы. Материалы сборника способствуют постановке новых вопросов о природе турецкой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аватков, В.А., Гузаеров, Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. 2023. № 1. С. 194–201. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010163>.
- Avatkov, Vladimir A., and Razil I. Guzaerov. "Mir bol'she pyati, ili spravvedlivost' po-tureczki." *Sovremennaya Evropa*, no 1 (2023): 194–201 [In Russian].
- Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики / отв. ред. А.Г. Гаджиев. Москва: ИВ РАН, 2023.
- Vneshnyaya politika Turcii v period pravleniya Partii spravvedlivosti i razvitiya (2002–2023 gg.) K 100-letiyu respublikii*, edited by Akif G. Gadzhiev. Moscow: IV RAN, 2023 [In Russian].
- Ирхин, А.А., Москаленко, О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. № 1. С. 91–107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>.
- Irkhin, Alexander A., and Olga A. Moskalenko. "The World is More than Five: Turkey's Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia." *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* 1 (2021): 91–107 [In Russian]. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>.
- Надеин-Раевский, В.А. Пантюркизм: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. Москва: Издательство «Русская панорама», 2018.
- Nadein-Raevskij, Viktor A. *Pantyurkizm: ot Osmanskoj imprii do nashix dnei i sud'by Turcii, Rossii i Armenii*. Moskva: Izdatel'stvo «Russkaya panorama», 2018 [In Russian].
- Силаев, Н.Ю. Граждане мирового большинства // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 47–66.
- Silaev, Nikolay Yu. "Grazhdane mirovogo bol'shinstva." *Russia in Global Affairs* 22, no. 3 (2024): 47–66 [In Russian].
- Турецкий маршрут / под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2024.
- Tureczkij marshrut*, edited by Ruslan N. Pukhov. Moscow: Centr analiza strategij i texnologij, 2024 [In Russian].
- Шлыков, П.В. Внешняя политика Турции в пост-биполярной системе координат // Международная аналитика. 2021. Том 12 (2). С. 130–152.
- Shlykov, Pavel V. "Turkey's Foreign Policy in the Post-Bipolar System of Coordinate." *Journal of International Analytics* 12, no. 2 (2021): 130–152. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152> [In Russian].
- Altun, Fahrettin. *Küresel belirsizlik çağında istikrarlaştırıcı güç Türkiye*. İstanbul: Paradigma yayınları, 2022.
- Altun, Fahrettin. *Turkey is the Stabilizing Force in the Era of Global Uncertainty*. İstanbul: Paradigma publications, 2022 [In Turkish].
- Glazebrook, George. "The Middle Powers in the United Nations System." *International Organization*, no 1 (1947): 307–318.
- Holbraad, Carsten. *Middle Powers in International Politics*. London: Macmillan, 1984.
- Holmes, John W. "Canada as a Middle Power." *The Centennial Review* 10, no. 4 (1966): 430–445.
- Keyman, Fuat E. "A New Turkish Foreign Policy: Toward Proactive 'Moral Realism'." *Insight Turkey* 19, no. 1 (2017): 55–69.
- Sakwa, Richard. *The Lost Peace: How the West Failed to Prevent a Second Cold War*. New Haven: Yale University Press, 2023.
- Sucu, Ali E., Ivan Safranchuk, Alexander Nesmeshnyi, and Qosimsho Iskandarov. "Transformation of Middle Powers with the Decline of World Hegemony: The Case of Turkey." *Strategic Analysis* 45, no. 4 (2021): 307–320.
- Türk dış politikası. Cilt: III (2001–2012). İstanbul: Baskin Oran, 2020.
- Turkish Foreign Policy. Vol. III (2001–2012)*. İstanbul: Baskin Oran, 2020 [In Turkish].
- Türk istihbarat tarihi / ed. İ. Demircioğlu, Özcan A, Çencen N., Yiğit Y. İstanbul: Yeditepe Yayınevi, 2021.
- History of Turkish Intelligence*, edited by İ. Demircioğlu, Özcan A., Çencen N., Valiant Y. İstanbul: Yeditepe Publishing House, 2021 [In Turkish].
- Tziarras, Zenonas. *Turkish Foreign Policy. The Lausanne Syndrome in the Eastern Mediterranean and Middle East*. Springer, 2022.
- Yilmaz, Ihsan. *Creating the Desired Citizen: Ideology, State and Islam in Turkey*. Cambridge University Press, 2021.

Сведения об авторе

Разиль Илшатович Гузаеров,
младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Института научной информации по общественным наукам РАН
117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
e-mail: guzaerov99@bk.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 11 ноября 2024.
Переработана: 12 декабря 2024.
Принята к публикации: 16 декабря 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Гузаеров, Р.И. Куда ведет турецкий маршрут? // *Международная аналитика*. 2024.
Том 15 (4). С. 187–192.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-187-192>

Author

Razil Il. Guzaerov,
Junior Research Fellow, Department of Middle and Post-Soviet East Institute of Scientifical
Information for Social Sciences, Russian Academy of Science
51/21, Nakhimovskii avenue, Moscow, Russia, 117997
e-mail: guzaerov99@bk.ru

Additional information

Received: November 11, 2024. Revised: December 12, 2024. Accepted: December 16, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Guzaerov, Razil Il. "Where does the Turkish Route Lead?"
Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 187–192.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-187-192>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью».

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования.

Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее актуальные по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаданных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б. Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно:

в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777; по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2024. – 15(4). – С. 1-192.

Подписано к печати: 25.12.24.

Формат: 108x70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 12. Тираж 200 экземпляров. Заказ 0000.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.